

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Забайкальский государственный университет»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт природных ресурсов экологии и криологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Забайкальское отделение Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»

Забайкальское отделение межрегиональной общественной организации
«Ассоциация российских географов-обществоведов»

А. Н. Новиков

**Приграничное положение Забайкальского края
в трансграничном трёхзвенном регионе:
роль в территориальной организации населения и хозяйства**

Монография

Чита
Забайкальский государственный университет
2015

УДК 332.1(571.54/55)
ББК 65.049(2Рос-4Чит)
ББК У049(2Рос-4Чит)
Н 731

Рекомендовано к изданию Советом по научной и инновационной деятельности
Забайкальского государственного университета

Рецензенты

А. А. Томских, д-р геогр. наук, доцент,
М-во образования, науки и молодёжной политики Забайкальского края
К. В. Горина, канд. геогр. наук, Ин-т природных ресурсов,
экологии и криологии Сиб. отд-ния РАН

Новиков, Александр Николаевич

Н 731 Приграничное положение Забайкальского края в трансграничном трёхзвенном регионе: роль в территориальной организации населения и хозяйства: монография / А. Н. Новиков; Забайкал. гос. ун-т. – Чита: ЗабГУ, 2015. – 94 с.
ISBN 978-5-9293-1428-5

В основу научного исследования положена концепция фрактальной географической трихотомии. Доказывается, что на микроуровне у стыков границ трёх стран в различных частях мира формируются специфические географические структуры, для которых характерно центростремительное ужесточение режима хозяйственного природопользования и симметризации территориальных структур. Рассматривается приграничное положение Забайкальского края в трансграничном трёхзвенном регионе восточного стыка границ России, Монголии и Китая. В результате философско-географической идеализации выдвигаются две региональные модели территориальных структур природы, населения и хозяйства – ортогональная и радиальная. В соответствии с моделями предложены две картографические анаморфозы Забайкальского края, отражающие роль приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства. С помощью расчётов коэффициента плотности транспортно-расселенческих структур автор доказывает уменьшение влияния приграничного положения: в соответствии с ортогональной моделью – по мере удаления от участка российско-китайской границы; в соответствии с радиальной моделью – по мере удаления от стыка границ трёх стран.

Монография предназначена для географов-обществоведов, экономистов, специалистов в области приграничного регионального управления и трансграничной интеграции.

Novikov, Alexandr Nicolaevich

Cross-Border Position of Zabaikalsky Krai in the Trans-Border Three-Link Region: Role in the Territorial Organization of Population and Economy: monograph/ A. N. Novikov. – Chita: Publishing House of Transbaikal State University, 2015. – 94 p.
ISBN 978-5-9293-1428-5

The concept of fractal geographic trichotomy is the base of the present research. It is proved that at the micro-level junction of the borders of the three countries in different parts of the world, the specific geographical structure are formed, they are characterized by centripetal tightening regime of economic nature management and symmetrization of territorial structures. We consider the position of Zabaikalsky Krai in the trans-boundary three-link region of the eastern junction of the borders of Russia, Mongolia and China. As a result of philosophical and geographical idealization, two regional models of territorial structures of nature, population and economy are nominated: orthogonal and radial. According to the model, two cartographic anamorphoses of Zabaikalsky Krai, reflecting the role of cross-border position in the territorial organization of the population and the economy, are proposed. With the calculation of density coefficient of transport structures the author proves the reduction of the impact of cross-border position: according to the orthogonal model – with distance from the site of the Russian-Chinese border; according to the radial model – with distance from the junction point of three countries border.

The monograph is intended for geographers-sociologists, economists and experts in the field of border regional management and cross-border integration.

УДК 332.1(571.54/55)
ББК 65.049(2Рос-4Чит)
ББК У049(2Рос-4Чит)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1	
ФИЛОСОФСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ	
ПРИГРАНИЧНЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	7
1.1. Философия фрактальной географической трихотомии: классификация географических наук и направлений трансграничных исследований.....	7
1.2. Трансграничные формы дополнительности приграничных контактных звеньев	11
1.3. Географическое положение: тринитарный подход к трактовке	16
ГЛАВА 2	
ИДЕАЛЬНЫЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ) МОДЕЛИ	
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ	
И ХОЗЯЙСТВА ТРАНСГРАНИЧНОГО ТРЁХЗВЕННОГО РЕГИОНА	
ВОСТОЧНОГО СТЫКА ГРАНИЦ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ	23
2.1. Приграничное положение: представления о позиционировании и роли в территориальной организации населения и хозяйства на микроуровне	23
2.2. Модель локальной международной трансграничной трёхзвенной территории: универсальная идеализация локальных радиальных структур	30
2.3. Дополнительность региональных трансграничных моделей: идеализация территориальных структур.....	37
ГЛАВА 3	
РОЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ	
В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА	43
3.1. Физико-географическое и эколого-географическое положения	43
3.2. История изменения роли приграничного политико-географического положения	48
3.3. Экономико-географическое и конфессионально-географическое положение	54
ГЛАВА 4	
ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ	
ВО ВЛИЯНИИ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ	
НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА	60
4.1. Реализация роли приграничного положения в ортогональной территориальной структуре	60
4.2. Реализация роли приграничного положения в радиальной территориальной структуре.....	69
4.3. Территориальное развитие и противоречивость роли приграничного положения.....	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	84
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	86

ВВЕДЕНИЕ

Забайкальский край имеет два участка государственной границы: 1095 км с Китаем и 831 км с Монголией. Роль приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства в историческом аспекте была неоднозначной. Этим и обусловлена актуальность темы.

В эпоху глобализации трансграничная интеграция предъявляет новые требования к территориальной организации населения и хозяйства приграничья региона, которые выражаются в необходимости обеспечения эффективной контактной функции границы. Трансграничная интеграция в местах стыка границ трёх государств оказывает огромное влияние на территориальную организацию населения и хозяйства трёх приграничных районов.

Приграничная территориальная организация населения и хозяйства Забайкальского края в масштабе международного трансграничного трёхзвенного региона восточного стыка границ России, Монголии и Китая послужила объектом настоящего исследования, а предмет исследования – роль приграничного с Автономным районом Внутренней Монголии (Китай) и Восточным аймаком Дорнод (Монголия) географического положения в территориальной организации населения и хозяйства Забайкальского края.

Разработка теоретико-методологических основ совершенствования приграничной пространственной организации населения и хозяйства Забайкальского края в условиях трёхсторонней трансграничной интеграции приграничных территорий восточного стыка границ России, Монголии и Китая стала целью исследования, для достижения которой в работе были поставлены следующие задачи:

Для достижения цели исследования в данной работе были поставлены следующие задачи:

- расширить представления о фрактальной трихотомии: отраслей географических наук, объектов трансграничных географических исследований, содержания понятий «экономико-географическое положение» и «территориальная структура хозяйства»;

- выявить формирующуюся на локальном уровне структурно-функциональную специфику международных трансграничных трёхзвенных территорий (регионов), предложив их универсальную идеальную модель;

- раскрыть в виде диалектического взаимодействия двух региональных идеальных моделей (ортогональной и радиальной) специфику территориальных структур природы, населения и хозяйства восточного стыка границ России, Монголии и Китая, рассмотрев их как матрицу направлений реализации приграничного положения;

- выявить противоречивость роли приграничного положения Забайкальского края в территориальной организации его населения и хозяйства с позиций дополнительности ортогональной и радиальной моделей;

- провести в соответствии с ортогональной и радиальной моделями два зонирования Забайкальского края по степени участия (роли) приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства;

- рассмотреть географические механизмы смягчения противоречивой роли приграничного положения Забайкальского края в территориальной организации его населения и хозяйства.

Методология работы основывается на тринитарном подходе к объекту исследования. Тройственность международной трансграничной трёхзвенной территории (региона) понуждает к рассмотрению вопросов троичности, законов организации (в том числе и территориальной), функционирования тринитарных структур, что, выраженное в виде картоидов (идеальных моделей), является предметным полем теоретической географии. Запросы практики привели к необходимости исследования проблем формирования приграничных контактных звеньев трансграничного взаимодействия.

Степень разработанности темы. Теоретико-методологическую основу исследования составляют два учения, находящиеся в тесной взаимосвязи: об экономико-географическом положении и о территориальных структурах хозяйства. В развитии этих учений автором была использована трактовка экономико-географического положения (ЭГП) П. Я. Бакланова, как свойства структурированной территории, а также классификация ЭГП И. М. Маергойза. Исследование территориальных структур хозяйств базировалось на трудах И. М. Маергойза, выявившего функции территориальных структур хозяйства (ТСХ); П. Я. Бакланова, разработавшего представление об элементарном микроструктурном уровне ТСХ.

Вопросы философии троичности в географии автор рассматривал опираясь на концепцию логики троичности Б. В. Раушенбаха, тринитарного подхода Р. Г. Баранцева, принципа множественной (тройственной) дополнительности А. Д. Арманда.

При анализе фрактальной трихотомии в классификации географических наук, в объектах географических исследований и в территориальных структурах хозяйства автор опирался на представления П. Я. Бакланова, И. П. Герасимова, Б. Мандельброта, В. С. Преображенского.

Выявление приграничных корреляционных отношений между территориальными природными и хозяйственно-расселенческими структурами основывалось на принципиальной позиции Ю. Н. Гладкого о том, что «главный объект географии – корреляционные отношения (связи, взаимодействия, системы)» [47, с. 328].

При анализе проблем приграничья и трансграничья автор опирался на теоретические разработки П. Я. Бакланова и С. С. Ганзея, сформулировавших представление о трансграничных и приграничных территориях; А. К. Тулохонова, рассмотревшего вопросы трансграничной асимметрии; Ю. Н. Гладкого и Т. И. Герасименко, исследовавших трансграничность как фактор этнокультурного и экономического развития; А. Н. Дунца, выявившего туристско-рекреационную специфику трансграничных территорий; Л. И. Попковой, определившей особенности трансграничной урбанизации; А. А. Томских, выявившего процесс образования трансграничных образовательных структур; В. А. Колосова, рассмотревшего функции государственных границ.

При построении моделей автор обращался к методу анаморфизированных картоидов, получившему развитие в трудах В. Кристаллера, автора универсальной гексагональной модели; к работам П. Хаггета, выделившего виды пространственных моделей; Б. Б. Родомана, сформировавшего представление о поляризованном ландшафте; В. С. Тикунова, обобщившего приёмы картографического анаморфизирования; А. А. Томских, предложившего модели трансграничного геопропространственного взаимодействия.

В выявлении приграничных радиальных структур в пределах Забайкальского края, как одного из секторов трансграничной трёхзвенной территории (региона), автор опирался на концепцию кольцевых структур с центральной активной зоной В. Л. Мартынова.

В изучении размещения населения и хозяйства Забайкальского края автор учитывал научный опыт исследования этой территории, изложенный в трудах В. М. Булаева, В. В. Воробьёва, В. Ф. Задорожного, А. М. Котельникова, В. Н. Лаженцева, А. А. Недешева, А. А. Томских.

ГЛАВА 1

ФИЛОСОФСКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИГРАНИЧНЫХ И ТРАНСГРАНИЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Структурная специфичность международной трансграничной трёхзвенной территории, выраженная в её тринитарности, подтолкнула автора выйти за пределы бинарного взгляда, как двухсторонней дихотомии сопредельных приграничных территорий, рассмотрев трихотомию, позволившую охватить сразу все три сопредельные стороны. Такой взгляд потребовал внедрения тринитарного подхода, который отразился на общегеографическом мировоззрении автора, позволив ему рассмотреть тройственность объектов и направлений географических исследований.

1.1. Философия фрактальной географической трихотомии: классификация географических наук и направлений трансграничных исследований

Тринитарная фрактальность обладает нераскрытым в теоретической географии методологическим потенциалом. Тринитарная философия фрактальности имеет большое значение для географии как мировоззренческой науки, так как даёт альтернативный взгляд на географическую реальность, представляет географические объекты, явления и процессы не в двуедином, а в триедином выражении.

Проблема фрактальности была выявлена в географии американским математиком Б. Мандельбротом [102] при измерении береговой линии Великобритании, который назвал геометрические фигуры, обладающие свойством самоподобия на различных по масштабу уровнях, фракталами (лат. *fractus* — дроблёный, сломанный, разбитый).

В настоящее время в науке ведут речь о фрактальном подходе, базирующемся на самоподобии исследуемых систем и процессов, причём в изучении социально-экономических систем исходят не из геометрического понятия самоподобия, а его структурного и семантического содержания [11].

Троичный взгляд на объект научного исследования (который мы находим в работах Р. Г. Баранцева [19], названный принципом тринитаризма; Б. В. Раушенбаха [144], названный логикой триединства), получает в настоящее время всё большее распространение как в естественных, так и общественных науках.

Исследование бинарных оппозиций было реализовано через принцип дополнительности,

хорошо разработанный в отечественной теоретической географии А. Д. Арманом [4] и Б. М. Ишмуратовым [83], получивший своё воплощение на новом методологическом уровне в принципе тринитаризма.

Тринитарная фрактальность в классификации географических наук

Классификация географических наук возможна на основе тринитарного подхода, фрактальность которого заключается в делении первоначальной триады на последующие триады [120].

Примером тринитарной фрактальности является треугольник В. Серпинского [151], где каждый из трёх малых треугольников, образующих большой, подобен ему по строению. Автор изменил треугольник В. Серпинского, заполнив центральный треугольник (выделенный на рис. 1 пунктирной линией), что позволило не просто рассмотреть тринитарную фрактальность географической науки, но и выявить внутренние взаимосвязи между направлениями географической науки, объяснить появление новых направлений исследований.

Классификацию географических наук можно провести в трёх направлениях: по характеру объектов исследования и изучения; по территориальному масштабу объектов исследования и изучения; по функциональности разделов и направлений. Рассмотрим с применением логики триединства классификацию географических наук на примере трансграничных исследований, тем самым выявив специфику их направленности, и определим перспективы.

Классификация системы географических наук по характеру объектов исследования и изучения наиболее распространена. Она реализовалась в официальной документации на уровне паспортов специальностей, учебных программ, учебников и учебных пособий. Эта классификация основывается на утверждении, что триада «природа – население – хозяйство», составляющая объект исследования географии, породила три классических её направления: физическую, социальную и экономическую географии.

В трансграничных исследованиях тоже прослеживаются эти три направления. В качестве физико-географического направления можно отметить работы С. С. Ганзея [40]. Работы П. Я. Бакланова [12; 13; 14; 15], Т. И. Герасименко, Ю. Н. Гладкого [42] отнести к экономико-геогра-

фическому направлению; работы Л. И. Попковой [138] и Т. И. Герасименко [41] – к социально-географическому.

Отечественная политическая география – самая молодая ветвь, выделившаяся из социально-экономической географии. Необходимо отметить, что трансграничные и приграничные исследования первоначально оформлялись как политико-географические В. А. Колосова и Р. Ф. Туровского [85].

Опираясь на тезис о существовании общественной географии, можно рассмотреть триединство естественной, общественной и экологической географии (геоэкологии). Геоэкология является пограничной наукой между естественной и общественной географией. Экологическая география, или геоэкология, может иметь как естественный, так и общественный характер. Трансграничные геоэкологические исследования становятся для России особенно актуальными. Приграничное эколого-географическое положение страны как на западе (из-за западного переноса воздушных масс в умеренных широтах), так и на юге и юго-востоке (из-за начала трансграничных рек за пределами страны) считается неблагоприятным. Трансграничные геоэкологические исследования активизировались в связи с загрязнением Амура и Аргуни [129].

Классификацию географических наук по территориальному масштабу объектов исследования и изучения, включающую геоглобалистику, страноведение и регионоведение, можно назвать ярусной стратификацией вышеописанных вертикальных географических направлений.

Географические исследования, как и географические объяснения, разворачиваются в триединой (трёхуровневой) системе: макро-, мезо- и микроуровней. Эти уровни ещё называют планетарным, региональным и локальным. Классификация географических наук может проводиться в зависимости от масштабов географического исследования или объяснения и включать геоглобалистику, страноведение и регионоведение.

А. Геоглобалистику в свою очередь можно разделить на три части: геосферологию, геоконфронтологию и геоциклизм.

Работа А. А. Томских [161] по трансграничной географии высшей школы вполне соответствует геоконфронтологии, а исследования Ю. В. Яковца [182] можно отнести к геоциклизму.

Б. Страноведение, как научное направление, было призвано объединить усилия географов различных отраслевых направлений для комплексного исследования стран. Трансграничные исследования в нашей стране на страноведческом уровне рассматривают приграничные и трансграничные территории России и сопредельных стран. Примером масштабного страноведческого трансграничного исследования может служить монография «Приграничные

и трансграничные территории России и сопредельных стран» [141], которая выдержала логику комплексного триединого страноведческого объяснения «природа – население – хозяйство». Географическая трилогия – это традиционная форма научного объяснения в страноведении [125].

Страноведческие принципы изучения территорий, проявляясь на различных географических уровнях, обеспечивают преемственность научного объяснения и воплощают «игру масштабами», о которой писал И. М. Маергойз [100].

Термин «регионоведение» получил распространение относительно недавно, хотя изучение экономических районов всегда было одной из главных задач отечественной географии. В трансграничные исследования активно внедряется термин «трансграничный регион».

Функциональная классификация географических наук, выражающаяся в выделении энциклопедической, теоретической и прикладной географии, в отличие от первых двух демонстрирует не характер или масштаб объекта исследования, а направленность его изучения. Более того, предложенная классификация выражает направленность и целесообразность географического мышления. Динамика развития географической науки подчиняется логике триединства.

Первоначально география зародилась как энциклопедическая наука, описывающая страны и регионы мира. Первый энциклопедический этап и первое описательное направление в географии закреплено в самом названии науки. Этот этап подготовил информационный фундамент для обобщения и рождения собственно научных исследований. Накопленный энциклопедический опыт инвентаризации дал начало теоретической географии – это второе географическое направление и второй этап в развитии науки. Третье научное направление – практическое, которое известно как прикладная география, о которой академик В. Б. Сочава писал: «В настоящее время неотъемлемой частью всякой науки, в том числе и географической, считается реализация результатов исследования в производственной практике. Это функция прикладных разделов различных географических дисциплин [153, с. 28]».

Теоретическое и прикладное направления географии, находясь в диалектическом единстве, по выражению И. П. Герасимова [43], образуют конструктивную географию.

Официальное оформление, если можно так выразиться, каждого направления связано с деятельностью конкретных учёных, которые употребили эти названия и систематизировали ранее накопленный географический опыт. Единые принципы описания сформулировал Н. Н. Баранский [18], таким образом, упорядочив процессы географических описаний. Теоретическая география была выделена В. Бунге [35], который обоб-

щил известные ему экономико-географические теории. Вопросы прикладной географии как организатор научных исследований ставил В. Б. Соचाва. Конструктивную географию выделил академик И. П. Герасимов [43]. Эти учёные осознавали необходимость выделения своих направлений. Однако они не пытались выяснить место своего направления в системе географических наук, поэтому термины «теоретическая география» или «конструктивная география» не получили широкого употребления по сравнению с терминами «экономическая география» или «социальная ге-

ография». К ним относились как к оригинальным названиям. Они не вписывались ни в отраслевую географию, выделяемую на основе расчленения объекта географического исследования на множество предметов по характеру происхождения, ни в комплексные географические направления, выделяемые по охвату территории. В триаде «энциклопедическая – теоретическая – прикладная» география имеются триады второго порядка (см. рис. 1). Выделенные триады второго порядка демонстрируют специализацию триады первого порядка в системе географических наук.

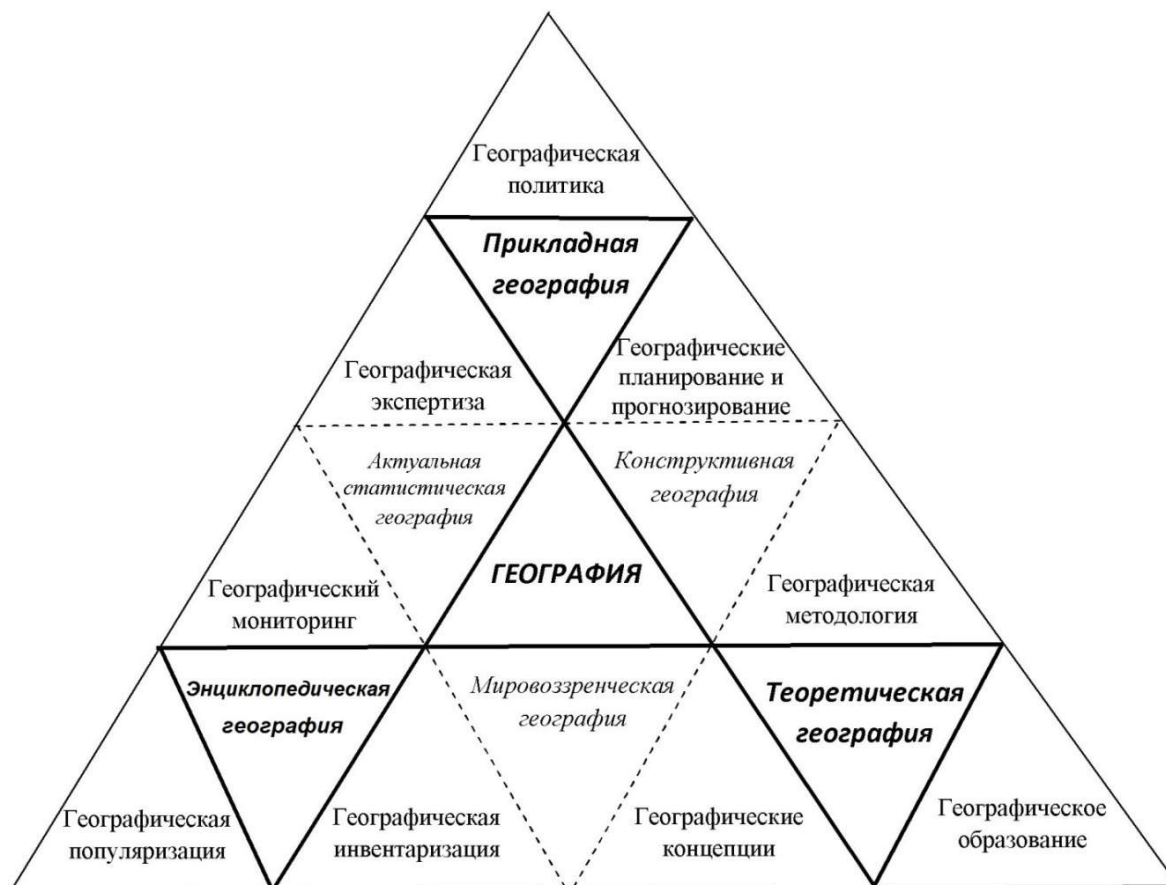

Рис. 1. Функциональная классификация географических наук

Представленная функциональная классификация отражает общественное значение географии. Внешние треугольники схемы: географическая политика, географическое образование и географическая популяризация – это выход географической науки во «внешний мир», то есть общественные функции, которые касаются каждого жителя планеты.

Внутреннюю среду географических наук, выражающую «жизнь географии в себе», воплощают внутренние треугольники, примыкающие к пунктирной линии схемы. «Жизнь географии в себе» – это цикл поиска новых знаний, который проходит каждый учёный, исследуя географические объекты, процессы и явления, которые, в свою очередь, так же имеют свойство тринитар-

ной фрактальности. Рассмотрим это свойство на примере территориальных структур населения и хозяйства.

Философия тринитарной фрактальности в территориальной организации населения и хозяйства

Как отмечал Н. Н. Колосовский: «Во всякой науке, как показывает история научных знаний, самым трудным и сложным делом оказываются исходные положения и понятия. В математике таковым является понятие о материи и энергии, в биологии – учение о «первичном» живом веществе – клетке, в географии – учение о районах

[86, с. 15]». П. Я. Бакланов считает некорректным построение такого ряда подобий; опровергая представление о нём как первичном понятии экономической географии, он разрабатывает представление о территориальных структурах хозяйства, которые закладываются на низшем, микроструктурном уровне как двухслойные образования [12, с. 9–10]. П. Я. Бакланов разделил экономический район на первичные, исходные элементы, выявил их свойства, рассмотрел иерархию территориальных структур.

Подобно Б. Мандельброту, разделившему на фракталы многие вещи: биржевые графики колебания цен на товары во времени, береговую линию, гидрографическую сеть, – П. Я. Бакланов [12] разделил экономический район на элементарные структуры, при этом не ставя задачу поиска самоподобия территориальных структур на различных уровнях. Развивая идеи П. Я. Бакланова о территориальных структурах хозяйства, рассмотрим вопрос их самоподобия на различных территориальных уровнях – фрактальности.

Территориальная организация населения и хозяйства, выраженная в виде географической карты, имеет тройственную природу, которая выражается в сочетании точечных, линейных и площадных тем. В качестве точечных тем выступают населённые пункты, промышленные предприятия и транспортные узлы. Особенность ещё в том, что все три перечисленные точечные темы могут локализоваться, сливаться в одну.

Точечные темы: города, месторождения полезных ископаемых и транспортные узлы. Линейные темы представлены на географической карте различными видами дорог и различного уровня границами. Что касается площадных тем, то они представлены сельскохозяйственными и лесными угодьями. К площадным темам отнесём рыночные зоны промышленных предприятий и учреждений сферы услуг.

В отечественной географии, изучающей процессы территориального освоения, точечные темы – это базы освоения (передовые, глубинные); линейные – трассы освоения (центральные, боковые); площадные темы – зоны освоения (пионерного, реконструктивного).

Интересна роль первичных – точечных структур в территориальной организации населения и хозяйства. По сути, являясь первичной формой, точка участвует в организации линейных и площадных форм. Так, населённые пункты, располагаясь вдоль дорог, рек или морских побережий, сливаясь друг с другом, образуют линейные системы расселения. Населённые пункты сливаются в системы расселения как очагового (дискретного), так и сплошного (континуального) типа, а их самоподобие на различных территориальных уровнях – пример фрактальности.

Интересно и положение линейных тем, которые являются переходными между темами точеч-

ными и площадными. По мнению П. Я. Бакланова [12], у территориальной структуры хозяйства два слоя: линейно-узловой и линейно-территориальный, которые, по сути, являются точечно-линейным и линейно-площадным слоем. Таким образом, три вида тем (структур), сочетаясь в двух вариантах (слоях), образуют двухслойные территориальные структуры хозяйства и размещения населения.

О триединой территориальной структуре писал И. М. Маергойз [100]. По нашему мнению, триединство территориальной структуры хозяйства начинает проявляться на микроструктурном уровне во взаимодействии точечных, линейных и площадных тем. С переходом на более высокие уровни (мезо-, макро-) тройственность приобретает новые формы и проявляется как между тремя первичными темами, так и внутри них.

Р. Г. Баранцев [19] выделил три вида триад: линейные (одномерные), переходные (гегелевские) и системные.

Системной триадой является трансграничный трёхзвенный регион, образующийся вокруг стыка границ трёх государств.

Примеры линейных триад приграничных территорий: Сибирский федеральный округ, Забайкальский край, Забайкальский район. Дробное выделение приграничных территорий можно было бы продолжить, каждый выделяемый уровень имеет участок границы, как один из атрибутов подобия более высокому уровню. Это пример фрактальности территориальной организации населения и хозяйства, который может быть выражен с помощью теории центральных мест В. Кристаллера, изложенной в работе В. Бунге [35]. Приграничная система расселения не является исключением из общего правила (см. рис. 2), она так же образована сетью шестигольников различных географических уровней.

Тринитарная фрактальность при переходе с одного уровня приграничной территории на другой проявляется не только в повторении точечных, линейных и площадных тем, но и повторении при переходе с уровня на уровень трёх главных площадных тем: селитебных, сельскохозяйственных и природоохранных. Причём при выделении селитебных территорий в их пределах можно найти парки для отдыха, как прототипы природных охраняемых территорий, насаждения декоративных цветов, которые требуют земледельческих работ и выступают прототипами сельскохозяйственных участков. Даже на урбанизированных территориях создаются локальные прототипы природных и сельскохозяйственных территорий. В этом проявляется фрактальность.

В трансграничных взаимодействиях главную роль играет фрактальность селитебная. Города, сельские поселения, поселения на особо охраняемых территориях, военные поселения становятся при определённых условиях организаторами приграничных контактных звеньев.

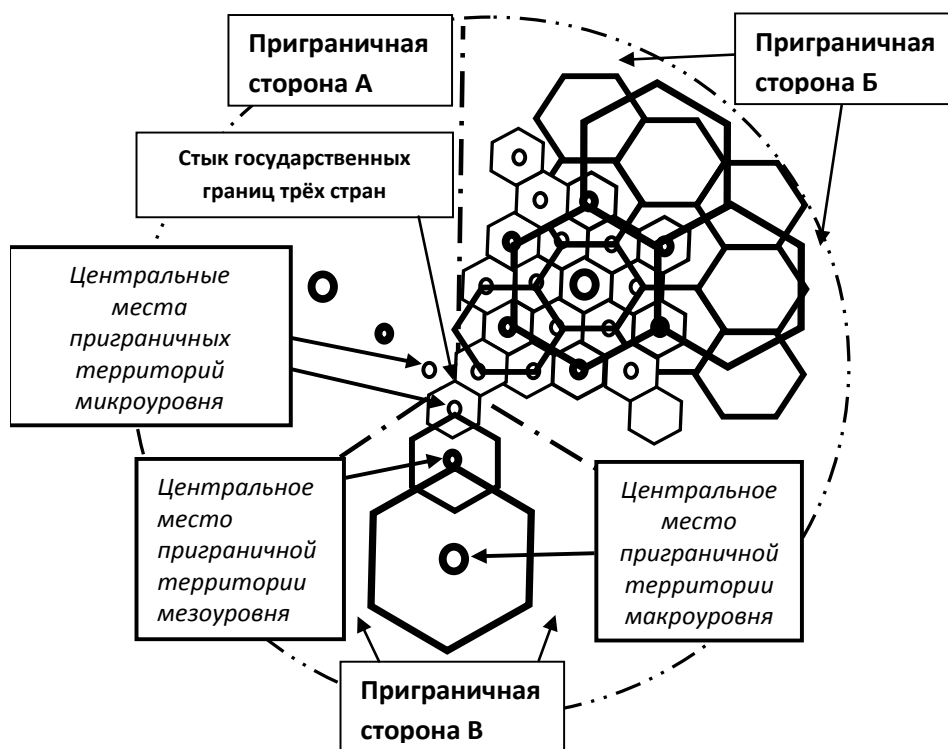

Рис. 2. Фрактальность системы расселения трансграничной территории

Самоподобие, которое демонстрирует триада: селитебные, сельскохозяйственные и природоохранные территории, – имеют место и в приграничье. Однако здесь эта фрактальность территориальной организации населения и хозяйства имеет стратегическое значение. Она, с одной стороны, составляет основу контактных звеньев различных иерархических уровней; с другой – может выступать механизмом территориально-структурного укрепления приграничья.

В качестве переходных триад можно назвать образование между двумя приграничными территориями локального уровня трансграничной зоны свободной торговли, или трансграничного заповедника, объединяющего два приграничных. Таким образом, это процесс объединения двух трансграничных территорий на основе континуальности их территориальных структур и отраслевой общности.

Наряду с двоичной дополнительностью трансграничной территории типа «континуальность и дискретность трансграничья» появляется третье начало – фрактальность, которая выражается в выделении уровней трансграничности и приграничных структур. Это уже не линейная, а переходная триада.

Географическая фрактальность – это не только многоуровневая трихотомия географических объектов, явлений и процессов, или фрактальность системы географических наук. Сама фрактальность может выступать как часть географических триад, замыкая бинарные географические оппозиции: континуальность – дискретность – фрактальность трансграничного пространства.

Основные положения тринитарной географической фрактальности позволяют по-новому взглянуть на уже известную систему географических наук, причём не производя никаких перераспределений отраслей, а просто объединяя уже выделенные науки в триады. То же самое можно отметить и в отношении объектов географических исследований, однако здесь была произведена операция не объединения, как с географическими направлениями, а, наоборот, разделения на триады. Однако и последняя операция прошла без разрушения уже существующих представлений. Концепция тринитарной географической фрактальности органично вписывается в сложившиеся научные представления, дополняя и обогащая их альтернативным взглядом.

1.2. Трансграничные формы дополнительности приграничных контактных звеньев

Трансграничная дополнительность – явление многоплановое, выражающее диалектический характер трансграничных структур, процессов и явлений. Двойственная дополнительность порождается взаимодействием двух приграничных территорий. Дополнительность выражается: в контактности и барьерности границы; во внешнетранзитности и буферности приграничных территорий; в экономическом и неэкономическом взаимодействии приграничных субъектов; в трансграничном давлении и трансграничном притяжении; в противоположных географических образах приграничья [118].

В географической науке имеется понятие «приграничные контактные звенья», под которыми подразумевают географические структуры различных иерархических уровней. П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей [14] в качестве контактных звеньев рассматривают территориальные структуры хозяйства, административно-территориальные единицы различных уровней: макроуровень (приграничные федеральные округа); мезоуровень (приграничные субъекты Российской Федерации); микроуровень (приграничные муниципальные районы).

Трансграничные формы организации контактности приграничных структур возникают на основе их как континуальности, так и дискретности территориальных природных и хозяйственных-расселенческих структур.

Изучение континуальности и дискретности связано с вопросом симметрии и асимметрии трансграничного пространства в современной географии, однако оно не опирается на современные философские исследования симметрии и асимметрии. Географы рассматривают вопрос в разрезе бинарной оппозиции «наличие симметрии – отсутствие симметрии». Кроме того, можно встретить работы, в которых под трансграничной асимметрией выдаётся трансграничная диспропорция. Например, говорят о демографической асимметрии [163], под которой подразумевают различия в численности населения приграничных территорий.

Трансграничная дополнительность приграничных структур населения и хозяйства имеет место во всех трёх случаях.

В представленной работе рассматриваются две формы трансграничной дополнительности приграничных контактных звеньев: первая форма возникает на основе континуальности, а вторая – дискретности территориальных структур.

В ситуации континуальной дополнительности приграничное положение можно рассматривать как симметричное, так и асимметричное – при дополнительной дискретной.

Трансграничное пространство – явление многоплановое, где можно выделить множество аспектов реализации дискретности и континуальности. Т. И. Герасименко [41] эту многоплановость представляет в виде слоёв: экономического, демографического политического, культурного и т. д.

Рассмотрим основные трансграничные формы дополнительности приграничных контактных звеньев по различным видам (слоям).

Экологическая континуальная дополнительность основана на контактности равных по уровню сопредельных особо охраняемых территорий. Например, заповедник дополняется заповедником, национальный парк – национальным парком, а заказник – заказником.

23 июня 2014 года Комитет всемирного наследия на очередной 38-й Сессии в г. Доха (Катар)

принял совместную заявку от Беларуси и Польши на внесение территории Беловежской пуши по обе стороны границы как единого трансграничного Объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО. Благодаря решению Комитета трансграничный Объект всемирного наследия получил общее название Białowieża Forest (Беловежская пуца), а его площадь теперь составляет 141 885 га территории по обе стороны государственной границы. Буферная зона объекта теперь составляет 166 708 га, вместе с ней это территория в 308 583 га. Комитет всемирного наследия ещё в 1979 году включил в Список всемирного наследия часть Беловежской пуши, расположенной на польской стороне, под названием Białowieży Park Narodowy (Беловежский национальный парк). В 1991 году была подана заявка на включение в Список всемирного наследия белорусской части Беловежской пуши, которая на тот момент имела статус государственного национального парка площадью 87,6 тыс. га. Экспертами ЮНЕСКО и Международного союза охраны природы после посещения национального парка было рекомендовано включить в Список часть заповедной зоны национального парка, прилегающей к действующему Объекту Всемирного наследия на польской стороне. Тогда согласно решению Комитета был создан Трансграничный объект всемирного наследия под названием «Belovezhskaya Pushcha/ Białowieża Forest», включающий 4 747 га на польской стороне и 5 250 га на белорусской [135].

На границе России и Китая создан трансграничного резерват «Земля леопарда», в состав которого входят: территория государственного природного биосферного заповедника «Кедровая падь» (Российская Федерация); территория государственного природного заказника федерального значения «Леопардовый» (Российская Федерация); и территория национального природного резервата «Хунчунь» (Китайская Народная Республика).

Реализуются планы по созданию российско-казахстанского трансграничного биосферного резервата «Алтай» на базе Катунского биосферного заповедника и Катон-Карагайского национального парка.

Биосферный заповедник «Даурский» в Забайкальском крае дополняется с сопредельной стороны особо охраняемыми территориями: «Монгол Даур» (Монголия) и «Далайнор» (Китай).

Наиболее успешно трансграничный обмен опытом реализуется на трансграничных особо охраняемых территориях. Это объясняется единством природных геосистем и единством интересов по их сохранению. Поэтому государства в формате этих территорий охотно делятся методиками и техническими средствами по наблюдению за природой и методами её сохранения. Например, внедрение фотоловушек и радиолоушек для диких животных. Таким образом,

меняется география внедрения инновационного развития с центробежной на центростремительную. Инновации начинают внедряться не в центре страны – крупных городах, а на периферии, имея трансграничный характер.

Сопредельные контактные звенья особо охраняемых территорий обмениваются информацией о пожарах, экологических правонарушениях, стихийных бедствиях, наблюдающихся на своих приграничных участках.

Дело в том, что в отличие от других трансграничных континуальных структур (например, хозяйственных) в природоохранных нет конкуренции между сопредельными государствами. Их объединяет общая цель – сохранение и охрана уникальных экосистем. За счёт этого обмена наблюдается синергетический эффект, сопредельные территории ведут общий мониторинг, усилия обеих стран не просто умножаются, они переводят природоохранную деятельность на более высокий организационный уровень. Природоохранное трансграничное взаимодействие меняет представление об эффективности приграничного сотрудничества. Эффективность сотрудничества не в повышении прибыли, а в повышении скорости совместной реакции на возникающие природные и техногенные экологические угрозы трансграничного характера.

Приграничное сотрудничество играет важную роль в развитии территорий. Оно способствует преодолению периферийности, окраинности приграничных регионов в национальных экономических системах. Посредством приграничного сотрудничества страны могут решать геополитические задачи, в частности распространять своё политическое и экономическое влияние на соседние страны. Приграничные регионы выступают в качестве естественных конструкций при строительстве «больших экономических пространств», включающих национальные экономические пространства двух и более стран. Развитие приграничного сотрудничества – своего рода «малая» интеграция, которая является важной составной частью «большой» интеграции – региональных объединений нескольких заинтересованных стран [5, с.152].

Военно-экологическая дискретная дополнтельность проявляется в размещении особо охраняемых природных территорий по соседству с милитаризованными, которые являются источниками трансграничных военных угроз.

В историко-географическом аспекте некоторые особо охраняемые территории были призваны усилить дискретность природных структур; например, современный заповедник «Калужские засеки» в прошлом –участок естественной обороны славян от кочевников. Славяне берегли леса как преграду, лежавшую на пути кочевых народов. Хотя и сегодня можно встретить стремление к усилению дискретности в защитных целях.

Зелёная зона на границе некоторых государств и сегодня несёт защитную функцию. Например, полосы эвкалиптов на палестино-израильской границе. Израильские власти решили высадить 12-километровую полосу из эвкалиптов на границе с сектором Газа. Зелёные насаждения должны лишить боевиков возможности вести прицельный огонь по приграничным селениям. Деревья наберут рост восемь метров за пять лет и обеспечат эффективную защиту посёлкам приграничной полосы. Деревья на палестино-израильской границе высаживают работники Еврейского национального фонда, занимающегося природоохранной деятельностью, созданием заповедников, парков, строительством водохранилищ [180].

Хозяйственная континуальная дополнтельность. Самым главным видом трансграничного взаимодействия является экономическое, его значение в эпоху глобализации только усиливается. Страны, вступая в различные интеграционные группы, стараются обеспечить экономическую континуальность территориальных структур хозяйства и контактность границы. Политико-географическая барьерность границы, как и дискретность территориальных структур хозяйства, исключается на уровне приграничных территорий за счёт создания свободных экономических зон. В отдельных случаях это происходит на уровне стран, например в границах таможенных союзов.

Транспортная континуальная дополнтельность, основанная на единстве приграничных транспортных систем, имеет огромное значение для приграничных территорий. Часто именно континуальность транспортных структур является индикатором трансграничной интеграции вообще. Интересен процесс трансформации конфигурационных типов (географических рисунков) приграничных транспортных сетей Сибири и Дальнего Востока. Тупиковые ветви, образующие древовидные конфигурационные типы (похожие на речные системы с притоками и притоками притоков) региональных приграничных транспортных сетей, характерные для периферийных территорий с использованием контактной функции границы, образуют с зарубежными системами более прогрессивный совместный ортогональный конфигурационный тип транспортных сетей, характерный для центральных регионов стран. Именно в этом выражается эмерджентность трансграничной транспортной дополнтельности, её синергетический эффект. Образующаяся трансграничная транспортная сеть предоставляет перевозчикам альтернативные трансграничные варианты при движении из одной точки в другую. Имеются случаи, когда перемещение пассажиров и грузов между точками, находящимися в одном государстве, идёт с двойным пересечением границы, хотя физически возможно доставить груз и без такого пересече-

ния. Причин может быть множество: лучшее качество дорог на сопредельной стороне или низкие цены на услуги перевозки на сопредельной стороне и т. д.

Россия активно воссоздаёт транспортную континуальность с сопредельными государствами, что связано с трансграничной поставкой энергоресурсов и электроэнергии. Всё это требует строительства трубопроводов и линий электропередач.

Трансграничные формы организации транспортной контактности на основе континуальной дополненности по проницаемости участков границ могут быть коридорными и фронтальными. Коридорный способ встречается в слабо освоенных районах. В этом случае границу пересекает один транспортный коридор, который образован одной коммуникацией (автомобильной или железной дорогой). Возможен вариант групповой концентрации транспортных коммуникаций в один трансграничный коридор, когда они пересекают границу в одном месте, как правило, такая организация контактности границы имеет место между двумя парными населёнными пунктами (пунктами-двойниками). Граница может пересекаться и двумя трансграничными коридорами, однако фронтальная проницаемость образуется только в случае пересечения границы тремя транспортными коридорами, разделяющими участок на четыре близких по величине отрезка.

Участок границы, проницаемый одним коридором, назовём моноконтактным, двумя коридорами – биконтактным, а тремя – поликонтактным, или фронтальным.

При фронтальной проницаемости к центральному коридору примыкают два центральных участка, а от боковых коридоров до стыков трёхграничья проходят боковые участки.

Боковые транспортные трансграничные коридоры являются элементами трёхзвенных трансграничных территорий, они, имея дуговидную относительно трёхграничья форму, закольцовываются с двумя другими дуговидными двухзвенными транспортными структурами в единую трёхзвенную структуру.

Центральный коридор пронизывает соседние территории насквозь, при этом имея транспортные ответвления к боковым коридорам.

Троищность трансграничного транспортного фронта имеет место у различных по иерархии приграничных территорий: локальных, региональных и глобальных.

В отдельных случаях организации фронтальной проницаемости границы препятствуют физико-географические особенности, например горные хребты. В этом случае нагрузка на трансграничные коридоры возрастает. Коридорное взаимодействие может иметь высокую интенсивность. В этом плане его нельзя рассматривать как менее прогрессивное, чем фронтальное. Преимущество фронтальной проницаемости в его вариативности.

Коридорный, или фронтальный, характер проницаемости границы – это пространственная организация её контактной функции, выражающая транспортно-географическое положение на микроуровне, позволяющее рассматривать административно-территориальную единицу как контактное звено в системе трансграничного взаимодействия.

Вопрос о качестве проницаемости границ заслуживает отдельного пояснения. Фронтальная проницаемость участков границы обеспечивается за счёт сочетания пересекающих их автомобильных дорог федерального, регионального и муниципального значения, а также железных дорог. Нет смысла рассматривать в качестве фронтальной проницаемости пересечение границы прочими автомобильными дорогами: полевыми, лесными, автозимниками. Эти дороги обеспечивают проницаемость границы, но отличаются нерегулярностью и очень низкой пропускной способностью.

Важнейшим ресурсом приграничного сотрудничества являются различия соседствующих стран и регионов по структуре экономики, по уровню и соотношению внутренних цен, налоговому и инвестиционному законодательству, доходам населения, и т. д., что позволяет активно обмениваться соответствующими товарами и факторами производства, использовать институциональные различия в предпринимательской деятельности [5, с 152]. В данном случае дискретность выступает как основа трансграничной экономической контактности. Это своего рода разность потенциалов, обеспечивающая движение населения, ресурсов и капитала.

Необходимо отметить, что структурная трансграничная континуальность не является гарантией трансграничной контактности. Имеются случаи, когда структурная континуальность сопровождалась функциональным несоответствием и, как результат, идентичные структуры либо не становятся контактными звеньями, либо трансграничное взаимодействие проходит неэффективно (например, по причине различных стандартов в работе приграничных транспортных систем: различная колея железных дорог у России и Китая, вызывающая необходимость смены колесных пар; различия в поясном времени, обуславливающие начало и конец рабочего дня).

Расселенческая континуальная дополненность имеет два пути реализации контактной функции границы.

Первый путь – разрастающиеся до государственных границ урбанизированные территории, смыкаясь, превращаются в единый город. Такие парные населённые пункты называют городами-двойниками, городами-близнецами. Происхождение такой трансграничной урбанизированной дополненности бывает различное. Как уже было отмечено, в одном случае это

рост вширь соседних приграничных городов и, как итог, слияние у линии границы. Например, на границе Мексики и США образовалось таким образом множество пар городов, самые крупные из которых следующие: Ларедо (США) – Нуэво-Ларедо (Мексика), Эль-Пасо (США) – Сьюдад-Хуарес (Мексика), Эль-Сентро (США) – Мехикали (Мексика), Сан-Исидоро (пригород Сан-Диего в США) – Тихуана (Мексика).

Во взаимоотношениях пар американо-мексиканских городов велика разделяющая роль границы. Города разделяются каменными стенами и железными заборами. Миграция людей и перевозка грузов контролируется. Трансграничная структурная континуальность единого города имеет дискретность территориальной организации социально-экономических процессов.

В Забайкальском крае и Автономном районе Внутренняя Монголия на российско-китайской границе насчитывается множество таких парных населённых пунктов (с юго-запада на северо-восток): Забайкальск – Маньчжурия, Староцурухайтуй – Сератуй, Олочи – Шивэй, Дамасово – Дамусу, Нижняя Верейя – Нюэрхэ, Усть-Уров – Цзилэмуту, Марьино – Малянь, Усть-Стрелка (расположено у слияния Шилки и Аргуни) – Сидяляокэ. Отметим, что у некоторых из них созвучные названия (например, Дамасово – Дамусу, Марьино – Малянь).

Бывает и иной путь организации контактности, когда некогда единый город, разделившись государственной границей, даёт начало независимым поселениям: Констанц (Германия) – Кройцлинген (Швейцария); Валга (Эстония) – Валка (Латвия). У этих городов созвучные названия, а трансграничная структурная континуальность единого города дополняется континуальностью территориальной организации социально-экономических процессов.

Между Нидерландами и Бельгией граница проходит по посёлку Барле. Почти весь посёлок окружён Нидерландами, однако часть его территории принадлежит Бельгии. Прямо посреди улиц границу помечают белыми крестами. Таким образом, становится понятной государственная принадлежность к Бельгии (Барле-Хертос) или к Нидерландам (Барле-Нассау). Конечно, эта разметка больше нужна для привлечения туристов, а не для разделения государств. Туристов привлекает сам факт нахождения на границе, а необычная её организация в виде трансграничного уличного кафе только добавляет интереса, усиливает туристическую привлекательность, формирует новый туристический аттрактор (англ. *attract* – привлекать, притягивать). Население в таких трансграничных городах свободно перемещается через границу, трансграничный город функционирует как единая территориальная социально-экономическая система.

Россия со своими соседями тоже образует трансграничную структурную континуальность на уровне приграничных городов и поселков-двойников. На границе с Украиной посёлок Чертково (Ростовская область) представляет собой целостное поселение с украинским населённым пунктом Меловое (Луганская область). Государственная граница проходит по улице Дружбы народов. Сторона с чётной нумерацией домов относится к посёлку Чертково, а с нечётной к посёлку Меловое.

Культурная континуальная дополнительность может реализовываться и как туристско-рекреационная, и как сакральная. Стык границ всегда вызывал интерес населения, который часто усиливается различными культурными и религиозными объектами: часовнями, крестами, могилами павших воинов, памятными знаками. Например, на границе Аргентины и Чили в Андах установлена статуя Иисуса Христа – это туристический аттрактор религиозного характера. Статуя демонстрирует трансграничную континуальность христианского мира.

В качестве аттракторов могут выступать не только рукотворные, но и уникальные природные объекты. Например, водопады на границе Аргентины и Бразилии (Игуасу) или США и Канады (Ниагарский).

Аграрная континуальная дополнительность основана на однотипности природных ландшафтов по обе стороны границы; так, в Забайкальском крае государственная граница проходит по степным ландшафтам, занятым по обе стороны границы однотипными посевами. Кроме того, пастбища так же имеют симметричное положение относительно границы. Континуальная дополнительность используется в пчеловодстве, когда медоносные площади используются приграничными пасаками по обе стороны границы.

Военная континуальная дополнительность реализуется не только в военных столкновениях, но и в противостоянии на границе, пресекающем все иные общественно-географические формы организации контактности. Задача военного контингента в приграничье заключается либо в изменении положения границы – в случае трансграничного военного вторжения; либо в укреплении положения – в случае концентрации вооружённых сил вдоль её линии. В последнем случае, казалось бы, наблюдается полное доминирование барьерности границы, но даже при отсутствии трансграничных перемещений товаров и населения имеет место контактность. Разведка, проводимая военными на сопредельной стороне, по сути, является военным трансграничным мониторингом, продолжением которого становится соответствующее адекватное изменение территориальной организации вооружённых сил, что является проявлением контактности сопредельных сторон. Таким образом, полная барьерность

границы переходит в контактность, но уже на новом информационном уровне. Информационный характер реализации военно-географической формы – она может реализоваться на основе континуальности транспортно-расселенческих структур.

Французские учёные Жаклин Боже-Гарнье и Жорж Шабо (1967), разбирая функции городов, выделили следующие: военная, торговая, промышленная, культурная, функция гостеприимства, административная и политическая. Рассматривая военную функцию, авторы пишут: «... Военная функция привела также к появлению укрепленных пунктов, преграждающих пути вторжения...» [26, с.115]. В этом случае имеется в виду сам город в целом как укрепленный пункт, а не его внешняя часть – крепость.

«Военная функция способствовала поддержанию или развитию укрепленных городов вдоль границ даже в тех случаях, когда не она была причиной их возникновения. Присутствие многочисленного гарнизона задаёт тон городу, а крепость со своей стороны накладывает на него свой отпечаток...» [26, с.115]. По сути, буферная функция включает в себя и военную.

По утверждению тех же авторов «...Военная функция вычеркнута теперь из числа тех функций, которые призваны осуществлять города...» [26, с. 116]. Они объясняют это усовершенствованием военной техники. Действительно, опасность вторжения современному государству грозит не только на границе с другими странами, но и в местах концентрации большого количества населения – крупных городах, которые могут находиться на значительном удалении от границы.

Однако военная приграничная инфраструктура, представленная приграничными линиями обороны, строительством стен и рвов, расширяется, порождая дискретность социально-экономического и социально-культурного пространства. Ярким примером является российско-украинская граница.

Континуальность территориальных структур и, соответственно, континуальная дополнительность являются более перспективными, чем дискретность и дискретная дополнительность, так как обеспечивают синергетический эффект в развитии сопредельных приграничных территорий, превращая их в единую международную трансграничную территорию.

Трансграничная континуальность и симметрия приграничных структур выражает реализацию фактора приграничного положения, сбалансированность трансграничного развития. Однако различия в темпах экономического развития соседних стран являются причиной нарушения равновесия, возникновения трансграничной дифференциации и трансграничной асинхронности природопользования, что свидетельствует о социально-экономическом неравенстве приграничных территорий.

1.3. Географическое положение: тринитарный подход к трактовке

В работах, не посвящённых исследованию географического положения, где оно воплощается только как дань традиции – первый пункт плана характеристики территории, традиционно под ним понимают местоположение (месторазмещение), фиксирующее факт локализации объекта на планете Земля.

В математико-географической трактовке географическое положение выражается как триада географической широты, географической долготы и высоты над уровнем моря. Однако в географической науке для объяснения многих явлений и процессов стали оценивать географическое положение не только по отношению к условным географическим объектам: экватору, нулевому меридиану и поверхности Мирового океана, но и к объектам, имеющим материальное выражение: горным цепям, портам круглогодичной навигации, транспортным путям. Обязательными атрибутами географического положения любого объекта являются: наличие географических точек отсчёта или географической привязки; система измерений отношений к этим ключевым точкам. Однако цели оценки географического положения различны: в математической географии – это зафиксировать факт локализации, а в остальных случаях – объяснить качество или внутреннее содержание одного объекта его положением относительно остальных географических объектов. В представленной работе в качестве привязки выбрана линия государственной границы и восточный стык границ трёх государств: России, Монголии и Китая.

Географическое положение в нематематической трактовке представляет собой триаду пересекающихся направлений: положение на различных по масштабу уровнях (макро-, мезо- и микроуровни); положение в границах территории определённого уровня (по политическому значению; по отношению к географическому центру; по отношению к выходу в море); положение по избирательному характеру объектов географической привязки (гуманитарно-географическое, эколого-географическое и физико-географическое).

Трёхуровневый взгляд в оценке географического положения не просто задаёт алгоритм (последовательность) его изучения, он позволяет ранжировать объекты потенциального взаимодействия по мере её вероятности. Объекты микроуровня – соседи первого порядка, вероятность взаимодействия с ними наибольшая. По мере удаления от объекта, чьё географическое положение изучается, вероятность взаимодействия уменьшается.

Трёхуровневый взгляд – это структурирование территории, тем самым исследователь

упорядочивает систему пространственных отношений, а уже после оценивает в ней географическое положение.

В представленной работе, исходя из потребности оценки влияния приграничного положения на территориальную организацию населения и хозяйства, автор подвергает структуризации только микро- и мезоуровни, предложив концепцию трёхзвенного трансграничного региона, как специфического географического образования; даёт оценку географического положения в его масштабе.

Мезоуровень – самый проблемный, так как сложно провести границу между микро- и мезоуровнями – с одной стороны; а также мезо- и макроуровнями – с другой. Изучая географическое положение приграничных субъектов Российской Федерации, это становится сделать ещё труднее. Если для глубинных субъектов, не имеющих участки государственной границы, мезоуровень может быть определён границами федеральных округов или границами России, то для приграничного субъекта уже микроуровень является международным, а для приграничных регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, значительно удалённых от экономических и политических центров России, положение внутри страны уже нельзя оценивать как мезоположение. Для приграничных субъектов целесообразно макро- и мезоположения разделить на внешние (международные) и внутренние (национальные).

Микроположение в отличие от макро- и мезоположений наиболее чётко определено границами с соседями первого порядка. Положение в границах территории определённого уровня (макро-, мезо-, микро-) – это раскол на центр и периферию (центральное и периферийное виды положений).

Оценка положения в границах территории определённого уровня проводится в формате поиска бинарных оппозиций: центр – периферия, глубинная и окраинная территории, континентальная и приморская территории.

Остановимся на вопросе превращения этих бинарных оппозиций в триады.

При изучении центрального и периферийного видов положений исследователи, как правило, чувствуют ограниченность этой бинарной оппозиции, неоднородность периферии. Эта проблема преодолевается за счёт выделения ближней и дальней периферии, то есть периферии первого и второго порядков. В любом случае происходит расширение двойственности до тройственности. Хотя среднее географическое положение закрепляется как периферийное первого порядка или ближне-периферийное.

Положение по отношению к выходу в море: приморское, речное и сухопутное. Разработанная Л. А. Безруковым [2006; 2008] континентально-океаническая дихотомия может рассматриваться как континентально-реко-океаническая трихотомия.

Понятие «экономико-географическое положение» (ЭГП) является ключевым в гуманитарной (экономической, социальной и политической) географии. Именно с него начинается каждое экономико-географическое исследование любой территории (страны, района или края).

С развитием общества изменяется социальный заказ к географической науке. Учение об экономико-географическом положении также испытывает глубокую трансформацию. Изменяются цели, подходы и в итоге содержание самого понятия. Развитие учения происходит путём преодоления целого ряда противоречий, с которыми сталкивается исследователь ЭГП конкретной территории. Конечно, эти противоречия невозможно почувствовать, если ЭГП – это всего лишь первый пункт плана в описании территории (дань географической традиции), фиксирующий факт локализации. Противоречия возникают при комплексном исследовании ЭГП территории. Как правило, пара противоречий разрешается через третье начало. Это может быть методологический приём или новый взгляд, который рождается как результат диалектического взаимодействия.

В представленном параграфе автор постарается не только выявить теоретико-методологические противоречия развития учения об ЭГП, затрудняющие реализацию его инструментария в научных исследованиях территорий, но и представить пути их разрешения.

По мнению автора, можно выделить несколько противоречий – бинарных оппозиций, замыкающихся в триады. Так, первое противоречие заключается в обилии работ по тематике ЭГП, с одной стороны, и отсутствии единого полного систематического труда, который бы обобщил все наработки в этой области. Нет ни одной научной монографии или учебного пособия, целиком посвящённого методологическим проблемам оценки ЭГП. Представленный труд в определённой мере призван разрешить это противоречие.

Парадоксальность недостатка теоретического осмысления ЭГП начинает проявляться уже в университетских учебниках. Все исследования ограничиваются фактом локализации или типизацией положений. ЭГП не положено в основу описания ни одной территории. Хотя этот подход к построению географической характеристики территории уже давно обоснован в науке. Объяснение внутреннего содержания региона его положением в пространстве Б. Б. Родман [147] назвал позиционным принципом.

Скорее всего, причину нереализованности теоретических разработок в практике нужно искать очень глубоко и не в научной, а в учебной литературе. Конечно, есть великолепные вузовские учебники по теоретической географии, которые рассматривают теоретико-методологические вопросы. Однако в них, как правило, мы находим определение Баранского [18], вопросы

типизации ЭГП Маергойза [100], но нет информации о современных разработках в области ЭГП, нет методик его оценки.

Второе противоречие заключается в противостоянии двух подходов к изучению ЭГП территории – как ресурса территории или как её географического условия, но они имеют место только в научных работах.

Ю. Д. Дмитриевский [59, с.102], разбирая структуру природно-ресурсного потенциала, выделил восемь частных потенциалов: географического положения, рельефа, минерально-сырьевой, климатический, водный, земельный, ботанический и зоопотенциал.

М. К. Бандман, занимаясь вопросами территориально-производственных комплексов (ТПК), писал: «Условно к ресурсам ТПК можно отнести экономико-географическое положение...» [17, с. 110].

В классификации природных ресурсов Л. М. Корытного [89] ресурсы делятся на два типа: функционально-компонентные и территориально-акваториальные. К территориально-акваториальным ресурсам относятся площадь, форма, протяжённость и ЭГП территории как ресурс местоположения.

К. П. Космачёв, рассматривая географическое положение в качестве одного из видов ресурса взаимодействия, писал: «Их запасы (видов ресурса) при прочих равных условиях обратно пропорциональны экономической удалённости осваиваемой территории по отношению к осваивающей и прямо пропорциональны размерам хозяйственного потенциала последней» [90, с. 51].

Третьим – альтернативным подходом в исследовании ЭГП стало рассмотрение его как свойства структурированной территории, который мы находим в работе П. Я. Бакланова и М. Т. Романова [15].

Методологической проблемой исследования географического положения как ресурса является отсутствие системы единиц и методики оценки этого специфического ресурса. Проблему количественного выражения ЭГП пытались решать с помощью внедрения системы балльной оценки или коэффициентов удалённости. Однако разработать универсальную меру так и не удалось.

Математизация оценки ЭГП порождает третье противоречие между количественной и качественной оценкой. Н. Н. Баранский [18] подчёркивал, что ЭГП индивидуализирует географический объект. Никакой интегральный (единый) показатель не позволяет достигнуть этого. Так, в работе У. Праги [140] за математическими значениями теряется индивидуальный момент ЭГП. Количественная оценка географического положения нужна не сама по себе, а только для практического применения, чтобы оценить ресурс местоположения (ресурс взаимодействия) в конкретных целях.

Все существующие методики численной оценки ЭГП сводятся к двум вариантам. Первый

вариант заключается в присвоении объектам баллов или коэффициентов в зависимости от удалённости от основного объекта, который имеет для них экономическое значение. Второй – это расчёт отношения расстояния от интересующего нас объекта к величине потенциала вне его лежащего объекта, который имеет для него экономическое значение (теория поля).

На возможность количественной оценки ЭГП обращал внимание И. М. Маергойз [99], который предлагал выразить его через рентные отношения. В дальнейшем вопросам дифференциальной ренты по местоположению было посвящено множество работ – В. П. Дронова [61], С.В Дуденко, В. П. Мосунова, Н. М. Сысоевой [63].

Л. А. Безруков в своей экономико-географической концепции «Континентально-океанической дихотомии» ЭГП территорий относительно морей и океанов выразил через их транспортно-географическую континентальность и транспортноёмкость региональных и национальных экономик [21].

Противоречие между количественной и качественной оценкой разрешается при помощи меры. В мере проявляется единство количественной и качественной оценок географического положения. Мерой могут выступать положения ключевых объектов.

Четвёртое противоречие – между унификацией и индивидуализацией, которое порождено увлечённостью учёных не только математизацией, но и типизацией ЭГП; выявление, отнесение ЭГП объекта к известным типам и видам положений, т. е. географы проводят процедуру унификации.

В качестве примера поиска индивидуального момента можно привести метод составления фоторобота человека в криминалистике. При этом путём подбора типичных форм человеческого лица достигается уникальный (неповторимый) портрет человека. Количество стандартных признаков переходит в уникальное изображение – это проявление закона перехода количественных изменений в качественные [121].

В географии мы наблюдаем противоположный процесс. Проблема изучения ЭГП заключается в том, что, взяв для исследований уникальный объект (а двух одинаковых ЭГП, как известно, нет на планете), географы начинают раскладывать его на стандартные, уже всем известные типы и виды, при этом теряется индивидуальный момент положения. Исследование ЭГП должно завершаться не выявлением известных видов положений (анализом), а установлением между ними детерминированных цепочек (синтезом). Именно синтез отдельных видов ЭГП позволяет выявить причины нереализованности этого специфического вида ресурса.

В бинарной системе «унификация и индивидуализация» часто проявляется третье начало –

деиндивидуализация, то есть потеря индивидуализации при оценке ЭГП, например при численной оценке, присвоении баллов, индексов и коэффициентов.

Глобализация, или регионализация, это пятое противоречие. Выделим несколько этапов в противостоянии этих двух подходов. Этапы отражают не только историю становления географической науки, но и информационно-техническое развитие общества, которое в зависимости от своих социально-экономических потребностей предъявляет к науке свои новые социальные заказы.

Первый этап можно назвать этапом освоения географии. Он связан с расширением смысловой нагрузки понятия «географическое положение». Н. Н. Баранский (1980) выдвинул идею о положении как об отношении объекта к вне его лежащим данностям. Вопрос заключается не столько в том, где находится территория, сколько в расположении относительно объектов за её пределами. Таким образом, кроме факта локализации объекта в понятие ЭГП учёные ввели и отношение к его внешним данностям. И. М. Маергойз [99] считал большим недостатком сводить положение объекта только к факту его локализации. Суть положения, по его словам, можно прочувствовать посредством многократных пространственных отношений.

Неоднозначность в понимании сущности понятия ЭГП связана с отсутствием единой формулировки философской категории «отношение». И. М. Маергойз [99] предложил понимать под отношениями не только связи, но и предпосылки для их возникновения, что существенно осложнило процесс анализа, так как потребовало не только констатации действительности, но и предоставление прогноза. В этом просматриваются идеи географического фатализма.

В ЭГП территории можно увидеть черты будущего её социально-экономического и политического развития.

Второй этап вызван закрытием ойкумены и глобализацией. Географы стали проводить оценку с взглядом на объект извне (со стороны) и взглядом вовне. В соответствии с этой двойственностью во взглядах в географии можно выделить два направления развития учения об ЭГП.

Первое направление, для которого характерна расстановка акцентов при оценке на внешних данностях. Классическое определение ЭГП Баранского даёт запрограммированность в исследовании взгляда вовне. По его словам: «ЭГП – это отношение какого-либо места, района или города ко вне его лежащим данностям, имеющим то или иное экономическое значение, всё равно – природного ли порядка эти данности или созданные в процессе истории» [18, с.129]. Классик не ставит вопрос о значении самого объекта для

вне его лежащих данностей. Основной задачей был поиск внешних факторов регионального развития. Такое понимание концепции ЭГП и сущности этого понятия отвечало требованиям освоенческого этапа становления советской экономики, когда для развития северных и восточных регионов рассматривались не только внутренние ресурсы, но и внешние (ресурсы соседних регионов). Именно для последнего и использовался инструментарий ЭГП.

Считаем необходимым отметить ещё одну особенность определения ЭГП и направленности исследования, заключённого в нём, – это экологический подход, применённый Н. Н. Баранским задолго до его формулировки и распространения как общенаучного, наряду с территориальным, историческим и типологическим. В данном случае имеется в виду изучение не экологических систем, а центральноориентированность системного исследования. Н. Н. Баранский, подобно экологу, рассматривал территорию при оценке ЭГП, поместив её в центр, изучая её отношения с вне лежащими данностями. При этом не ставился вопрос об отношении этих данностей между собой. В настоящее время экологический подход применяется как общенаучный во многих общественных науках – в социологии, в культурологии, а в общественной географии, на наш взгляд, его первым реализовал Н. Н. Баранский, хотя и сделал это интуитивно.

Идея Ю. Г. Саушкина [150] о необходимости рассмотрения положения объекта в «силовых полях», казалось бы, продолжает направление исследований Н. Н. Баранского, но на самом деле даёт новый взгляд, поднимая проблемы значения самого объекта для вне его лежащих данностей.

Второе направление связано со взглядом извне, то есть переоценкой ситуации, поиском внутренних факторов привлекательности региона для вне его лежащих данностей и его значения для них. Смена вех объясняется сменой парадигм развития. Если раньше притягательность объекта (в частности восточных регионов России) была неоспорима и обуславливалась природно-ресурсным потенциалом, то в настоящее время исчерпание его заставляет искать новые факторы внутренней привлекательности территории. Территория с её внутренним содержанием (экономическим, демографическим и природно-ресурсным потенциалами) создаёт своё «силовое поле», которым воздействует на окружение. Таким образом, географическое положение отражает значение территории во взаимодействии с другими территориальными единицами.

При оценке географического положения необходимо учитывать то, что большую роль играет присутствие территорий-соседей, граница с которыми регион либо усиливает свои потенциа-

лы, либо теряет их, выходя «серой тенью» на фоне более развитых и благополучных территорий [32].

В данном понимании термина в его смысловую нагрузку включается не только отношение к внешним данностям, но и внутреннее содержание объекта.

Взгляд извне (со стороны) как методологический приём больше отвечает современным тенденциям глобализации экономических, социальных и политических процессов. Сегодня необходимо выявить место и роль объекта в этих многочисленных и глобальных отношениях. Каждая административно-территориальная единица страны выполняет какую-либо функцию в общей системе, и её суть, опередив потребности времени, разбирали А. А. Минц и В. С. Преображенский [107] в качестве функции места. Под «функцией места» ими понималась некоторая часть географического пространства, несущая определённую функцию в жизнедеятельности общества и удовлетворяющая соответствующую потребность в его жизнеобеспечении.

Функция – это внешнее проявление свойств какого-либо объекта в данной системе отношений [165]. Таким образом, функциональность упорядочивает многочисленные отношения, делает возможным прогнозирование и программирование.

Современные учёные активно развивают взгляд извне, так как в условиях глобализации существует потребность в оценке положения в глобальных географических системах.

Бинарная оппозиция «глобализация – регионализация» разрешается через локализацию. Локализация в данном случае – это когда отдельные небольшие территории выявляют свою культурную идентичность, чётко отделяют себя от соседних территорий. Возникающая в результате локализации этих особенностей территориальная дифференциация экономических, социальных и культурных показателей понимается нами как регионализация в этом процессе. В последующем локализованные особенности превращаются в региональные бренды, некоторые из которых позиционируются на глобальном уровне, то есть глобализируются, тем самым замыкая триаду «глобализация – регионализация – локализация».

Шестое противоречие в развитии учения об ЭГП – это детерриториализация и территориализация исследований. В связи с глобализацией и всё большем распространением в исследовании положения территорий взгляда извне представления становятся всё более и более виртуальными. Наблюдается замена традиционных понятий в географии. Так, понятие «политико-географическое положение» заменяется всё чаще на «геополитическое», «экономико-географическое положение» на «геоэкономическое». Но-

вые понятия, такие как «культурно-географическое положение» или «эколого-географическое положение», вообще не успевают закрепиться, уступая место «геокультурному» и «геоэкологическому положению». Причиной такой замены понятий является увеличение количества работ по анализу географического положения как фактора развития не географами: экономическими процессами – экономистами, культурных процессов – культурологами, политических процессов – политологами, экологических – экологами и т. д. Специалисты других наук, обращаясь к вопросам пространственного анализа, не учитывают наработки географов.

Есть ещё одна причина детерриториализации анализа – это отсутствие чётких схем районирования в практике регионального управления. П. Я. Бакланов [15] назвал ЭГП свойством структурированной территории. Однако отсутствие чёткой структуризации не даёт возможности чёткой оценки положения. Разработки отечественных географов по экономическому районированию в 2000 году не были учтены при утверждении схемы федеральных округов.

Развитие культурной географии не предоставило культурно-географического районирования, большая часть работ укладывается в рамки культурологии, а не географии.

Рекреационная география, получившая отражение в классификаторе и названии нашей науки, усложнив её формулировку, не дала общего рекреационно-географического районирования России.

Территориализация – чёткая «привязка» научного анализа к территории. Детерриториализация в настоящее время доминирует над территориализацией. По нашему мнению, виртуализация географии, выраженная в детерриториализации научной мысли, наиболее серьёзная проблема развития географической науки.

В качестве вывода по анализу последнего противоречия можно сказать, что понятие ЭГП сегодня трансформировалось и потеряло свою содержательную индивидуальность, что обусловлено отрывом от территориальности в его анализе. На смену территориальному анализу пришёл анализ абстрактного положения в глобальных системах.

Через поиск своей культурной, экономической и ресурсной идентичности идёт процесс ретерриториализации, то есть повторной территориализации. Через ретерриториализацию замыкается бинарная оппозиция «территориализация – детерриториализация».

Седьмое противоречие – это противоречие между теоретическим и прикладным направлением в изучении ЭГП, выражающееся

в том, что с одной стороны выделяются новые виды положений и подвергаются переосмыслению старые, а с другой – фактор геогра-

фического положения всё чаще получает оценку в решении практических задач, при этом не базирясь на разработках географов.

Среди новых видов можно отметить инновационно-географическое [97], почтово-географическое положение [24]. Примером переосмысления традиционных видов может выступить концепция континентально-океанической дихотомии [21], в которой подвергается переосмыслению понятие «транспортно-географическое положение».

Практическое применение учения об ЭГП наблюдается на микроуровне, например при оценке городских земельных участков [146] или расчёте эколого-экономического ущерба при загрязнении атмосферы [171].

Восьмое противоречие заключается в дифференциации понятия, разделении на новые виды и его интеграции. К сожалению, дифференциация, выраженная в выделении новых видов, доминирует. Попытка интеграции была предпринята М. Д. Шарыгиным и В. А. Столбовым [176], которые ввели понятие «общественно-географическое положение», объединяющее такие понятия, как «экономико-географическое положение», «политико-географическое положение», «эколого-географическое положение».

Выявленные группы противоречий в развитии учения об ЭГП, как было выявлено, не просто взаимосвязаны, но взаимообусловлены друг другом. Разрешение противоречий в географических исследованиях происходит из конкретных целей, которые ставит перед собой исследователь.

Без преувеличения можно сказать, что от успешности преодоления этих противоречий зависит не только результативность конкретных научных исследований, но и направление развития учения об экономико-географическом положении и всей географии в целом.

Противоречие между теоретическими и прикладными аспектами ЭГП должно разрешаться в русле конструктивной географии, то есть выделение новых видов ЭГП должно идти параллельно с внедрением этого теоретико-методологического инструментария в практику.

Восприятие процессов развития учения об ЭГП как бинарных оппозиций позволяет выявить проблемы, а вот выявление замыкающих эти оппозиции третичных процессов позволяет увидеть пути решения. Такое триединое понимание процессов развития учения и изменение содержания понятия позволяет осознать не только масштаб развития учения, но и ещё не раскрытый его потенциал.

Тринитарный алгоритм оценки ЭГП

В экономической географии имеются попытки выработки специального алгоритма оценки

ЭГП [139]. Однако любая схема или алгоритм выступают как трилогия выявления: положения локализации, положения в связях и положения в отношениях. Последний шаг – это выявление предпосылок возникновения связей. Во всех трёх случаях исследователь имеет дело со структурами: структурами взаимного размещения (структурами соседства), структурами реальных (устойчивых) связей, потенциальными структурами связей (отношений).

Во всех трёх случаях это положение в структурах. В первом случае оценивается положение в материальных структурах – положение вещей; здесь идёт речь о рядоположенности (соседях первого, второго и последующих порядков), зонах и районах.

Во втором случае положение в связях. Одни и те же географические объекты, обладающие территориальной общностью, могут постоянно изменять характер и направленность географии связей, демонстрируя вариативность взаимодействия.

По характеру связей географические объекты образуют различные территориальные структуры: экономические (хозяйства), конфессиональные, экологические, военные. Эти структуры могут быть территориально организованы, иметь управляющую систему, оформленные территориальные единицы управления – административно-территориальное деление. Возможно и существование самоорганизующихся структур, которые налагают на исследователя в оценке географического положения дополнительную операцию – выявление общей структуры связей, а уже после оценки – положения в ней. В конечном счёте исследователь должен иметь представление о полноте системы связей, то есть о способе организации системы, в которой пребывает объект. Исследователь выходит на познание структуры.

В советский период в оценке ЭГП эта операция была сведена к формальности, так как существовала общепринятая сеть экономических районов, узлов и территориально-промышленных комплексов. В настоящий момент ситуация намного сложнее, географу для оценки экономико-географического положения предстоит не просто предложить, но и отстоять свой вариант структурирования, а уже после оценить положение объектов в этой структуре. Например, Л. А. Безруков [20] вначале провёл зонирование поверхности континентов по показателям транспортно-географической континентальности, а уже после оценил транспортно-географическое положение России. Это пример структуризации на макроуровне.

Проблема структуризации выражается в избирательности отношений, их начальных точек отсчёта (привязки отношений) и выделении их территориальных уровней.

Изучение структуры соседства – это выявление факта локализации или взаимного размещения объектов; значение его велико, так как оно даёт предрасположенность к образованию географических связей. Однако в современном мире соседство не является гарантией приоритетности связей. Множество примеров, когда страна имеет с соседями третьего или четвёртого порядка связи прочнее, чем с соседями первого порядка. Ранее экономические и политические блоки создавались по принципу соседства и территориальной или акваториальной (НАТО) общности. Современная группировка БРИКС меняет представление о роли географического положения в блокообразовании. Коренным образом изменился подход: ранее создавались региональные группировки, которые приобретали глобальное значение, а БРИКС изначально стала глобальной группировкой. Философия глобального блокового мышления изменилась, изменилась и роль географического положения. На первый взгляд может показаться, что оно перестало иметь значение, ведь факт локализации, как соседство стран друг с другом, не является приоритетным. Однако это не так. В современном мире рассредоточенность не является преградой связям. Географическое положение реализуется не в наличии общих границ как ресурса для взаимодействия, а в удержании стратегических пунктов в глобальной транспортной системе.

По видам отношения и системообразующие связи могут совпадать и не совпадать. Примером совпадения является оценка конфессионально-географического положения в конфессиональных территориальных структурах, которые представлены точечными темами (монастырями, храмами, часовнями), линейными темами (маршрутами паломничества) и площадными темами (епархиями). В современных условиях возможна оценка туристско-географического положения в системе конфессионально-географических связей, то есть исследование экономических отношений в конфессиональной сфере. В этом случае религиозное паломничество рассматривается как один их разновидностей туризма. Автор со своими коллегами реализовал такой вариант в отношении Забайкальского края [51].

Иной взгляд – это оценка культурно-географического положения в конфессиональных структурах. Культурно-географические структуры, подвергающиеся локализации, регионализа-

ции и глобализации, как было отмечено ранее, формируют территориальные бренды, которые привлекают туристов и позволяют исследователю оценивать туристско-географическое положение в культурных территориальных структурах.

Возможны и другие варианты не совпадения характера территориальных связей и характера оцениваемого положения: оценка политико-географического положения в системе экологических отношений и охраны природы, когда потоки загрязняющих веществ рассматриваются не с эколого-географической, а с политико-географической точки зрения.

По нашему мнению, такая трактовка открывает широкие возможности в исследовании географического положения. Возможности инструментария ЭГП расширяются. Один и тот же вид положения можно рассматривать не только на различных географических уровнях (глобальном, региональном и локальном), но и в различных территориальных структурах, как идентичных виду положения, так и не идентичных. В указанных примерах можно говорить о двух вариантах применения инструментария географического положения: классическом, когда вид ЭГП тождественен характеру структурообразующих связей, и неклассическом, когда даётся нестандартный взгляд на ЭГП и идентификацию уже установленных связей: экологические связи рассматриваются как политические, а культурные – как экономические. Такой интродуцированный подход к исследованию географического положения показывает не только гибкость подхода, умения исследователя нестандартно взглянуть на сложившуюся структуру связей, но и демонстрирует дополнительные возможности концепции ЭГП.

Избирательность отношений начинается с определения их вида: экономические, политические, экологические.

В третьем случае – оценке положения в системе отношений, операция производится в перспективных (воображаемых) структурах.

Увеличение степени виртуализации, которая демонстрирует вариативность, неотъемлемый атрибут оценки географического положения. На этапе изучения перспективных связей, то есть изучения предпосылок (отношений), географ неизбежно выходит на географический прогноз, который может иметь элементы географической фантазии.

ГЛАВА 2

ИДЕАЛЬНЫЕ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ) МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА ТРАНСГРАНИЧНОГО ТРЁХЗВЕННОГО РЕГИОНА ВОСТОЧНОГО СТЫКА ГРАНИЦ РОССИИ, МОНГОЛИИ И КИТАЯ

2.1. Приграничное положение: представления о позиционировании и роли в территориальной организации населения и хозяйства на микроуровне

Понятие «роль» имеет множество толкований. В Толковом словаре русского языка, выпущенного под редакцией Д. Н. Ушакова (2008), приводится четыре значения этого понятия. В контексте представленного исследования понятие «роль» употребляется как «значение, род и степень участия в каком-нибудь деле, предприятии, событии» [159, с 794]. В представленном значении понятие «роль» включает в себе оценку, отвечая на вопросы «Кого? Чего?» или же вопрос «Какую?» [159]. Например, Забайкалье в 1920–1922 годы выполняло роль буферных структур, пространственно отделяя молодую Советскую Россию от милитаристской Японии. Государство ДВР часто называли буферным. Приграничное положение Забайкалья оценивали через роль буфера. А. А. Недешев [113] развивал концепцию «экономического моста», оценивая роль географического положения территории как экономического моста между Сибирью и Дальним Востоком с ориентацией обрабатывающей промышленности на нужды последней. Что касается ответа на вопрос «Какую?», то здесь оценка роли выражается уже не существительным, а прилагательными: положительную или отрицательную; главную, ведущую или второстепенную; противоречивую.

«Смысл оценки экономико-географического положения заключается в максимально возможной объективной характеристике *роли* (выделено мной – А. Н.) того или иного общества, тех или иных фрагментов этого общества – районов, даже городов – в рамках реальных исторических, социально-экономических, научно-технических процессов современности и тенденций их развития, «заказывающих» этим объектам задачи потребного социального субъекта. Таким образом, в этих оценках содержатся начала концепции соответствующих социальных органов в многомерной системе мировых общественных отношений, если угодно – даже признание их социальными организмами, хотя и входящими в системы более высоких порядков» [82].

Роль приграничного географического положения может меняться. Кроме того, меняться как под влиянием отмеченных условий, так и целенаправленно, то есть планомерно, под влиянием процесса позиционирования территории.

В PR, рекламе и маркетинге позиционированием называется выбор, создание и корректировка отличительных черт, преимуществ, достоинств в сознании потребителей (целевых групп). Позиционировать на определённом этапе можно и нужно товар, услугу, человека (например, депутата), организацию, предприятие и даже территорию. Необходимость в позиционировании возникает, когда обостряется конкуренция за ресурсы, финансы, кадры, инвесторов, туристов, т. е. когда явные и очевидные отличия стираются или становятся малозначительными [25, с.23].

Забайкальский край как субъект Российской Федерации появился на политико-географической карте 1 марта 2008 года. Новое название территории отражает его географическое положение, что имеет большое значение для потенциальных инвесторов и туристов, облегчая им восприятие территории. Образование нового субъекта с новым названием можно рассматривать как первоначальный этап позиционирования – формулировку названия бренда региона. Понятие «позиционирование» не подменяет собой традиционное для географии понятие «экономико-географическое положение». А. Г. Дружинин сделал попытку провести теоретико-методологическое их разделение. По его мнению, позиционирование – это адаптивный процесс приспособления к внешней и внутренней среде функционирования территориальной социально-экономической системы и одновременно изменения (по возможности) этой среды [62, с. 26]. Таким образом, позиционирование рассматривается как активный процесс реализации определённой геостратегии. По нашему мнению, позиционирование можно рассматривать более широко: не только как «активную сторону отношений конкретной территориальной социально-экономической системы (ТСЭС) ко всем остальным феноменам территориальной организации общества» [62, с. 26], но и как элемент географической экспертизы, как приём оценки

ЭГП. ЭГП – явление, а позиционирование – это процесс его отражения. Отражение может иметь различные цели и разную степень объективности.

Трансграничное позиционирование – это изменение приграничного экономико-географического положения посредством инструментов маркетинга и рекламы. В современных условиях приоритетным является рыночно-географическое положение, любая территория ищет выход на глобальные, национальные и региональные рынки, пытается найти или создать спрос на свою продукцию. Это касается как товаров, так и услуг. Среди услуг главными становятся туристические.

Все виды ЭГП начинают оцениваться по отношению к рынкам сбыта или потокам туристов. Рыночно-географическое положение соответствующих (собственных) территориальных структур не имеет – это положение в операционном пространстве. Рынки выступают способом организации территории.

Ю. П. Михайлов разделил понятия «территориальная организация» и «организация территории»: «Первая, т. е. территориальная организация, включает систему расселения, размещения производства и социальной инфраструктуры на рассматриваемой территории. Иначе говоря, она воплощает в себе совокупность всех связей и отношений в пространственном (территориальном) аспекте. Организация же территории – это лишь составная часть территориальной организации, она представляет собой разделение поверхности Земли (территории) как операционного пространства по природопользователям, при этом в число природопользователей в данном случае мы включаем и саму природу [109, с. 32]». В нашем случае с рыночно-географическим положением имеет место разделение не по природопользователям, а по продавцам и потребителям товаров и услуг.

В приведённом высказывании Ю. П. Михайлова имеет место выделение особого – операционного пространства. Вопрос заключается в том, кто является оператором. В организации территории трансграничья таковым является трансграничный процесс взаимодействия приграничных районов, в нём не выделяются какие-то наднациональные операторы, это многосторонний процесс, который складывается по заранее установленным правилам. Таким образом, процесс территориальной организации населения и хозяйства можно отнести к типу сочетающих самоорганизацию и управление. Трансграничное пространство можно назвать особым операционным пространством. Роль приграничного положения, в каких бы конфигурационных типах она ни получала воплощение, в конечном счёте выражается во взаимной территориальной организации населения и хозяйства двух или более приграничных административных единиц.

Рыночно-географическое положение, формируясь на основе других видов ЭГП, может в свою очередь и изменять их. Как раз это изменение и есть позиционирование в понимании А. Г. Дружинина [62]. В поисках выхода на новые рынки меняется транспортно-географическое положение, через территорию могут пройти новые магистрали, что изменит туристско-географическое положение. Таким образом, все виды ЭГП не просто взаимосвязаны, они взаимообусловлены.

Позиционирование включает в себя как стратегию, так и тактику изменения ЭГП. У приграничного ЭГП имеются свои особенности реализации, а значит, и свои особенности позиционирования – трансграничные, которые рассмотрим более подробно. Среди особенностей трансграничного позиционирования выделим несколько.

1. Приграничный регион должен войти в информационное пространство сопредельной стороны, то есть сайты государственных и частных компаний должны быть переведены на иностранный язык – язык, который на сопредельной стороне является государственным. Должны быть чётко определены целевые группы, на которые рассчитана информация.

Проведённые автором совместно с забайкальскими учёными исследования по проблемам трансграничного позиционирования [84; 16] показали, что у Забайкальского края в целом и отдельных его районов и городов нет стратегий трансграничного позиционирования в иностранном сегменте сети Интернет. Хотя в китайско-, монгольско-, и англоязычных сегментах имеется информация об объектах Забайкальского края, но она чаще исторического плана.

Как показали исследования [131], в русскоязычном сегменте сети опыт позиционирования имеется, но единой стратегии так же нет.

2. Приграничное сотрудничество должно стать главным конкурентным преимуществом, реализующим ресурс приграничного ЭГП.

3. В качестве движущих сил реализации приграничного положения часто выступают спрос и предложение, которые через свои рыночные зоны давления и притяжения формируют приграничное рыночно-географическое положение (ПРГП). Детерминизм географического положения в территориальной организации населения приграничных территорий проявляется через экономико-географические механизмы давления и притяжения трансграничных рыночных зон.

В настоящее время проблема оценки связи географических факторов с экономическим развитием страны и эволюцией российского общества закономерно привлекает всё большее внимание отечественных экономико-географов. Постепенно меняется отношение к географическому детерминизму, преодолеваются его крайности и преувеличения, уточняются пределы и цепочки детерминации. Следовательно, су-

щественно расширяются объяснительные возможности самой экономической географии как фундаментальной науки, призванной изучать обусловленность (детерминированность) социально-экономических и политических явлений, связей и процессов дифференциацией (неоднородностью) естественных, экономических и культурных ландшафтов [20, с.3].

Современный географический детерминизм (геодетерминизм) – научная (географическая) концепция, объективно отражающая роль и значение географической среды в жизни и развитии общества [80, с. 8].

Географическая наука должна выстраивать и постоянно уточнять цепочки детерминации, начальным звеном которых является приграничное географическое положение.

Изучая вопросы территориальной организации жизнедеятельности населения приграничных районов, автор предложил своё видение приграничного положения (см. рис. 3), выразив его в виде блоковой схемы [119, с. 23]. Предложенная схема выражает диалектическую сущность приграничного положения, она отражает древний восточный знак «Инь и Янь», читающийся по спирали от периферии к центру.

Рис. 3. Механизм изменения характера приграничного положения территории [119]:
 А1 – внешние факторы, влияющие на функции района и границы; А2 – внутренние факторы, влияющие на функции района и границы; В1 – функции границы; В2 – функции района; В1 – проявление функций неблагоприятной политической обстановки; В2 – проявление функций благоприятной политической обстановки; Г – функции приграничной ленточной системы расселения; Д – диалектическое взаимодействие противоположных функций.

К приграничным районам предъявляется одно требование – это быстрая адаптация к смене характера двухсторонних политических отношений.

Вариативность влияния приграничного положения – это вариативность ролей, которая может проявляться в территориальной организации населения и хозяйства. Вариативность ролей зависит как

от внешних факторов (геополитической ситуации в мире), так и от внутренних (внутренняя политическая ситуация в стране). Эта роль может быть главной или второстепенной; кроме того, она может быть противоречивой, имея двойное значение. Именно в противоречивости роли приграничного положения и выражается его диалектическая сущность.

Приграничное положение может играть две противоречивые роли в территориальной организации населения и хозяйства: с одной стороны организации контактного звена для трансграничного движения товаров, ресурсов, населения; а с другой – организации буферных структур, препятствующих этому движению. В упрощённом виде речь идёт о противостоянии экономической контактности и военной буферности.

Реализация приграничного положения в организации контактных звеньев происходит через спрос и предложение. Глобальный спрос и предложение порождают транзитное движение товаров через приграничные территории.

Трансграничные спрос и предложение, возникающие в масштабе приграничных территорий, формируют свои рыночные зоны. Рыночные зоны спроса и предложения – это территории реализации приграничного рыночно-географического положения предприятия, производящего товары или услуги.

В условиях трансграничья рыночные зоны предприятий приграничных территорий пересекаются государственной границей. При этом спрос выступает в роли трансграничного притяжения, а предложение – трансграничного давления на сопредельные транспортно-расселенческие

структуры. Эти два взаимосвязанных процесса являются факторами реализации приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства.

Рассмотрим особенности трансграничного воздействия (давления и притяжения) с сопредельной стороны в ситуации доминирования контактной функции границы. В экономическом плане давление с сопредельной стороны проявляется в распространении импортных товаров и услуг – это давление предложения.

Рыночные зоны как участки территории (зачастую очень значительные), в пределах которых формируется и существует спрос на определённую продукцию, в том числе сырьё и ресурсы. В строгом смысле существуют не только рыночные зоны спроса, но и предложения *определённой продукции* (выделено мной – А. Н.). Их формирует каждое предприятие – производитель продукции или услуг. Однако территориально соответствующие однородной продукции рыночные зоны спроса и предложения в значительной мере пересекаются, особенно в равновесных условиях [12, с.37].

Рассмотрим ситуацию отсутствия равновесных условий, когда существует только трансграничное предложение (см. рис. 4).

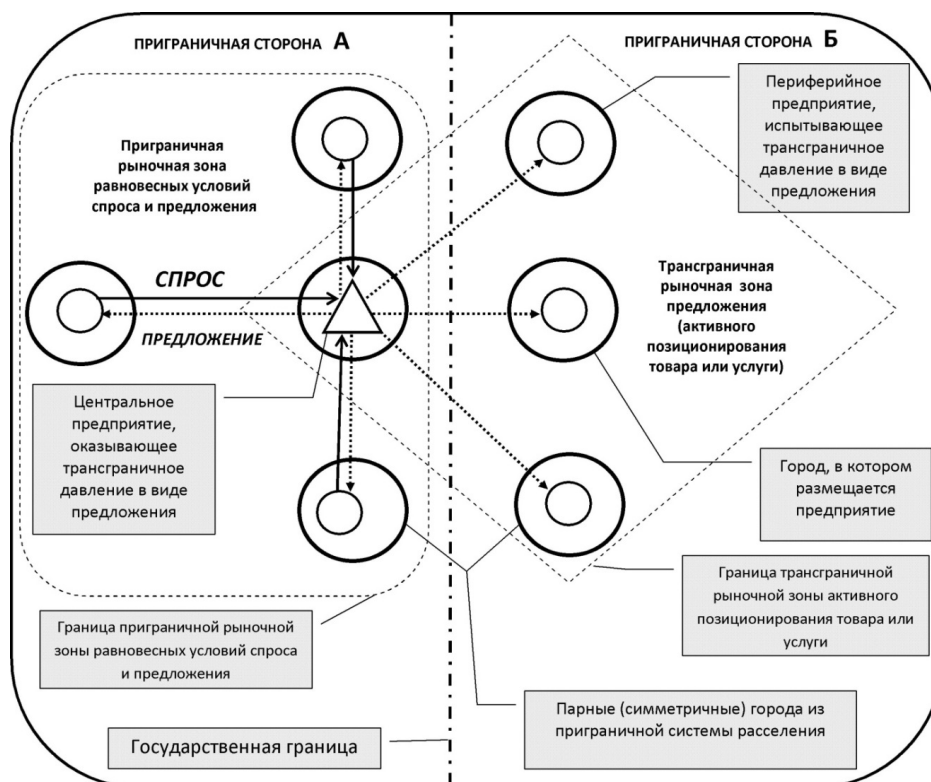

Рис. 4. Трансграничная рыночная зона предложения

При этом приграничная сторона А осуществляет продвижение своих товаров на сопредельной стороне Б, предварительно проводя маркетинговые исследования. Продвижение может осуществляться для реализации товаров и услуг на сопредельной стороне. В ходе продвижения

формируется трансграничная рыночная зона предложения или активного позиционирования. Имеют место и трансграничное позиционирование приграничных городов, как центров трансграничного туризма. При позиционировании спрос активно формируется.

В Забайкальском крае имеются коренные различия между китайским и монгольским участками границы. Со стороны китайских сопредельных территорий Забайкалье испытывает как трансграничное давление в виде предложения, так и притяжение в виде спроса, а вот монгольская сторона демонстрирует пассивность.

Трансграничное давление постепенно переходит в экономическое притяжение; сопредельная сторона может предлагать иностранным гражданам на своей территории товары и услуги по более приемлемым ценам или более хорошего качества, пытаясь стимулировать маятниковые трансграничные миграции.

В Забайкальском крае приграничье испытывало давление, когда китайские граждане оживлённо вели торговлю импортными товарами. По мере движения вглубь страны давление ослабевало, но Китай с каждым годом усиливал его, формируя территориальную систему китайских рынков по населённым пунктам России. Ограничение торговли иностранными гражданами – это попытка не столько ослабить давление и препятствовать продвижению импортных товаров, сколько придать ему более контролируемый характер, построить собственную систему сбыта товара,

создать рабочие места для собственных граждан. Экономическое давление Китая становится более контролируемым, хотя в плане реализации этого процесса есть и некоторые проблемы.

Трансграничное экономическое притяжение со стороны Китая на территории Забайкалья проявляется, например, в работе сотовых операторов, которые охватывают локальные приграничные районы. Система автомобильных переходов через границу на сопредельной стороне дополняется трассой вдоль границы, которая лучше аналогичной на российской стороне, поэтому российские граждане для поездки в китайские приграничные населённые пункты и в российские предпочитают передвигаться по сопредельной стороне. В сопредельном приграничье создаётся туристическая индустрия, ориентированная на российских граждан – гостиницы, торговые и развлекательные центры [119, с. 27]. В этом случае спрос на товары и услуги существует изначально, главная задача состоит в его удовлетворении. При этом приграничная сторона А удовлетворяет трансграничный спрос на своей территории, осуществляя трансграничное притяжение и формируя трансграничную рыночную зону спроса (см. рис. 5).

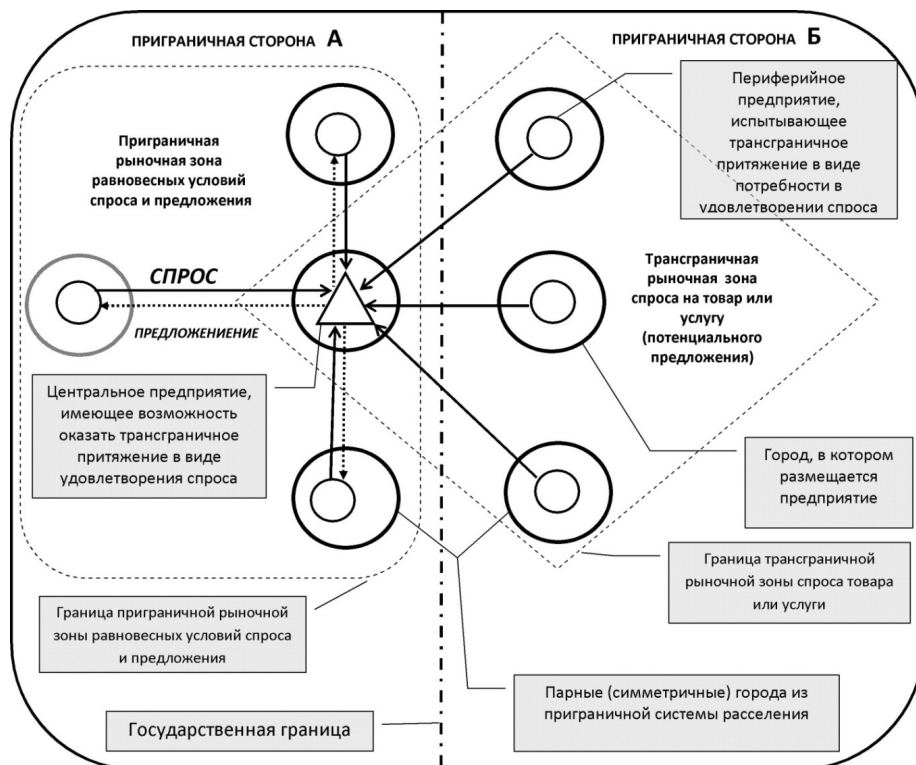

Рис. 5. Трансграничная рыночная зона спроса

Трансграничное притяжение в социокультурной сфере наиболее заметно в создании туристической инфраструктуры в сопредельном для Забайкальского края г. Маньчжурия, который входит в десятку лучших городов Китая, носящих звание «культурный город». В приграничной Маньчжу-

рии ежегодно осуществляются социокультурные проекты транснационального характера. Например, среди летних мероприятий 2012 года заметными в этом плане являются IX Международная китайско-российско-монгольская научно-техническая выставка; ярмарка инновационной продукции [2, с. 83].

Читинские учёные Н. С. Зимина [78], Т. Н. Кучинская [94] высказывают настороженность относительно трансграничного притяжения: «Одной из установок внешнеполитического развития КНР является построение “гармоничного мира”. Осуществление данной концепции возможно при широком использовании “мягкой силы” страны». Китай особое место уделяет национальной культуре, воспринимая её как инструмент сохранения идентичности в условиях глобализации. Реализация данных интересов Китая требует определённых ресурсов – территориальных, сырьевых, интеллектуальных и др. Их источником становятся близлежащие страны и, прежде всего, их приграничные территории. КНР постепенно *втягивает* (выделено мной – А. Н.) Россию в сферу своих национальных интересов, а Се-

веро-Восток Китая заинтересован в *вовлечении* (выделено мной – А. Н.) Забайкальского края в систему своих связей и использовании его территории в решении своих задач. Трансграничное сотрудничество в данном случае развивается не всегда в пользу России [78, с. 27].

В российско-китайских отношениях примером экономического притяжения может служить торговля лесом. Китайская сторона на своей приграничной территории строит деревоперерабатывающие предприятия, российские лесопользователи не находя в своей стране центров удовлетворения своего спроса, устремляют лесные грузы в Китай.

В любом случае: как при первичном предложении, так и при первичности спроса наступает время равновесия давления (притяжения) и притяжения (предложения) (см. рис. 6).

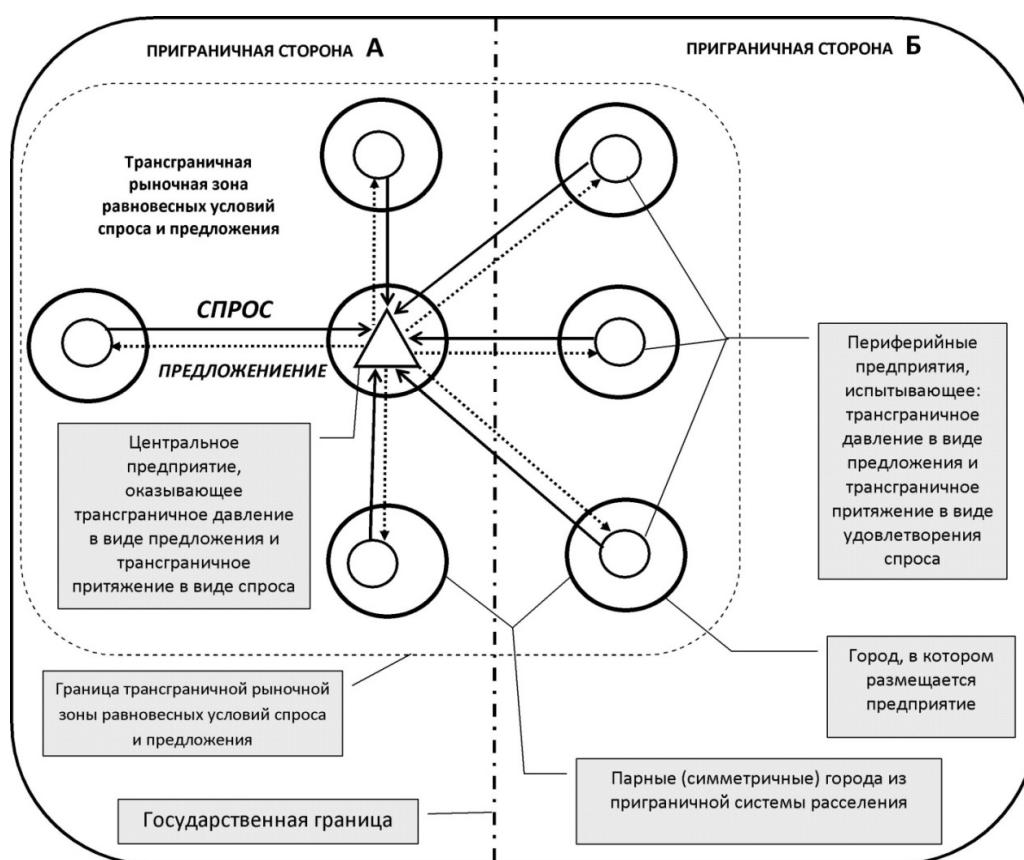

Рис. 6. Трансграничная равновесная рыночная зона

Равновесие – это признак сформированности трансграничных территориальных структур хозяйства, наличия континуальной дополнительной приграничных территорий. Континуальная дополнительность лежит в основе трансграничной территориальной общности приграничных территорий. Континуальность возможна только при множественной отраслевой дополнительности.

Территориальные структуры, сформированные спросом и предложением, секутся границей в различных местах относительно центрального предприятия, которое имеет с одной стороны ресурсную рыночную зону, а с другой – продук-

товую. В этом случае одна становится приграничной, а другая трансграничной. В зависимости от положения центрального предприятия приграничное рыночно-географическое положение территории может быть как центральным, так и периферийным (см. рис. 7а и рис. 7б).

Исследование детерминированности региональной политики функциями границы с позиций транзитно-буферного дуализма с применением диалектического метода мышления позволяет противопоставить крайние позиции в рассмотрении вопросов и выработать сбалансированную концепцию.

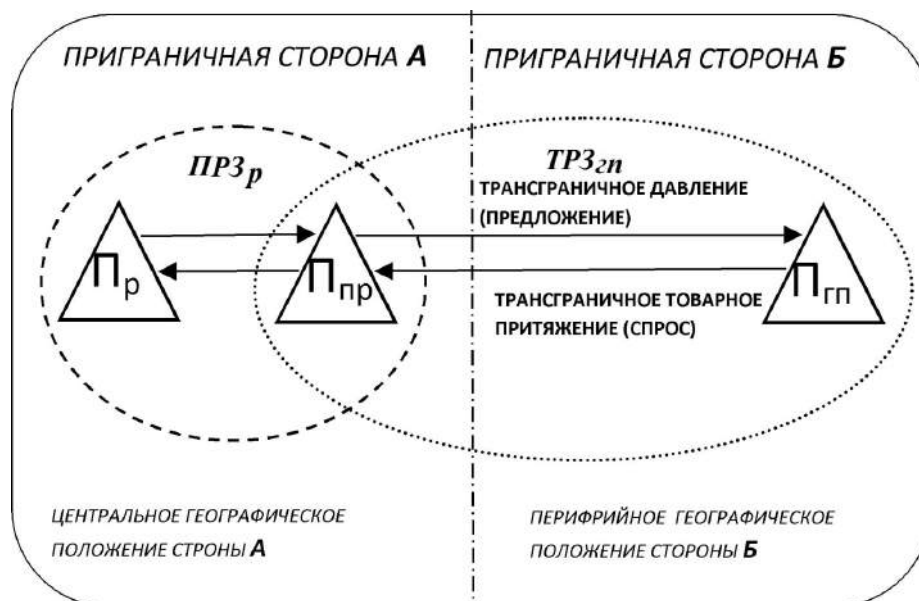

Рис. 7а. Трансграничная дифференциация рыночных зон

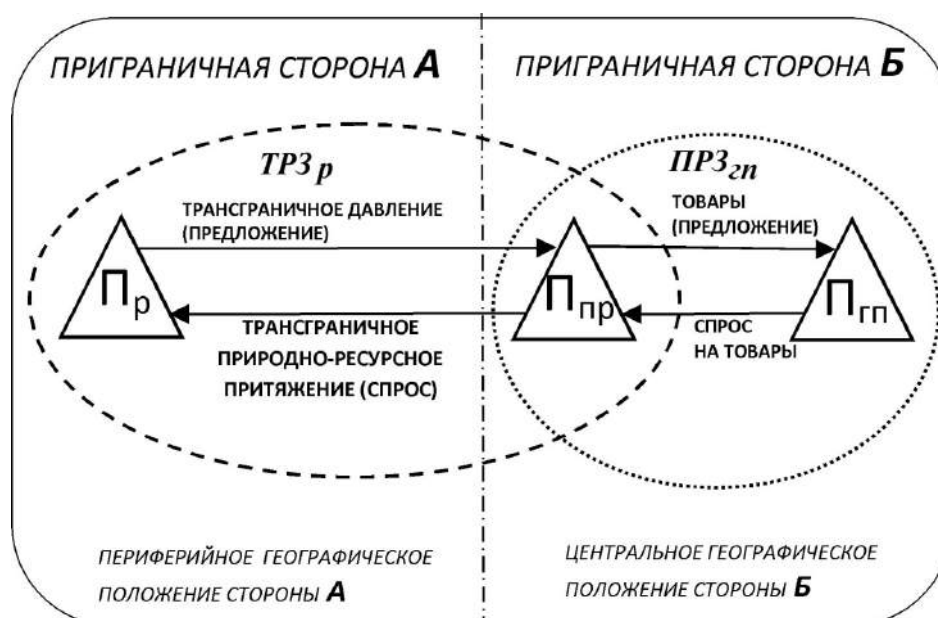

Рис. 7б. Трансграничная дифференциация рыночных зон

Взаимодействующие предприятия:

ППР – центральный элемент системы – узел производства; ПР – узел производства ресурсов; ПГП – узел потребления готовой продукции; трансграничные рыночные зоны: ТРЗР – ресурсная; ТРЗГП – продуктовая; приграничные рыночные зоны: ПРЗ_р – ресурсная и ПРЗ_{гп} – продуктовая

Сущность региональной политики сводится к территориальной организации социально-экономических процессов, в зависимости от функциональности границы, которая регулируется государством и отражает внешнеполитическую доктрину во взаимодействии с соседней державой.

Трансграничное давление и трансграничное притяжение вносят существенные отличия в региональную политику приграничья, отличая её от таковых внутренних территорий.

Давление и притяжение сопредельной стороны носит разноплановый характер. Диалекти-

ческое проявление давления и притяжения обнаруживается как в ситуации контактности, так и барьерности границы.

Объяснение смещения границ рыночных зон относительно государственной границы, вызванное экономическим давлением и экономическим притяжением, укладывается в концепцию фронта (англ. *frontier* – «граница, рубеж»). Концепции фронта в современной науке посвящено множество работ [38; 76; 156; 183].

При всём разнообразии работ по организации фронтов нельзя не заметить их общность, они посвящены смещению рубежей. Главным

атрибутом фронта является динамичность в результате взаимодействия двух сторон. Одна сторона обязательно уступает другой, которая смещает фронт в её сторону.

В экономико-географическом случае фронт смещается при давлении на сопредельную сторону, а в случае спроса – в обратную сторону.

В случае с трансграничными рыночными зонами речь идёт об экономическом фронте – границе рыночных зон.

Конечно, существует культурный фронт, который постоянно смещается благодаря проводимым фестивалям культур на сопредельной стороне. Военный фронт тоже может не совпадать с государственной границей, когда военные базы находятся за пределами государства.

Территориальная организация населения испытывает на себе воздействие приграничного положения и демонстрирует пространственную трансформацию; население трансграничного региона выступает как потребителем, так и продавцом в процессе трансграничного обмена товарами и услугами, испытывая на себе как трансграничный спрос, так и предложение. Механизмы трансграничного спроса и предложения смещают границу рыночных зон относительно государственной границы, что позволяет говорить об экономическом фронте.

2.2. Модель локальной международной трансграничной трёхзвенной территории: универсальная идеализация локальных радиальных структур

Для выявления роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства на мезоуровне необходимо оценить его в структурах локализации, структурах связей и отношений. На стадии оценки положения в связях и отношениях как раз и проявляется эта роль.

В любом из трёх случаях возникает необходимость оценки территориальной структуры населения и хозяйства мезоуровня. Автор, опираясь на свои наблюдения, предлагает идеальную модель территориальных структур населения и хозяйства приграничья (см. рис. 8), находящихся у стыка границ трёх государств. На основе анализа трансграничной симметрии, которая является результатом территориальной общности, автор приходит к выводу о главной роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства, считая, что в местах стыка границ трёх государств формируются специфические географические образования – международные трансграничные трёхзвенные территории (далее – трёхзвенные территории).

Идеальная модель – это результат идеализации территориальных структур локализации, связей и отношений. С. А. Шишулькин, анализируя представление В. М. Гительсона [46] об идеализации, отмечает: «В специальной литературе по логике и методологии науки идеализация представляет собой способ отражения внешнего мира, в процессе которого изучаемый объект существенно упрощается и ему приписываются абсолютные свойства, которыми данный объект в действительности не обладает» [178, с. 88].

Идеализация – это индуктивное умозаключение. «Данные чувственного восприятия составляют для нас тот низший уровень информации, из которого формируется научное понимание. Эта информация, облечённая в ту или иную языковую форму, образует множество весьма разноречивых утверждений, которые иногда называются фактуальными. Их частично упорядочивают с помощью слов и символов. Далее путём определения, измерения и классификации мы можем разбить эти факты на группы и категории и тем самым внести в данные некоторую степень разумного на вид порядка», – так выразил Д. Харвей сущность и алгоритм реализации индуктивного пути научного объяснения [169, с. 49].

Условные обозначения:

	— Приграничные города
	— Места религиозного культа (паломничества верующего населения)
Z	— Обозначение центрального приграничного города
XУ	— Обозначение трансграничного транспортного перехода
A	— Обозначение заповедных территорий
Б	— Обозначение рекреационных зон
В	— Обозначение сельскохозяйственных территорий
	— Государственные границы

случае построенные автором картоиды призваны отразить радиальную симметрию территориальной организации населения и хозяйства. Понятие «картоид» автор использует в понимании Б. Б. Родомана [148].

П. Хаггет и Р. Дж. Чорли отмечают: «Термин “модель” употребляется в столь разнохарактерных контекстах, что трудно даже в общих чертах чётко разграничить основные области его применения» [176, с. 13]. Опираясь на характеристики моделей, предложенные упомянутыми авторами, считаем необходимым отметить некоторые из них, присущие картоидам.

Картоиды относятся к описательным теоретическим моделям. Кроме того, их можно назвать статическими, уделяющими главное внимание особенностям структур равновесия.

Систематизируя и обобщая теоретическое наследие предшественников о моделях, П. Хаггет и Р. Дж. Чорли [176, с. 11] приводят цитату одного из учёных, которая, на наш взгляд, полностью относится к картоидам: «Важнейшая особенность моделей заключается в том, что их построение требует чрезвычайно высокой степени избирательности по отношению к используемой информации. Чтобы исследователь мог раскрыть самую суть явления, необходимо устранить не только «шумы», но и второстепенные сигналы» [184, с. 104].

Построение теоретических моделей в современной философии рассматривается как частный случай типизации: «по способу построения различают эмпирическую и теоретическую типологию. В основе первой лежит количественная обработка и обобщение опытных данных, фиксация устойчивых признаков сходства и различия, находимых индуктивным путём, систематизация и интерпретация полученного материала. Теоретическая типология предполагает построение идеальной модели объекта, обобщённое выражение признаков, фиксацию принципов таксономического описания множества изучаемых объектов (таких, например, как гомологическое сходство в систематике животных, принцип симметрии в физике элементарных частиц и т. д.). Теоретическая типология опирается на понимание объекта как системы, что связано с вычлениением системообразующих связей и с построением представления о структурных уровнях объекта. Такая типология служит одним из главных средств объяснения объекта и создания его теории» [158].

Рассмотрим вопрос построения моделей и моделирования трёхзвенных территорий и роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства. В технических науках различают процесс построения моделей и собственно их работу, которую и называют моделированием. В географии построение идеальных моделей: карт, картоидов (дисторсий), блоковых

схем – это построение моделей, а объяснение их функционирования, то есть отражение географической реальности – моделирование. В данном случае процесс построения модели и объяснение принципов её работы производится параллельно.

Стык границ трёх государств является осью радиальной симметрии и географическим центром трёхзвенной территории (см. рис. 9).

Не только страна, но и каждое отдельное имение имеет свой центр, но понятие о нём может быть очень разнообразным. Прежде всего центр может относиться просто к пространству или площади, занимаемой страной, или хотя бы отдельной её частью [106, с. 105].

Д. И. Менделеев писал о центре территории и о центре населения, которые в случае равномерного размещения последнего совпадают [106, с. 105].

В отношении трансграничного трёхзвенного региона можно вести речь о его трансграничном центре, определение которого не требует математических расчётов – это место стыка трёх границ. Трёхзвенная территория имеет центральное трёхконтактное локальное звено, состоящее из трёх пар локальных двухконтактных звеньев, образуемых парными населёнными пунктами (пунктами-двойниками), симметрично расположенными относительно границы.

Эти парные контактные звенья располагаются в нескольких десятках километрах от границы. Приграничные государства, как правило, не образуют локальные контактные звенья непосредственно у стыка трёхгранья, так как необходима транспортная развязка кольцевого типа; даже если провести через одну точку три дороги, то потребуется сделать многоуровневую развязку или переключать трансграничные потоки в формате работы двух сторон, лишая третью возможности транспортной контактности. Кроме того, сам стык привлекает своей географической необычностью потоки туристов, поэтому нет смысла отторгать туристический объект под транспортно-складскую инфраструктуру [126].

В отличие от двухзвенных территорий, где трансграничная контактность осуществляется между двумя точками (парными населёнными пунктами), соединёнными дорогой, перпендикулярно которой проходит граница, в формате трёхзвенных требуется особая взаимная организация трёх пар переходов через границу, связывающих три города, которые замыкают три локальных контактных звена в кольцо и имеют возможность перераспределения трансграничных грузопотоков либо вглубь страны, либо между соседними государствами. Центры этих звеньев, благодаря своему транспортно-географическому положению могут превращаться в крупные международные логистические центры.

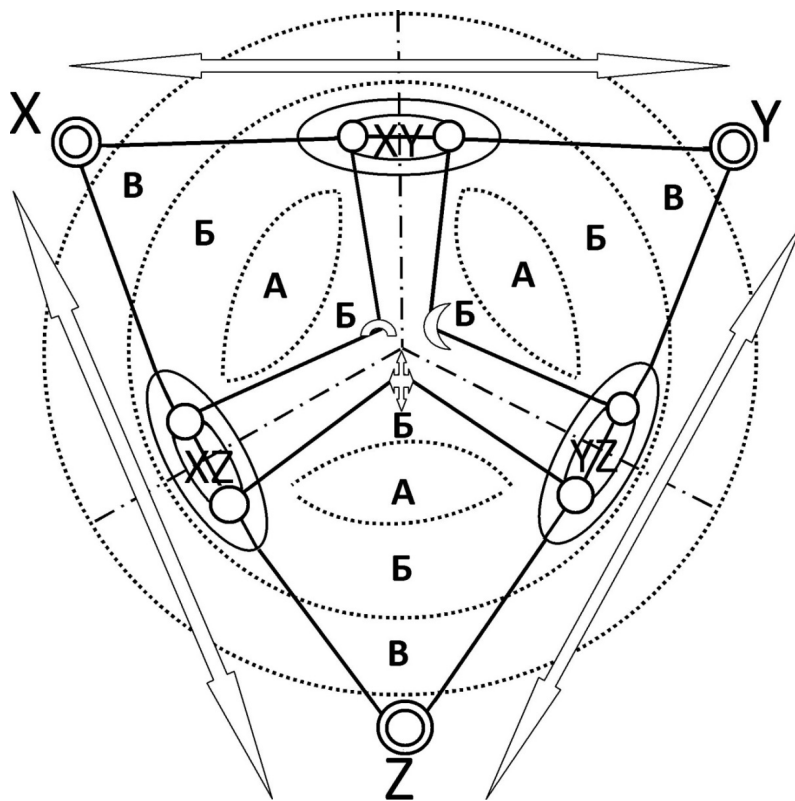

Рис. 9. Центральная часть международной трансграничной трёхзвенной территории

Стык границ трёх государств становится географическим центром ядра трансграничной трёхзвенной территории, для которой характерна кольцевая трёхконтактность и туристическая привлекательность, совмещающаяся с природоохранной деятельностью. Последняя возникает по двум причинам: во-первых, как реакция на чрезмерное насыщение транспортно-хозяйственной инфраструктурой и необходимость сохранения природных комплексов; во-вторых, как дополнение к рекреационно-туристическим комплексам, использующим географическую уникальность стыка трёх границ, наполняемую культурным или экологическим смыслом.

Рассмотрим примеры формирования ядер – центральных частей трансграничных трёхзвенных территорий. Например, на границе Финляндии, Норвегии и России – трансграничный природный парк Пасвик-Инари, который стал ядром формирующегося в настоящее время трёхзвенной территории.

В 2005–2008 годах заповедник Пасвик участвовал в создании Трёхстороннего трансграничного парка «Пасвик-Инари» совместно с природоохранными организациями Норвегии и Финляндии [133].

Локальными контактными звеньями трёхзвенной территории на границе Норвегии, Финляндии и России выступают населённые пункты: Киркенес (Норвегия), Раякоски (Россия), Инари и Ивало (Финляндия). Дороги, соединяющие их, окольцовывают срединные особо охраняемые территории.

В апреле 2002 года начал работу Транснациональный парк «Большое Лимпопо», объединяющий Крюгер-Парк в ЮАР, парки Гонарежу, Манджини-Пан и Малипати в Зимбабве и Лимпопо в Мозамбике. На сегодняшний день это самый большой в мире национальный парк. Кроме того, на территории «Большого Лимпопо» упраздняются государственные границы и туристы могут посещать его с визой одной из трёх стран [92].

Международный лесной заповедник Боске-Монтекросто находится в области города Метапан. Национальный парк находится под управлением сразу трёх стран: Сальвадора, Гондураса и Гватемалы.

Восточный стык границ России, Монголии и Китая можно рассматривать как формирующееся ядро будущей трёхзвенной территории благодаря интеграционным процессам по образованию международного заповедника «Даурия».

В октябре 1995 года в Чите подписаны документы о международном сотрудничестве и создании международного российско-монгольско-китайского заповедника на базе заповедников «Даурский» (Россия), «Монгол Дауур» (Монголия) и «Далайнор» (Китай) (Государственный доклад..., 2008).

На участке границы с Монголией сформировалась природоохранная буферная форма организации территории, проявившаяся в организации заповедников: Сохондинского (Красночикойский и Кыринский районы); Даурского (Ононский и Борзинский районы) – общей пло-

щадью 253,7 тыс. гектаров. Данная форма организации территории – альтернатива системе расселения вообще. Научный мониторинг, производимый в заповедниках, носит значение и пограничного слежения. Единственное, что нужно для укрепления рубежей страны, – это придание заповедникам высоких международных статусов. Однако трансграничная рекреационная деятельность на соседствующих с международным заповедником территориях развивается слабо.

Особо охраняемые природные территории (ООПТ), в формате трёхзвенной территории, должны занимать, как показывает опыт, центральное место, разделяясь полосами рекреационных зон. Интеграционное значение ООПТ имеет разноплановый характер: с одной стороны – это совместный мониторинг и мероприятия по охране естественных ландшафтов; с другой – (благодаря сочетанию рекреационных зон и собственно особо охраняемых территорий) трансграничный туризм.

Процессы активной трансграничной интеграции приграничных структур: ООПТ, рекреационных зон, зон свободной торговли, транспортных узлов – требуют разработки моделей их взаимной территориальной организации.

Представленная схема (см. рис. 8) демонстрирует черты взаимной пространственной организации населения и хозяйства трёх локальных приграничных районов. Центрами районов являются города, которые выполняют функции транспортных узлов, перераспределяющих потоки грузов. В Забайкальском крае идентифицировать по транспортно-географическому положению как центр можно г. Борзя; на монгольской стороне Чойбалсан – административный центр Восточного (Дорнодского) аймака; на китайской стороне – Хайлар – административный центр Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренней Монголии. Каждый такой центр, обозначенный буквами латинского алфавита X, Y, Z, связан с двумя приграничными населёнными пунктами, располагающимися непосредственно у границ с двумя сопредельными государствами. Это парные населённые пункты, являющиеся частью приграничных переходов. В формате рассматриваемого трансграничного региона такое положение занимают: Покровка – Лагухэ, Олочи – Шивэй, Староцурухайтуй – Хэйшаньтоу, Забайкальск – Манчжурия, Соловьёвск – Эренцав, Верхний Ульхун – Ульхан.

Торгово-транспортные контактные звенья расположены в центральной зоне трёхзвенной территории (см. рис. 9). Они связаны дорожной сетью между собой и с центральными городами приграничных районов. Кроме того, от них прокладываются дороги к местам религиозного культа, которые размещаются непосредственно у стыка границ трёх государств.

27 ноября 2006 года на стыке границ России, Монголии и Китая был установлен православный

крест высотой 6 метров и массой более тонны, который символизирует границу сплошного ареала распространения православия.

Русская православная церковь (РПЦ) способствует укреплению буферной функции границы, проводя миссионерскую деятельность в воинских частях пограничных отрядов. Забайкальская епархия – это один из крайних пунктов сплошного ареала РПЦ в Азии, за пределами которого в Китае и Корее можно встретить отдельные её представительства, имеющие локальный характер.

Места религиозного культа – это дополнительные туристические достопримечательности (аттракторы), способствующие трансграничной интеграции.

Однако имеется множество примеров, демонстрирующих усиление континуальности, когда аттракторы, призванные усилить рубежи, становятся трансграничными и способствуют развитию культурного и спортивного обмена. Особенно интересны эти явления на стыке границ трёх государств, каким является стык России, Украины и Белоруссии, где установлен Монумент Дружбы народов. Монумент подчёркивает континуальность единого ареала распространения православия, культурно-историческую близость трёх славянских народов;

в течение многих лет служит местом проведения различных фестивалей и слётов, крестных ходов.

На стыке границ России, Латвии и Белоруссии в знак дружбы между солдатами трёх народов во время Великой отечественной войны был воздвигнут в послевоенное время мемориал «Курган дружбы», на котором ежегодно проходят встречи ветеранов, что можно идентифицировать в условиях развития туристической индустрии как разновидность событийного туризма [142].

Отмеченные трансграничные культурные аттракторы призваны укрепить чувство патриотической территориальной общности.

Другим примером трансграничного аттрактора можно назвать лыжную трассу, объединяющую стык границ России, Норвегии и Финляндии и проходящую по приграничным территориям этих стран. Этот аттрактор через спорт призван вызвать интерес к культуре сопредельной стороны, способствовать новым контактам. Проходящий регулярно международный спортивный праздник «Лыжня дружбы» – это культурная и спортивная интеграция приграничных территорий. Данный аттрактор, в отличие от предыдущего, является не материальным, а событийным. В его основе нет постоянной инфраструктурной составляющей, несущей символическую нагрузку. Прокладываемая по территориям трёх стран лыжня – структура временная, не существующая в течение всего года.

На границе Австрии, Венгрии и Словакии имеется трансграничный аттрактор, лишённый какого-либо культурного содержания – это стол для пикника. Единственная его необычность выражена в треугольной форме, а три герба по краям стола только указывают принадлежность сторон стола к различным государствам. Этот аттрактор, в отличие от лыжни, существует в течение всего года, однако его потенциал ограничен. Он не способен принимать одновременно большое количество людей (за столом всего три места). Кроме того, он лишён событийного содержания. Его существование не связано с праздничными мероприятиями.

Симметрично от стыка границ трёх государств чередуются зоны: особо охраняемых территорий, рекреационных и сельскохозяйственных. Представленная схема – это адаптация концепции поляризованного ландшафта Б. Б. Родмана [148]. В результате адаптации концепции поляризованного ландшафта выявляется радиальная трансграничная симметрия центральной зоны трёхзвенной территории. Виды симметрии могут быть приняты за критерий определения её центра и периферии.

Радиальная симметрия по мере удаления от стыка границ переходит в линейную симметрию.

Центральная часть – ядро трёхзвенной территории задаёт тенденции концентрической дуго-лучевой трансграничной (территориальной) организации населения и хозяйства его периферии.

А. И. Трейвиш [162, с. 128–129], выделяя граничные зоны, узлы (активные и пассивные) и участки на российской государственной границе, обозначает восточный стык границ России, Монголии и Китая как Читинский участок, имеющий признаки узла. В понятие «узел» он вкладывает смысл транспортной составляющей.

Трансграничная радиальная симметрия территориальной организации населения и хозяйства относительно стыка трёх границ, как центральной, так и периферийной части, это идеальная модель, закономерности которой позволяют не столько показать результат, сколько указать вектор процесса взаимной трансграничной организации приграничных регионов. Вектор имеет свойство изменяться под воздействием новых потребностей трансграничного взаимодействия, как и прогнозируемый результат. Гносеологическое значение модели международной трансграничной трёхзвенной территории – в прогнозе направленности развития приграничных территорий, выявлении фактора приграничного положения в пространственной организации населения и хозяйства.

Асимметричная пространственная организация населения и хозяйства трёхзвенной территории стремится к равновесию (симметрии), однако оно постоянно нарушается неравномерностью темпов социально-экономического развития.

Трёхзвенные территории являются специфическими географическими образованиями, которые имеют радиальную симметрию пространственной организации населения и хозяйства относительно точки стыка границ, что принципиально отличает их от международных трансграничных двухзвенных территорий, имеющих билатеральную симметрию относительно линии границы.

Выделение вокруг одной точки четырёх-, пяти-, шести- и других многосторонних – полизвенных территорий оставляет в качестве места потенциального взаимодействия только одну центральную точку. На этих территориях, в отличие от трёхзвенных, нет всеобщей контактности, то есть наличия общих границ у каждой стороны со всеми остальными сторонами. Это важный атрибут, так как даёт возможность каждой стороне взаимодействовать с двумя другими без посредников. Уже на четырёхзвенных территориях противостоящие относительно стыка границ стороны могут взаимодействовать только через соседние стороны. Организовать трансграничное взаимодействие всех сторон через стык границ невозможно, для этого всё равно потребуется кольцевая «развязка», которая пройдёт по территории других приграничных сторон, пусть и на локальном микрологистическом уровне.

Главным атрибутом трёхзвенной территории является сочетание полной контактности и радиальной симметрии. В этом их географическая специфика, их эмерджентность. Другие полизвенные территории этим сочетанием не обладают.

Отметим ещё одну принципиальную особенность трёхзвенной территории: в центральной части она имеет явную радиальную симметрию. По мере удаления от ядра радиальная симметрия сменяется диссимметрией, то есть идёт нарушение симметрии: симметричные элементы «сдвигаются» относительно стыка границ, имеет место появление новых – отсутствующих на двух других сторонах территориальных структур, или же исчезновение какого-то элемента, имеющего аналоги на двух других сопредельных сторонах. Только вдоль границы по мере удаления от стыка трёхгранья симметрия может сменяться диссимметрией, но это может рассматриваться как явление симметрии и диссимметрии в масштабе двухсторонних трансграничных территорий. В масштабе трёхзвенной территории степень свободы, как отклонения от геометрической (структурной) симметрии, увеличивается по мере удаления от границы. Процесс перехода через диссимметрию симметрии в асимметрию по мере радиального удаления от стыка границ трёх государств можно обозначить как центробежную асимметризацию или центростремительную симметризацию территориальных структур.

Законы равновесной термодинамики являются достаточно универсальными. Они приме-

нимы не только к физическим и химическим системам, но и к системам экономическим и даже социальным, хотя последние зависят и от человеческого (непредсказуемого) фактора, однако при достаточно большой выборке, когда в силу вступают законы статистики, система всё более подчиняется законам термодинамики, которая именно на статистике и основана [128, с. 81].

Если картоид трёхзвенной трансграничной территории воспринимать как термодинамическую фазовую диаграмму (см. рис. 10), по оси X которой отображается температура, а по оси Y — давление, то три приграничные территории предстают как три области устойчивости (выражаясь языком термодинамики), разделённые тремя границами.

Каждая область (X, Y и Z) в нашем случае — это государство. Внутри своей области вне приграничной зоны государство имеет все необходимые степени свободы экономического развития в соответствии со своими интересами и возможностями. В приграничной зоне система (государство) теряет часть степеней свободы вследствие воздействия соседнего государства (системы). На плоской термодинамической фазовой диаграмме, на границе между фазами, теряется одна степень свободы. Однако изображённая на рисунке географическая диаграмма является псевдоплоской, на самом деле она многослойна, поскольку многофакторна. Поэтому на границе теряется не одна степень свободы, а несколько, но это сути не меняет.

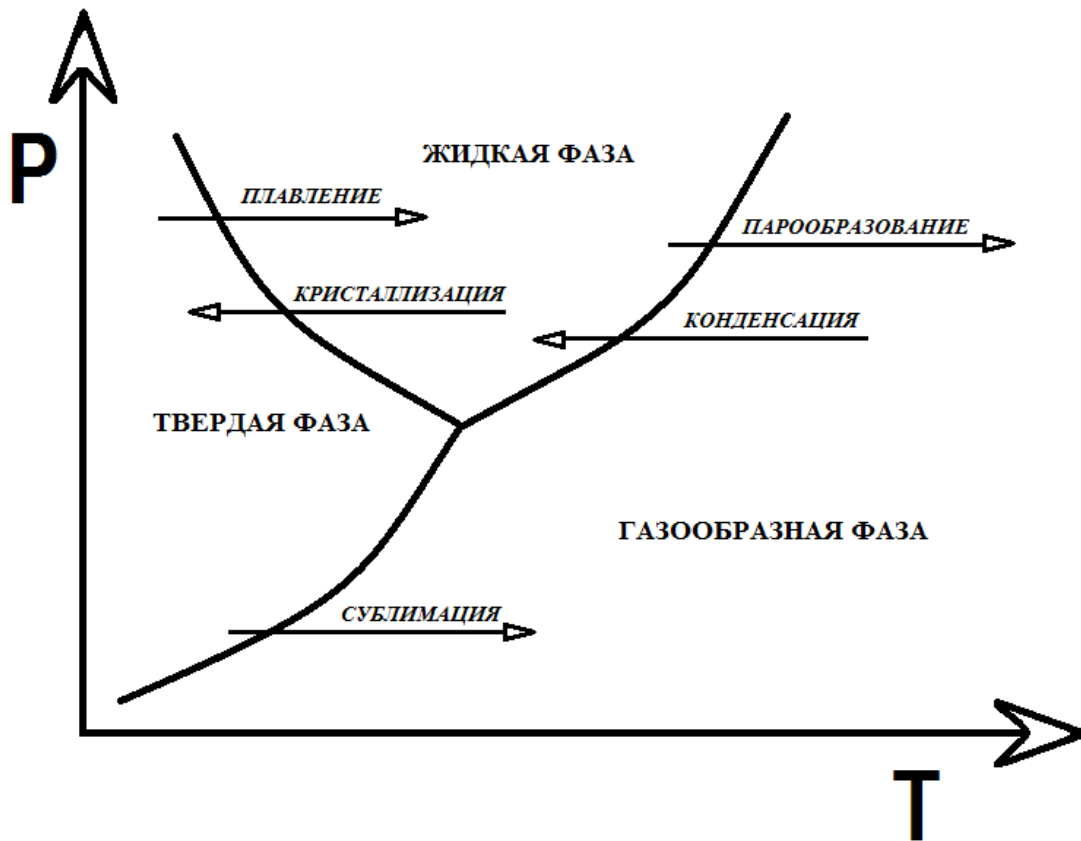

Рис. 10. Фазовая диаграмма воды

Смысл ограничения степеней свободы в том, что государство в приграничной зоне не может (в соответствии с термодинамическими законами) принимать экономические решения, не считаясь с зависимостью от соседнего государства. Это накладывает определённые ограничения на виды деятельности в приграничной зоне. В частности, на региональное природопользование. Например, по мере приближения к месту стыка трёх границ усиливаются ограничения в природопользовании, а в центре — на особо охраняемых территориях оно максимальное. На пересечении трёх границ (в центральной зоне) ограничения на виды деятельности ещё более жёсткие (число степеней свободы ещё сократится), поэто-

му здесь целесообразно создавать охранные зоны, т. е. заповедники. Военная деятельность в условиях добрососедских отношений имеет аналогичную ситуацию: по мере приближения к стыку границ, государства ограничивают своё военное присутствие, а в приграничной зоне вообще отказываются от многих видов вооружения [128, с. 81].

Представленная модель трёхзвенной территории является эколого-центричной, то есть в центре региона размещается особо охраняемый природный участок.

Возможно, иметь место могут и другие схемы пространственной организации населения и хозяйства ядра трёхзвенной территории, когда в

месте стыка трёх границ располагаются сельскохозяйственные или урбанизированные участки, однако представленная модель, по сравнению с упомянутыми вариантами, более полно отражает характер формирования трансграничной территориальной общности, выраженной в радиальной симметрии. Остальные же варианты не имеют принципиальных отличий, сохраняя радиальную симметрию в центре с переходом в билатеральную на периферии трёхзвенной территории.

Представленная модель универсальна только для локальных трансграничных трёхзвенных территорий, в центре которых находятся заповедники, национальные парки и другие особо охраняемые территории, то есть в процессе идеализации есть свой предел универсальности – наличие особо рода объектов в центре. По мнению автора, пределы идеализации территориальных структур имеются как универсальные, так и индивидуальные (региональные), когда идеализация проводится с целью выявления не универсальных особенностей, присущих всем трансграничным трёхзвенным территориям, а только одной конкретной, например расположенной на восточном стыке границ России, Монголии и Китая. В этом случае иной вектор идеализации, который заключается в поиске не универсальных свойств, а индивидуальных, присущих большинству территориальных структур конкретной местности.

Проблема в том, что бинарная система изучения «симметрия – асимметрия» не даёт полного географического представления, так как является очень упрощённой. Появляется необходимость расширить диадку до триады «симметрия – диссимметрия – асимметрия», тем самым ликвидировать отставание географической науки от прогрессивных философских исследований.

Диссимметрия – это противоречивое единство симметрии и асимметрии, обозначающее некоторый упорядоченный отход от симметрии; это асимметрия внутри симметрии и наоборот. Центральной объяснительной абстракцией является понятие симметрии, указывающее на равновесное состояние, согласованность в структурах и движениях материальных объектов и явлений. Асимметрия есть противоречащее симметрии понятие, характеризующее утрату элементов симметрии вплоть до полного её исчезновения и показывающее доминирование только одной конфигурации [172].

Необходимость организации трансграничного взаимодействия – строительства переходов и других контактных звеньев, является причиной симметризации приграничных территорий локального уровня. По мере удаления от них территориальные структуры отклоняются от симметрии, то есть наблюдается диссимметризация, переходящая в асимметризацию. Таким образом, в изучении роли приграничного положения мож-

но выделить зоны симметрии, диссимметрии и асимметрии, которые отличаются сокращением значения приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства; его роль с главной меняется на ведущую, которая в свою очередь по мере удалённости от границы трансформируется во второстепенную.

Трансграничное взаимодействие сказывается на размещении населения и пространственной организации природопользования приграничья, так как порождает необходимость организации переходов и скоординированной организации трансграничных потоков мигрантов, грузов, борьбы с природными и техногенными экологическими угрозами. В результате возникает процесс взаимной территориальной организации населения и хозяйства, который проявляется в их симметрии и диссимметрии.

Контактные участки, примыкающие к границе, могут быть симметричные, диссимметричные и асимметричные. Симметричные и диссимметричные стыкуются идентичными контактными звеньями, то есть дают явление трансграничной континуальности приграничных структур. Если при трансграничной симметрии геометрическое соответствие этих структур полное, то при диссимметрии имеются отклонения или включения не свойственных противоположной стороне элементов (включений). Например, города-двойники располагаются относительно границы не симметрично, соединяющая их дорога проходит не под углом 90 градусов к границе. Трансграничная симметрия существует только в идеальных моделях. В географической же реальности можно наблюдать при движении от границы, как диссимметрия сменяется асимметрией, то есть элементы симметрии постепенно уступают место полной асимметрии.

2.3. Дополнительность региональных трансграничных моделей: идеализация территориальных структур

В дополнение к разработанной универсальной модели, которая применима к различным трансграничным трёхзвенным территориям, автор представляет индивидуальные концентрические модели, которые характерны только для восточного стыка границ России, Монголии и Китая. Если предложенная ранее концентрическая идеальная модель выражает вектор универсализации научного исследования, то индивидуальные модели выражают вектор индивидуализации – поиска региональной специфики.

Ортогональная (решётчатая) модель территориальных структур приграничья восточного стыка границ России, Монголии и Китая становится очевидной при одновременном восприятии рельефа и транспортных сетей, образующих

в сумме решётчатый образ трансграничья: преимущественная протяжённость горных хребтов с юго-запада на северо-восток и пересекающие их перпендикулярно (с северо-запада на юго-восток) дороги. Конечно, часть дорог проходит по межгорным котловинам (параллельно хребтам).

Естественно, что межгорные котловины, по которым протекают реки, тоже имеют преимущественную ориентацию с юго-запада на северо-восток.

Решётчатую организацию орографических и гидрологических систем можно наблюдать и на сопредельных с Забайкальским краем сторонах, как монгольской, так и на китайской. В Монголии с юго-запада на северо-восток протянулись хребты Хэнтэй и Эрээний-Нуруу. Кроме того, вал Чигисхана так же сохраняет подобную ориентацию в пространстве, проходя через аймак Дорнод (Монголия) и Внутреннюю Монголию (Китай) в Забайкальский край. Монгольские реки Улдза-Гол, Дучийн-Гол, Керулен, сохраняя общую направленность течения в аймаке Дорнод с юго-запада на северо-восток, имеют участки резкой смены направления течения – на юго-восток, формируя ортогональность физико-географических структур.

Орографическая и гидрологическая сети обуславливают ортогональность базисно-трассовой сети транспортно-расселенческого развития Забайкальского края.

Ортогональная (решётчатая) модель – это идеализация формы всех орографических элементов и дорог до прямых линий. Однако возможен и другой путь идеализации, когда радиально расходящиеся от стыка границ элементы идеализируются до прямых, а простирающиеся с юго-запада на северо-восток не до прямых, а до дуговых линий. В последнем случае идеализация завершается построением радиальной модели.

Радиальная (дуго-лучевая) модель, как и первая, обусловлена рельефом, но уже не столько общей ориентацией хребтов и межгорных котловин с юго-запада на северо-восток, сколько их формой. Кроме того, радиальность относительно стыка границ усиливается радиальным изменением абсолютных высот.

А. Т. Напрасников, сделавший гидролого-климатическое обоснование Забайкальской природной территории как геоэкологического ядра Евразии с характерной для него орографо-климатической изоляцией, писал: «Забайкалье в системе природных комплексов Евразии занимает особое, если не уникальное место. Здесь затухают (по крайней мере ослабевают) воздушные потоки с Атлантического и Тихого океанов, с Арктики и южных смежных территорий... Забайкалье представляет собой огромное мегапонижение, окружённое горами: на западе – Хамар-Дабанским и Баргузинскими хребтами; на севере – Северо-Байкальским и Становыми нагорьями;

на востоке – Олёкминским Становиком и Большим Хинганом; на юге (в Монголии и Китае) – хребтами Монгольских Альп, Хингана, Хэнтэя и Иньшина. Вся периферийная система горных сооружений служит орографическим барьером на пути движения воздушных масс, чем и обусловлено расположение всей территории в дождевой тени и пониженное осадкоформирование... На планетарном уровне векторы периферийных гидролого-климатических режимов Евразии сходятся и замыкаются на территории Забайкалья... Пространственное замыкание направленных к центру континента воздушных масс приземной атмосферы усиливает и завершает ожерелье горного обрамления Забайкалья» [112, с. 107].

Уникально физико-географическое положение восточного стыка границ России, Монголии и Китая относительно орографических и гидрографических структур – практически в центре выделенной А. Т. Напрасниковым радиальной географической системы, с минимальными показателями абсолютной высоты местности. В орографическом плане стык расположен на Улдза-Торейской высокой равнине.

В геолого-геоморфологическом отношении Улдза-Торейская высокая равнина является северной частью ещё более крупной морфоструктуры – Далайнорского межгорного понижения (Далайнорской котловины) гобийского типа, расположенного между хребтом Большой Хинган (на востоке), Гобийским плоскогорьем (на западе и юго-западе) и забайкальским среднегорьем (на севере и северо-западе). Вся Далайнорская котловина лежит на территории трёх государств – Китая, Монголии и России [93, с. 186]. Со всех сторон эта котловина, в том числе и на территории Забайкальского края, окружена более высокими ступенями рельефа.

Точка стыка границ трёх стран находится в границах бессточного Улдза-Торейского бассейна, который на территории Забайкальского края ограничивается с трёх сторон света Амурским водосборным бассейном.

Лучевые структуры радиальной модели имеют общий центр ориентации – восточный стык границ России, Монголии и Китая. Уникальное физико-географическое положение восточного стыка границ на Улдза-Торейской равнине привело к тому, что наблюдается радиально-концентрический рост абсолютных высот приграничных территорий по мере удаления от восточного стыка границ России, Монголии и Китая. Центробежный рост высот приводит к дуговой трансформации широтной зональности.

При концентрации внимания исследователя на стыке границ трёх государств как оси регионального развития элементы ортогональной структуры проявляют черты радиальной организации, так как в природе сложно найти прямые линии, чаще они выглядят как дуговидные.

Приведём примеры отклонения орографической и гидрографической сетей от ортогональной организации к радиальной. В качестве лучей, расходящихся от точки стыка границ с юго-запада на северо-восток, параллельно которым идут транспортно-расселенческие линии, можно отметить хребты юго-востока Забайкальского края: Нерчинский, Кличкинский, Аргунский, Урюмканский и Газимурский. Параллельно этим хребтам в направлении от стыка границ протекают реки Газимур, Урюмкан, Уров, Аргунь (на отдельных участках).

Лучевая организация территориальных структур имеет место относительно стыка границ трёх стран и в северо-западном направлении. К лучевой структуре можно отнести участок «Чита – Борзя» трассы «Чита – Забайкальск», которая создана перпендикулярно остальным лучевым транспортно-расселенческим структурам юго-востока. К юго-западу от этой оси все структуры можно назвать радиально-дуговыми по отношению к стыку границ трёх стран.

Дуговые структуры в радиальной идеальной модели рассматриваются как элементы, центром кривизны которых принимается восточный стык границ России, Монголии и Китая. Дуговая организация транспортно-расселенческих наблюдается у структур, протянувшихся параллельно Могойтуйскому и Даурскому хребтам, а также отдельным участкам хребта Черского. Однако наиболее чётко радиально-дуговая ориентация прослеживается у рек Онон, Ингода и Хилок. Транспортно-расселенческая структура «Соловьёвск – Борзя – Забайкальск» тоже относится к радиальному типу.

Таким образом, ортогональная пространственная организация транспортно-расселенческих структур, сложившаяся под влиянием физико-географических факторов, может рассматриваться и как радиальная (дуговая на западе Забайкальского края, лучевая – на востоке) организация. На территории Забайкальского края имеет место радиальная симметрия в орографических и гидрографических сетях, выражающаяся в радиальных (лучевых и дуговых) формах, где центром является точка стыка границ трёх государств.

Отметим, что радиальный характер имеет не только региональная идеальная модель, но и универсальная идеальная модель локальной трансграничной трёхзвенной территории, представленная в предыдущем параграфе.

Радиальная территориальная организация населения и хозяйства хорошо изучена и обобщена в разделе теоретической географии в виде концепции кольцевых структур В. Л. Мартыновым [103]. В. Л. Мартынов выделяет в кольцевых структурах Центральную активную зону (ЦАЗ), где «реакция взаимодействия» происходит с наибольшей силой. Если рассматривать трансграничную организацию заповедного природо-

пользования, то видна активизация процессов по мере приближения к стыку трёх границ: чем ближе, тем активнее идёт трансграничное взаимодействие (трансграничный мониторинг, обмен технологиями и техникой слежения). Трансграничный заповедник предстаёт как ЦАЗ. В качестве Радиальных активных зон (РАЗ) выступают заказники и национальные парки, примыкающие к ЦАЗ и связывающие её с Краевой активной зоной (КАЗ). Последняя представлена сетью ООПТ, которая расходящимися от стыка в трёх направлениях границами делит её на три сектора. Концепция кольцевых структур В. Л. Мартынова позволяет объяснить трансграничную организацию экологического каркаса территории, выступая в данном случае инструментарием по отношению к нетрадиционному для себя предмету.

Однако по отношению к хозяйственному природопользованию концепция кольцевых структур В. Л. Мартынова не срабатывает. Термодинамическая модель опровергает тезис о наличии Центральной активной зоны хозяйственного природопользования, так как в заповеднике, расположенном на стыке трёх границ, ограничения максимально жёсткие. Наоборот, по мере приближения к центру ограничения увеличиваются, а активность приближается к минимуму.

Взгляд на локальную трансграничную трёхзвенную территорию как специфическую географическую структуру с позиций возможности применения различных концепции свидетельствует о её многослойности, противоречивости географических тенденций в этих слоях, необходимости привлечения различных научных концепций, каждая из которых имеет свои пределы научного объяснения.

Региональная радиальная организация населения и хозяйства восточного стыка границ России, Монголии и Китая обусловлена не столько процессами самоорганизации, выраженной во взаимной организации приграничных территорий трёх стран, сколько физико-географическими факторами, что не позволяет рассматривать его структуры как кольцевые. Нет кольцеобразных континуальных природных структур: реки, горные хребты и природные зоны демонтируют в трансграничном трёхзвенном регионе восточного стыка границ России, Монголии и Китая только дискретность дуг. Учитывая эту дискретность, лучше воспринимать их как сумму дуговых и лучевых структур, имеющих концентрический характер.

С позиции тринитарного подхода диалектическое взаимодействие двух концентрических схем (ортогональной и радиальной) даёт третью, сочетающую элементы первых двух (см. рис. 11). Именно третья модель, основанная на соотношении ортогональной и радиальной, наиболее близка к географической реальности.

Дополнительность ортогональной и радиальной моделей. В ортогональной модели, на-

пример, имеются чёткие черты концентричности. Стороны квадратов, образующиеся в результате пересечения решётчатых структур (горных хребтов и дорог, рек и дорог, дорог проходящих по котловине параллельно хребтам и пересекающих их), превращаются в концентрические круги. Действительно, в реальности дороги в межгорных котловинах проходят параллельно рекам, а те имеют дуговидные формы, впрочем как и горные хребты, многие из которых тоже имеют черты дуговидности.

Как можно заметить при наложении одной модели на другую (см. рис. 11), квадраты транс-

формируются во вписанные друг в друга круги, расходящиеся концентрично от стыка трёх границ. В реальности это отклонение конфигурации хребтов и рек от линейной к дуговидной относительно стыка.

При наложении двух моделей друг на друга их дополнительность проявляется не только в трансформации квадратов в круги, но и совпадении линейных структур дорожной сети, проходящих через стык границ, подтверждающих как ортогональность, так и радиальность трансграничной организации территориальных структур, например участок железнодорожной трассы Чита – Борзя (на российской стороне).

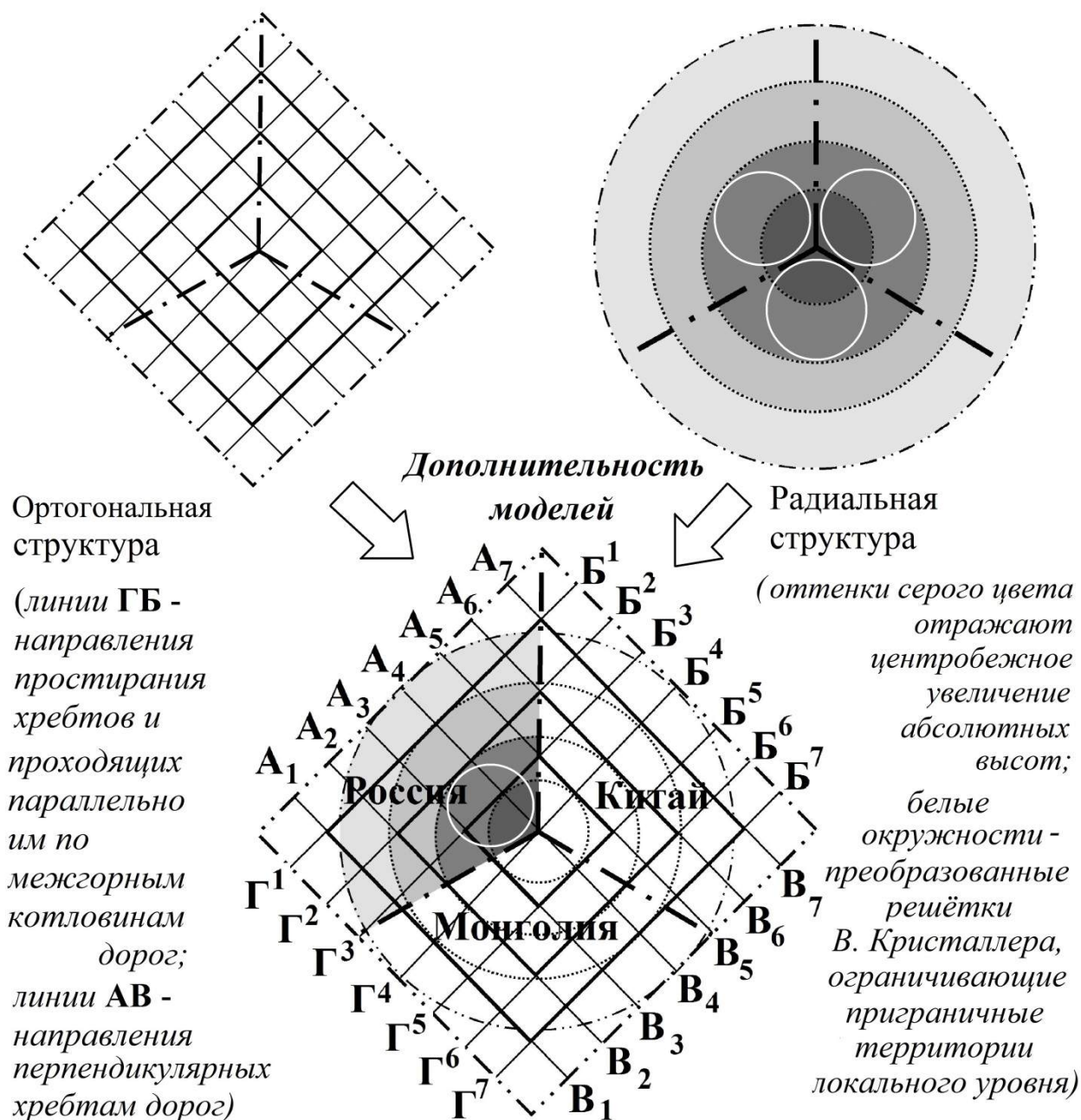

Рис. 11. Соотношение идеальных моделей трансграничной трёхзвенной территории восточного стыка границ России, Монголии и Китая

Представленная первая – ортогональная модель настолько очевидна, что не нуждается в доказательстве, она доминирует в сознании географов-исследователей и обычных обывателей. Вторая модель – ортогональная, в отличие от первой имеет начальную точку восприятия территориальной дифференциации природно-хозяйственных структур, в ней сразу поставлен акцент на стыке границ.

Первая и вторая модели находятся в диалектическом взаимодействии, причём на первых этапах отдельного восприятия они противостоят в воображении исследователя и взаимоисключают друг друга. Однако графическое их совмещение позволяет ещё раз убедиться в гносеологическом значении принципа дополнительности Н. Бора [27] о том, что противоположности не только взаимоисключают, но и взаимодополняют друг друга.

Совмещение моделей – это искажение (дисторсия) ортогональной модели в радиальную. О дисторсии писал Б. Б. Родман [148], отмечая, что секторно-кольцевая и ортогональная районизации – это предполагаемый теоретический предел преобразований, а исходная гексагональная – их воображаемое начало. В первом случае определяющим фактором выступает крупный центр, который способен оказать влияние на соседние локальные системы расселения, во втором – транспортная магистраль, обладающая аттрактивными свойствами по отношению к близрасположенным системам расселения. Реальная сеть районов обычно подвержена той или иной дисторсии и может быть ещё больше деформирована в силу других причин. По всей вероятности, сетки узловых районов с центрической дисторсией остаются гексагональными в чисто транспортных моделях районизации, то есть в пространстве «истинных расстояний», измеряемых не километрами, а временем, стоимостью или иными затратами на перемещение.

Представленную модель, возникшую в результате совмещения ортогональной и радиальной, можно отнести к секторально-кольцевой форме дисторсии в понимании Б. Б. Родмана [148]. Однако аттрактором выступает не крупный населённый пункт, а ядро международной трансграничной трёхзвенной территории.

География влияния приграничного положения на территориальную организацию населения и хозяйства. Модели отражают три способа радиального распространения приграничного положения на территориальную организацию населения и хозяйства: дуговое, лучевое и секторальное. Каждый способ имеет свою специфику.

Дуговое влияние приграничного положения – это направления взаимопроникновения; перемещение грузов и населения осуществляется по дуговидным трансграничным трассам, которые, смыкаясь на границе, могут образовывать кольцеобразные структуры. В идеале по мере уда-

ления от стыка границ трёх государств должны сменять друг друга такие кольцевые трассы, у которых должна увеличиваться длина дуг, соединяющих контактные звенья страны, расположенные у границ с двумя её соседними государствами. Дуговидные трассы должны обеспечивать взаимодействие между приграничными территориями, находящимися на границах с разными странами.

Взаимодействие между дуговыми структурами должны осуществлять лучевидные трассы, их роль – обеспечение сообщения приграничных и глубинных территорий страны.

Лучевое влияние приграничного положения. Лучевые трассы не только соединяют дуговидные трассы, они делят приграничную территорию на сектора. Международная трёхзвенная трансграничная территория пересекается государственными границами на три контактных звена – национальных сектора. Это международный – трансграничный уровень выделения секторов. В пределах национальных секторов, на приграничном уровне, возможно выделение своих секторов.

Забайкальский край центральная лучевая трасса «Чита – Борзя» делит на два сектора: дуговые трассы одного сектора ориентированы на взаимодействие с Китаем, другого – с Монголией.

Взаимная пространственная организация населения и хозяйства в границах трёхзвенной территории, как конфигурационный тип транспортно-расселенческих структур, отражает значение трансграничного взаимодействия для экономики приграничья.

Контактные трансграничные структуры локального, регионального, национального и глобального уровня по-разному влияют на пространственную организацию транспортно-расселенческих структур приграничья. Различены зоны влияния: локальные обеспечивают хозяйственную дополнительную приграничную полосу, а масштабы последующих намного больше.

Обратимся к вопросу об ортогональности и радиальности в географии сопредельных приграничных районов Монголии и Китая. География некоторых природных и социально-экономических компонентов восточной Монголии укладывается в радиальность относительно восточного стыка границ России, Монголии и Китая.

Абсолютные высоты территории аймака Дорнод находятся на отметке 1000 метров, приподнятость отмечается на границе аймака с соседними государствами и другими аймаками Монголии. На северо-западных границах в районе хребта Эрээний-Нуруу высоты превышают отметку в 1000 метров. На границе с аймаком Сухэ-Батор, между рекой Керулен и автомобильной трассой Чойбалсан – Баруун-Урт высоты так же превосходят отметку 1000 метров, как и на границе аймака Дорнод и Внутренней Монголии (Китай) [111, с. 14–15].

Больше половины территории аймака Сухэ-Батор, расположенного на юго-западе аймака Дорнод, лежит выше отметки в 1000 метров. А на плато Дарьганга (у границы с Китаем) потухшие вулканы имеют высоты свыше 1200 метров: Дарь-Овоо (1354), Шилийн-Богд-Уул (1778), Зол-Хан-Уул (1375) [111, с. 14–15].

На территории аймака Хэнтий, расположенного к западу от аймака Дорнод и на юго-востоке граничащего с аймаком Сухэ-Батор, так же преобладают высоты в более 1000 метров. А на границе аймаков Хэнтий и Туве, в истоках рек Керулен и Онон – от 1500 до 2000 метров (хребты Хэнтэй и Их-Хэнтэй) [111, с. 14–15].

Таким образом, в пределах трёх рассмотренных аймаков абсолютные высоты увеличиваются в радиальном от восточного стыка границ России, Монголии и Китая направлении. Радиальная ступенчатость высот образует дуговую конфигурацию, а один из участков реки Керулен, протекающий с юго-запада на северо-восток, не только подтверждает в этом направлении перепад высот, но и образует лучевую относительно стыка границ трёх стран структуру.

Представленное в Национальном атласе МНР климатическое районирование [111, с. 58] демонстрирует в границах отмеченных трёх восточных аймаков чередование вытянутых с юго-запада на северо-восток климатических районов, выделенных по критериям влаго- и теплообеспеченности, с северо-запада на юго-восток. При этом теплообеспеченность усиливается с северо-запада на юго-восток, а влагообеспеченность с юго-востока на северо-запад. Границы между климатическими зонами подтверждают ортогональную модель.

На Китайской стороне доминирует действие ортогональной модели – Большой Хинган, протянувшийся с северо-запада на юго-восток, и стекающие с его западного склона преимущественно с северо-востока на юго-запад реки (Хайлар, Гэньхэ).

Необходимость оценки роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства побудила автора изложить своё представление о территориальных структурах трансграничной трёхзвенной территории восточного стыка границ России, Монголии и Китая. Следующим этапом научного объяснения, изложенного в последующих главах, станет оценка собственно приграничного положения в этих структурах и его роли. Естественно, что территориальные структуры Забайкальского края подвергаются более глубокому анализу, а структуры сопредельных монгольских и китайских территорий освещены только на уровне описания моделей (ортогональной и радиальной). Автор считает, что модели, даже с их редукцией (упрощением), дают возможность оценить ближайшее сопредельное окружение Забайкальского края.

При тщательном анализе сопредельных территорий, аналогичном проведённому по Забайкальскому краю, цель работы изменится. Это будет не оценка роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства одной из трёх сторон, а выявление таковой всех трёх сторон.

По мнению автора определение оптимальных пределов реализации сравнительно-географического метода – это одна из самых больших методологических проблем географии.

Представленные модели трансграничных структур – это результат синтеза географических знаний, выражающийся в сочетании различных картографических тем. В результате соотношения тематических карт и поездок по территории края у автора возникло определённое восприятие, мировоззренческий (географический) образ, как результат географического синтеза – обобщения. Именно это обобщение и положено в авторскую концепцию.

Географические образы материализованы в виде моделей. Причём главной гносеологической проблемой автора было наличие стереотипов в восприятии территориальных структур Забайкальского края. Рассмотрим вопрос стереотипов в восприятии структур, так как он позволяет чётче выделить вклад автора в разработку темы.

В экономико- и социально-географическом планах Забайкальский край является одним из наиболее хорошо исследованных среди субъектов Российской Федерации. Однако нельзя не заметить одного стереотипа в восприятии географии населения и хозяйства, который доминировал во многих работах – это избрание в качестве оси регионального развития зоны Транссибирской железной дороги с её юго-восточным ответвлением. Ухудшение социально-экономических показателей рассматривали по мере удаления от зоны Забайкальской железной дороги: уровень и качество жизни населения [30; 31]; уровень урбанизации [29]; продолжительность жизни [179]; социально-географическая дифференциация семей [34]; уровень развития культурной среды [33]. Одна из работ была полностью посвящена роли железной дороги в развитии хозяйства региона [164].

Автор, предлагая свою концепцию, не стремится опровергнуть существующий стереотип, а отходит от него, предлагая новый взгляд.

Географическая радиальность территориальных структур у восточного стыка границ – это синергетический эффект, образующийся от суммы уникальных физико- и экономико-географических условий приграничного положения.

Видовому анализу роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства Забайкальского края с позиций диалектического совмещения моделей посвящена следующая глава работы.

ГЛАВА 3

РОЛЬ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

Как считает член.-корр. РАО Ю. Н. Гладкий: «Главный объект географии – корреляционные отношения (связи, взаимодействия, системы) – имеют, как правило, сложный межсферный характер, не сводятся к парным отношениям объектов и фактически остаются вне компетенции парциальных отраслей научного знания. Поскольку цель географического исследования состоит в выяснении механизма возникновения, а также пространственных особенностей существования тех или иных корреляционных отношений (связей, взаимосвязей, систем), возникающих в рамках конкретной географической арены, поскольку география как уникальная научная матрица устанавливает сложнейшие механизмы пространственной коммуникации и корреляции между естественной и очеловеченной природой» [47, с. 328]. Корреляция от лат. *correlatio* — соотношение, взаимосвязь. Изучение различных видов приграничного положения – это оценка положения в системе соотношений (корреляций) различных видов территориальных структур.

3.1. Физико-географическое и эколого-географическое положения

Н. Н. Баранский (1980) указывал, что в основе ЭГП лежат совершенно конкретные физико-географические данности. Физико-географические данности либо способствуют формированию контактности приграничных территорий, обеспечивая трансграничное взаимодействие; либо создают дополнительные трудности его установлению, а в отдельных случаях вообще делают его невозможным.

В контексте представленного исследования автор хотел бы не только выявить положительное и отрицательное влияние физико-географических факторов на формирование приграничного положения, но и указать на целый ряд физико-географических закономерностей, которые лежат в основе трансграничной трёхзвенной территории восточного стыка границ России, Монголии и Китая. При этом автор не ставит задачу поиска новых знаний в области физической географии Забайкалья, а только пытается взглянуть на уже известные факты под новым углом зрения.

Геологические компоненты физико-географического положения

В геологическом плане автор хотел бы отметить два аспекта приграничного физико-геогра-

фического положения, которые демонстрируют ортогональность: во-первых, зоны глубинных разломов (Становая, Монголо-Охотская), выделяемые читинскими геологами (Чечёткин, Аскоков и др. 1999) на территории Забайкальского края, имеющие направление с юго-запада на северо-восток; во-вторых, схему минерагенического районирования [174, с. 148], которая имеет несколько минерагенических поясов в Забайкальском крае, выделяемых от российско-китайской границы (уран-золотополиметаллический пояс, олововольфрам-редкометалльный, молибдено-золотой, редкометалльно-молибдено-вольфрамовый, редкометалльно-железоземедный).

Главные минерагенические пояса занимают полосы шириной 50–150 км и протягиваются в границах Читинской области (с 2008 года Забайкальского края – примечание А. Н.) с юго-запада на северо-восток на расстояние от 300–400 до 800–100 км [174, с. 152].

Орографические и гидрографические компоненты физико-географического положения

Вопрос размещения и конфигурации относительно государственной границы физико-географических структур имеет большое значение для организации трансграничного взаимодействия, в одном случае эти структуры могут препятствовать ему, а в другом – способствовать.

Горные хребты в Забайкальском крае сориентированы с юго-запада на северо-восток, а освоение шло с запада на восток, при этом отклоняясь в северо-восточную сторону по долинам рек Хилок, Ингода и Шилка, Аргунь и Амур. Речные долины стали естественными трассами освоения Забайкалья и продвижения русских землепроходцев на восток. Отклонения на северо-восток приходилось корректировать, преодолевая горные хребты. Таким образом, процесс освоения выглядел в виде ступеней. Продвижение по долинам рек – как движение по лестнице, а перевал через хребет – как подъём с одной ступени на другую. Долина реки Хилок – это естественный коридор, через который на территорию края проникли русские землепроходцы во главе с П. И. Бекетовым (1652 г.) [9, с.8].

От основной системы ступенчатых трасс по условной линии «Запад – Восток» имеется ответвление по линии «Чита – Забайкальск». Это ответвление пересекает несколько хребтов (Черского, Даурский, Могойтуйский) и выглядит как чередование хребтов и межгорных котловин.

В настоящее время она представлена железно-дорожной магистралью и федеральной автодорогой (номер А166). Её прокладка в отличие от основной трассы потребовала больших материальных ресурсов, так как практически на всём протяжении пути проходит перпендикулярно хребтам, межгорным котловинам и рекам.

Сложный дорожный профиль с многочисленными поднятиями и спусками обусловил низкую скорость движения поездов и, как следствие, низкую пропускную способность магистрали. Наличие и, главное, направление основных горных хребтов юго-востока тормозит развитие транспортной инфраструктуры, требуя значительных капиталовложений на строительство дорог. Однако развитие приграничного сотрудничества требует строительства дорожной сети именно в юго-восточном направлении вопреки орографической схеме [131, с. 25].

Трасса «Чита – Забайкальск» в отличие от основной трассы «Запад – Восток», состоящей из ломаных линий, выглядит более сглаженно, она расположена радиально относительно стыка трёх границ. Преодолев множество физико-географических препятствий, она открывает выходы в межгорные котловины – естественные трассы освоения территории. Причём можно выделить два вектора освоения по впадинам: юго-западный и северо-восточный.

Юго-западные трассы проходят по впадинам (Читино-Ингодинской, Оленгуйской, Тыргетуйской, Туринской), которые через Среднеононскую впадину выходят в Монголию. Неудобство сообщения между юго-западными трассами в том, что оно идёт через радиальную трассу как возвратно-поступательное и значительно увеличивает временные затраты пути.

Северо-восточные трассы проходят по долинам рек Унда, Уров, Газимур, Аргунь, то есть так же, как и юго-западные трассы – параллельно хребтам по их межгорным котловинам. Часть исторически главной трассы «Запад – Восток» по рекам Шилка и Амур, имеющей продолжение на Дальний Восток, тоже можно отнести к группе северо-восточных трасс.

Радиальная трасса «Чита – Забайкальск» имеет значение транспортно-экономического коридора трансграничного уровня. В Борзе, не доходя до стыка трёх границ, она, как и железно-дорожная магистраль, раздваивается в направлениях Китая (через Забайкальск) и Монголии (через Соловьёвск).

Нельзя не заметить, что линия государственной границы, пусть и на значительном удалении, копирует конфигурацию главной исторической трассы освоения Забайкалья, проходящей по долинам рек и выраженной в Забайкальском участке Транссибирской магистрали. Сходство в ступенчатом характере. Можно выделить аналоговые участки: от границы Бурятии и Забай-

кальского края до г. Петровск-Забайкальский железно-дорожная магистраль, как и участок государственной границы в Красночикойском и на западе Кыринского района, имеет дуговидную форму, обращённую вершиной на юг; на западе Кыринского, в Акшинском и на западе Ононского районов участок государственной границы имеет сходство с участком Транссиба «Хилок – Чита»; ориентацию с северо-запада на юго-восток имеет участок железной дороги на отрезке «Чита – Карымское» и участок границы в Ононском и Борзинском (до трансграничного перехода Соловьёвск – Эренцев) районах; участок дороги от станции «Карымская» до станции «Шилка», как и участок государственной границы в районе стыка границ трёх государств, имеет S-образную форму, демонстрируя выгнутость западного участка на север, а восточного на юг; участок трассы, идущий от города Шилка, как и участок границы проложенный по реке Аргунь, демонстрирует направление с юго-запада на северо-восток. Отмеченная параллельность экономико-географических и политико-географических структур объясняется их прохождением по орографическим и гидрологическим структурам, имеющим параллельность.

Климатические компоненты физико-географического положения

Восточная Сибирь характеризуется резко-континентальным климатом, находится под воздействием воздушных масс Атлантического и Тихого океанов, Арктики и Центральной Азии. Под их влиянием сформировались разные типы континентальных природных режимов, разнообразие которых дополнительно усложнилось высотной поясностью гор Южной Сибири. В связи с этим большая часть территории оказалась малопригодной для проживания человека. Однако в условиях резко-континентального климата сформировался ряд природных ареалов, наиболее благоприятных для жизнедеятельности населения. Поиск относительно уютных сред обитания человека является актуальным и диктуется необходимостью сохранения его жизненного потенциала [64, с. 7].

Радиальная география характерна для компонентов геосфер Забайкальского края, в частности для распределения по его территории суммарного значения солнечной радиации и количества осадков. От Улдза-Торейской высокой равнины значение суммарной солнечной радиации уменьшается к западу, северу и северо-востоку, а вот количество осадков, наоборот, увеличивается в этих направлениях [9, с. 18]. Естественно, в географию количества годовых осадков вносит коррективы орографическая система, поэтому на юго-востоке края зоны повы-

шенного увлажнения имеют радиально-лучевую ориентацию, а на юго-западе и в центральных районах радиально-дуговую.

В. Ф. Задорожный, А. Т. Соловова, А. Т. Напрасников [69, с. 27] на основе построенных ими гидролого-климатических профилей выделили в Восточном Забайкалье три термические области: Витимо-Олёкминскую, Хилокско-Ингодинскую и Аргунь-Шилкинскую. Степень экстремальности температурных режимов оценена следующими критериями: максимальная (Витимо-Олёкминская область); повышенная (Хилокско-Ингодинская область) умеренная и повышенная (Аргунь-Шилкинская область). В связи с тем, что Забайкалье – горная страна, авторами в пределах областей были выделены высотные пояса комфортности. За критерий комфортности было принято оптимальное соотношение тепла и влаги. Территории как с недостатком тепла по отношению к тепловому эквиваленту атмосферных осадков, так и с его относительным избытком считаются дискомфортными.

Выделенные В. Ф. Задорожным, А. Т. Соловова, А. Т. Напрасниковым (2005) пояса комфортности термических областей в границах Забайкальского края можно воспринимать с позиций радиальной модели, отмечая их дуговидность и лучевидность относительно Улдза-Торейской равнины, на которую и пришёл восточный стык границ России, Монголии и Китая.

Отметим, что первый пояс с дискомфортными условиями (недостаточной теплообеспеченностью и избыточным увлажнением) распространяется в районах, наиболее удалённых от стыка границ: на севере (Каларском, Тунгокоченском и Тунгино-Олёкминском), западе и северо-западе (незаселённые части Красночикийского и Улётовского районов).

Второй пояс с умеренно комфортными условиями (оптимальное соотношение тепла и влаги) имеет близкую к дуговидной конфигурацию, охватывая наиболее заселённые территории – районы, более близкие к стыку границ по сравнению с предыдущим поясом: Кыринский, Акшинский, Дульдургинский, Агинский, Могойтуйский, Читинский, Карымский, южную часть Тунгокочинского, Шелопугинский, Нечинско-Заводский, Газимуро-Заводский.

Третий пояс с пониженно комфортными условиями (оптимальное соотношение тепла и влаги в условиях экстремально высоких температур июля) простирается узкой полосой из Читинского района вдоль течения рек Ингоды и Шилки, более вписываясь своей конфигурацией в ортогональную модель. Вытянутый полосой третий пояс имеет утолщение вдоль впадающих в Шилку притоков: Нерчи (в Нерчинском районе) и Куэнги (в Чернышевском районе). Эти перпендикулярные руслу Шилки выступы в третьем поясе только подчёркивают ортогональность.

Четвёртый пояс с дискомфортными условиями (избыточная теплообеспеченность и недостаточность увлажнения). Конфигурация этого пояса относительно восточного стыка границ лучевая. Один луч простирается на северо-восток от стыка, включая в себя территории Забайкальского, Краснокаменского, Приаргунского, Калганского и в меньшей степени Нерчинско-Заводского районов. Отмеченный луч соответствует как радиальной модели, так и ортогональной. В последнем случае луч может восприниматься как ряд, следующий параллельно горным хребтам. Второй луч включает части Борзинского, Оловянинского и Бaleyского районов. Его ориентация также может рассматриваться с позиций двух моделей.

Ландшафтные особенности физико-географического положения

Улдза-Торейская равнина, которую мы рассматриваем как центр трансграничного трёхзвенного региона, находится в зоне степей, выходящей за пределы равнины, на западе, севере и северо-востоке переходя в зону лесостепей. То же самое можно сказать и про характер взаимного размещения лесостепной и таёжной зон.

Хотя границы между таёжной и лесостепной, лесостепной и степной зонами нельзя назвать дуговидными, их общая ориентация – прохождение относительно Улдза-Торейской равнины – даёт основание считать с определённой долей редукиции их распространение радиальным. Радиальность на западе имеет дуговидный характер, а на северо-востоке лучевидный. Например, дуговидный степной ареал [9, с. 27] узкой полосой протянулся по левому берегу реки Онон через Кыринский, Акшинский, Дульдургинский и Агинский районы. С запада, северо-запада и севера к этой степной полосе примыкает полосовидный ареал лесостепной зоны. Лучевидный северо-восток представлен чередующимися в междуречье Шилки и Аргуни полосами лесостепных и таёжных ландшафтов, которые отвечают географии межгорных котловин.

Эколого-географическое положение

Эколого-географическое положение – это положение объекта относительно элементов экологического каркаса территории (ЭКТ), источников потенциальных или реальных экологических угроз и трасс их реализации.

Основными компонентами ЭКТ как системы являются его ядра, зоны реставрации и примечательные природные объекты, целостность и связь которых обеспечивается экологическими коридорами и буферными зонами. Ядра (существующие ООПТ, заповедники, заказники, наци-

ональные парки, резервные, орехово-промысловые зоны, водно-болотные угодья, ключевые территории, места воспроизводства редких или ценных видов животных) имеют свои функции: обеспечение оптимально достижимого качества и количества экологического пространства для поддержания экологического баланса, сохранение природных комплексов, биологического разнообразия, сохранение рекреационных и бальнеологических свойств территории. Буферные зоны (охранные зоны ООПТ, природные парки, охранные зоны вокруг археологических памятников и памятников природы, санитарно-защитные зоны, рекреационные зоны) создаются для защиты ключевых и транзитных территорий от потенциально опасных внешних воздействий, обеспечения коренных видов дополнительными местообитаниями. Коридоры осуществляют связи между ключевыми территориями, обеспечивают сохранность путей миграции и распространения видов растений и животных, обеспечивают увеличение обитаемой площади. Они могут быть представлены речными долинами, водоохранными зонами, миграционными коридорами (птиц, млекопитающих), лесами по водосборам, верховыми болотами, защитными лесами. Зоны восстановления – пожарища, рубки, места свалок, деградированные сельскохозяйственные угодья, нарушенные земли вокруг промышленных предприятий [39, с. 50]. Ядра и буферные зоны выступают в ЭКТ как площадные темы, а коридоры как линейные.

Ещё один элемент в структуре экологического каркаса – примечательные природные объекты, сохраняющие эстетическую и научную ценность территорий (памятники природы, археологические памятники, редкие сообщества, места обитания реликтовых и эндемичных видов, рефугии, экотоны, живописные ландшафты) [39, с. 50]. Отмеченный элемент представляет точечную тему в ЭКТ. Таким образом, для ЭКТ характерна тройственность тем, присущая всем территориальным структурам.

Источники экологических угроз – объекты физико- и экономико-географического характера, представляющие экологическую опасность для населения исследуемой территории [130, с. 109].

Основными функциями каркаса являются поддержание естественного режима природных процессов, определяющих существование ландшафтов, экосистем, биологических видов и популяций, экологизация хозяйственной деятельности [108, с. 46].

Е. М. Панченко, А. Г. Дюкарев (2010) выделяют следующие функции ЭКТ: ресурсную, репродуктивную, информационно-эталонную, рекреационную и объектозащитную. В генерализованном виде все эти функции выражаются в одной – экологической функции. По мнению автора у ЭКТ имеются и другие функции: экономические и политические, которые на приграничных

ЭКТ выражены наиболее чётко. Для выявления этих функций воспользуемся инструментарием концепции эколого-географического положения. Инструментарий эколого-географического положения оценивается в ЭКТ, но отражать может политические и экономические отношения в экологической системе связей.

ЭКТ часто детерминирует формирование территориальных структур хозяйства, хозяйственное освоение вступает в диалектическое взаимодействие с экологическим типом освоения. Как показывают исследования М. С. Новиковой (2014), на юго-востоке Забайкальского края эти два вида освоения территории не просто противостоят друг другу, а дополняют друг друга, решая задачу комплексного освоения территории.

Вопрос приграничных и трансграничных особенностей формирования ЭКТ ещё не проработан географической наукой. Автора интересует аспект взаимной территориальной (трансграничной) организации экологических каркасов приграничных сторон и оценки приграничного эколого-географического положения.

Приграничное эколого-географическое положение оценивается относительно источников объектов экологического каркаса сопредельной стороны, трансграничных экологических угроз и их трасс реализации. Особенность этого вида положения в оценке положительных и отрицательных трансграничных экстерналий.

Трансграничная экологическая политика направлена на уменьшение или нейтрализацию отрицательных экологических экстерналий и поощрение положительных. Механизм реализации экологической политики – это организация трансграничного взаимодействия как результата диалектического единства экологического давления и экологического притяжения. Давление на сопредельную территорию можно оказывать не только с помощью отрицательных экологических экстерналий, реализуемых через трансграничные трассы, то есть перемещением через границу выбросов и сбросов вредных веществ, но и положительных, например размещением непосредственно у границы ядер экологического каркаса – биосферных заповедников, не оставляя приграничного пространства со своей стороны на организацию буферной зоны. При этом сопредельной стороне ничего не остаётся, как ориентироваться на сохранение сопредельных экосистем, ужесточать режим природопользования. Однако организация буферной зоны не отвечает интересам престижа страны, дискретная трансграничная дополнительность может быть как временный вариант. Сторона, имеющая на сопредельной территории биосферный заповедник, стремится распространить его статус на свою территорию или создать его аналог у себя. Это необходимо для привлечения не только туристических потоков, но и международного вни-

мания, для активного продвижения приграничного региона на международном уровне. Таким образом, формируется трансграничный экологический регион, а в случае если это стык трёх государств – то трансграничный трёхзвенный регион, модель которого была представлена в предыдущей главе.

Элементы экологического каркаса Забайкальского края, лежащие за пределами центральной части трансграничного трёхзвенного региона, в силу физико-географического фактора подчиняются радиальной организации. Однако она выражена слабо, так как сам каркас сформирован только на 50 %.

По данным Министерства природных ресурсов и промышленности Забайкальского края, на 1 мая 2014 года в природно-заповедном фонде края представлены 2 природных биосферных заповедника, 2 национальных парка, 18 заказников, 1 природный парк, 65 памятников природы. Особо охраняемые природные территории занимают 5,4 % от общей площади региона, что не соответствует современным представлениям о доле охраняемых природных площадей. Ещё 210,3 тыс. га составляют охранные зоны заповедников и национального парка, юридически они не входят в состав этих ООПТ. По площади большую часть земель под ООПТ в регионе занимают заказники. По количеству преобладают ООПТ категории «памятники природы» (Особо охраняемы природные территории. URL: http://минприр.зabayкальскийкрай.рф/OOS/OPS_resursy/osobo_ohranyaemye.html).

Т. В. Воропаева считает, что площадь ООПТ должна составлять не менее 30 % от площади региона [39, с. 51].

По данным Федеральной службы по надзору в сфере природопользования: «Распределение ООПТ по региону неравномерно и отражает скорее степень изученности Забайкалья, чем научный подход к формированию взаимосвязанной сети охраняемых территорий. При этом охвачено не более 40% основных ландшафтов региона. Существующая в регионе сеть не охватывает в достаточной мере экосистемы различных природных зон, в том числе особо ценные. Согласно современным представлениям (рекомендации Всемирного конгресса ООПТ в Каракасе, 1992), для поддержания экологического баланса доля земель высших категорий (заповедники, национальные парки, заказники) должна составлять не менее 10% от площади региона. Причём для разных природных зон этот показатель не одинаков: в горно-таёжных и лесостепных районах он должен быть выше, чем в зоне южной тайги и степи. Забайкалье как раз и представляет собой горную страну на границе этих природно-климатических зон» [136].

В последнее время трансграничные экологические угрозы со стороны Китая изменили представление о геополитических функциях

приграничья. Приграничные территории края превращаются из военных в экологические буферные зоны, поглощающие и нейтрализующие часть негативных трансграничных влияний. На юго-востоке края реализуются крупные проекты хозяйственного освоения, что порождает внутренние экологические угрозы и проблемы. В приграничье активно формируется сеть особо охраняемых территорий, которые приобретают биосферный и международный статус, что выражает экологическую внешнеконтактность территории [115, с. 229].

По мнению автора выделение территорий традиционного природопользования должно происходить в связке с географией ЭКТ.

Традиционное природопользование – исторически сложившееся ведение натурального домашнего хозяйства местным населением. Широкий диапазон подобной деятельности включает традиционное хозяйствование, основанное на использовании возобновляемых природных ресурсов и обеспечивающее их неистощимое воспроизводство, характеризуется единым общим свойством – бережным отношением к природе [68, с. 9].

Территории традиционного природопользования не входят в ЭКТ, хотя по своей природоохранной направленности, то есть благодаря бережному отношению к природе, наиболее близки к заповедному природопользованию из всех видов хозяйственного природопользования.

Забайкальскими учёными хорошо проработан вопрос территориальной организации традиционного природопользования и проблемы выделения территорий традиционного природопользования (Задорожный, Гильфанова, 2009; Гурова, 2000, 2008; Гильфанова 2009, 2014). Однако вопрос взаимной приграничной пространственной организации традиционного природопользования и ЭКТ остаётся не исследованным. В рамках представленной работы автор не ставит задачей провести исчерпывающее исследование этой проблемы, но хотел бы отметить несколько особенностей, связанных с территориальной организацией населения и хозяйства с позиций выдвинутых моделей.

Первая особенность – ЭКТ Забайкальского края, как и сеть территорий традиционного природопользования, формируются часто как реакция на хозяйственное освоение. Основной мотив при этом – необходимость сохранения в первом случае биоразнообразия, а во втором хозяйства, культуры и среды обитания этносов.

Вторую особенность представим с позиций радиальной и ортогональной моделей. Процесс заповедного освоения, как формирования ЭКТ, подчиняется ортогональной модели. В нём чётко обозначается два вектора. Первый вектор идёт с северо-запада на юго-восток – это распространение влияния Байкальской природной территории, экологические ядра которой локализованы

вокруг озера Байкал. Петровск-Забайкальский, Красночикоийский, Хилокский районы, а также часть Улётовского и Читинского входят в буферную экологическую зону Байкальской природной территории, которая выделяется к юго-востоку от Байкала, исходя из бассейнового подхода.

Второй вектор идёт с юго-востока на северо-запад от рек Аргунь и Амур, то есть от российско-китайской границы. В будущем есть основания полагать, что новые ядра ЭКТ возникнут именно в Приаргунье.

Оба вектора имеют глобальное – международное значение. В первом случае – это сохранение озера Байкал как объекта Всемирного природного наследия; во втором случае – это охрана трансграничного бассейна Амура.

Системы традиционного природопользования населения Забайкальского края находятся под влиянием этих двух векторов: потомков русского старообрядческого населения Красночикоийского района под влиянием Байкальского вектора; бурятского населения Агинского округа и потомков русских казаков, проживающих в долинах рек Ингода, Шилка, Онон и Аргунь под влиянием Амурского вектора. Влияние – это система ограничений.

Принцип действия радиальной модели, заключающийся в ужесточении хозяйственного природопользования по мере приближения к восточному стыку границ России, Монголии и Китая, уже был рассмотрен автором в предыдущей главе (параграф 2.2.). Однако хотелось бы обратить внимание на географию систем традиционного природопользования с позиций этого веерообразного относительно стыка границ ужесточения, как проявления радиальности в пределах одного из трёх секторов – звеньев трансграничного региона. Центробежное ослабление относительно стыка границ трёх стран позволило сохраниться на периферии трансграничного трёхзвенного региона традиционных систем ведения хозяйства: семейских в Красночикоийском районе, звенков в Каларском, Тунгокоченском и Тунгино-Олёкминском районах; потомков русских казаков в Нерчинско-Заводском, Газимуро-Заводском, Калганском и Приаргунском районах. Трансформацию ограничений вносят Байкальский и Амурский векторы заповедного освоения ортогональной модели, действие которых усиливается из-за трансграничного и международного факторов.

3.2. История изменения роли приграничного политико-географического положения

Характер политико-географического положения территории Забайкальского края изменялся в зависимости от характера взаимоотношений России и Китая.

В представленном параграфе автор освещает переломные исторические события, которые

демонстрируют собой кардинальные изменения во взаимоотношениях между странами – «исторические перепады» в чередовании периодов враждебности и добрососедства во взаимоотношениях России и Китая.

Расширение «жизненного пространства» Российской империи в XVII веке происходило за счёт территории Сибири и Дальнего Востока. Освоение и присоединение Восточного Забайкалья к Российскому государству связано с переселением русского населения из европейской части страны. Чрезвычайно важно было рационально расселить русское население по территории, создать оптимальный каркас расселения. Русское население своим присутствием в регионе должно было не только олицетворять принадлежность его к России, но и уравнивать взаимоотношения между различными этносами.

Геостратегию освоения анойкумены (см. рис. 12) можно представить как волновую последовательность (Аюшеева, Михеева, Новиков и др., 2014). Первая волна – военно-миссионерская, она раздвигала границы ойкумены, укрепляя новые территории сетью монастырей и военных караулов. Эта волна, образно выражаясь, «поглощает или сметает» местное население, в зависимости от лояльности и желания его присоединяться к растущей империи. Отметим, что освоение шло волнами, границы между которыми выражены на рис. 12 в виде дуг.

Л. И. Попкова (2013) в своих исследованиях трансграничья выделяет особый – военно-поселенческий характер заселения. Карл Хаусхофер (2001) считал, что напряжённость в отношениях между Россией и Китаем вызвана самим фактом появления русских в Приамурье, то есть созданием угрозы для Поднебесной. Китайцы же не воспринимали левобережье Аргуни и Амура как территорию, пригодную для жизни в силу суровых климатических условий, не позволяющих вести традиционную для них хозяйственную деятельность.

История человечества полна примеров возникновения и падения государств, переселения народов, в ходе которых границы между странами не раз меняли очертания. С помощью подобных доводов можно сказать, что граница КНР должна пролегать вдоль линии Великой китайской стены, находящейся менее чем в ста километрах от Пекина. Ведь когда-то там действительно была граница Китая, о чём свидетельствует сама стена. Но времена меняются. Соприкосновение Российской и Китайской империй произошло в XVII веке при освоении русскими территории Восточной Сибири. Это вызвало противодействие со стороны Цинского Китая. Начались вооружённые стычки между отрядами русских землепроходцев с цинскими войсками, которые переросли в длительный конфликт. Его разрешением явился Нерчинский договор, заключённый в августе 1689 года.

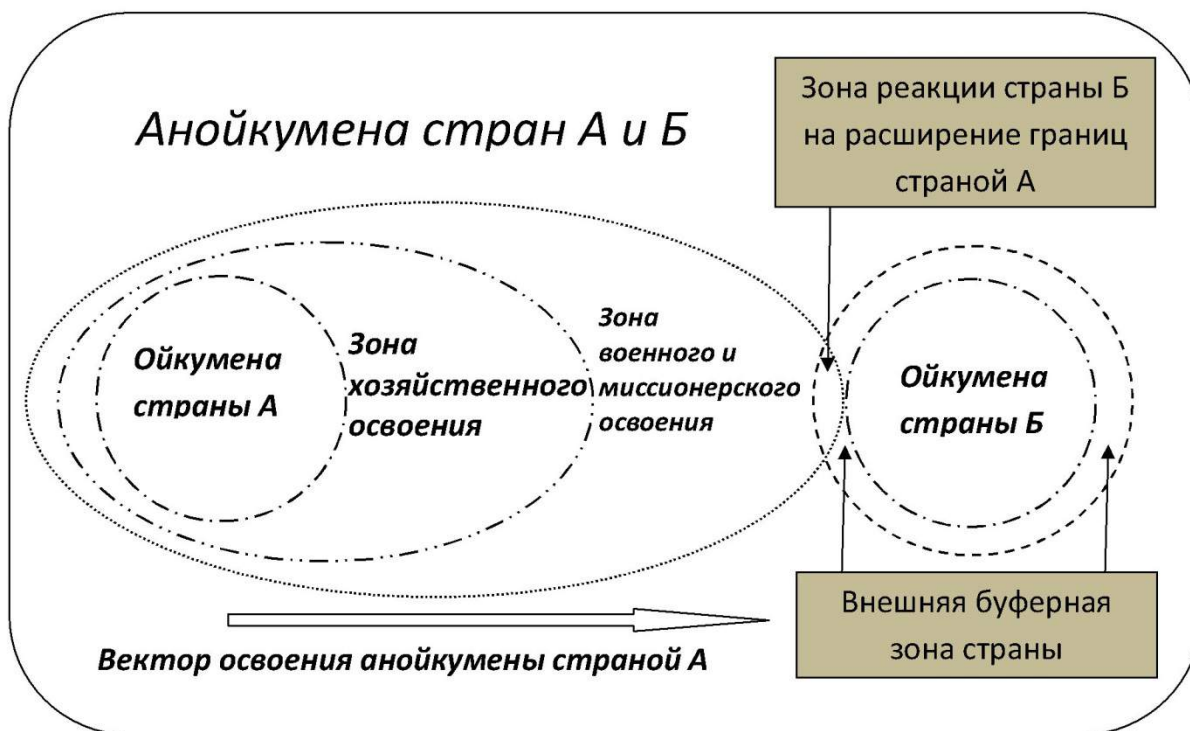

Рис. 12. Геостратегия освоения анойкумены

Несмотря на некоторые его положительные стороны (установление дипломатических и торговых отношений), Нерчинский договор был крупным поражением русской дипломатии на Дальнем Востоке. По Нерчинскому, а затем Кяхтинскому (1727) договорам с Китаем российское правительство отказалось следовать современному административно-территориальному делению – от Приморья, юга Хабаровского края, Амурской и большей части Читинской области (с 2008 г. Забайкальский край – примечание А. Н.), а также Тывы. Это примерно полтора миллиона квадратных километров. Такая уступчивость России объясняется несколькими факторами: боязнь одновременной борьбы с двумя противниками – Турецкой и Цинской империями, известная недооценка того значения, которое имели эти земли для дальнейшего освоения и укрепления дальневосточной окраины государства, внутренняя борьба за власть, в которой внешнеполитические связи играли не последнюю роль [28, с. 248–249].

При столкновении границ ойкумены одного государства с границей зоны военного освоения другого государства в месте контакта образуется зона реакции (см. рис. 13). Как правило, она образуется во внешней буферной зоне страны, которая до приближения к границам ойкумены потенциального противника только обозревалась, но не оформлялась в инфраструктурном плане. Поэтому внешнюю буферную зону нельзя отнести к ойкумене – освоенной и заселённой территории.

Военное укрепление границы имеет большую историю, которая была отмечена крупными

и очень затратными проектами. Например, линия Маннергейма (Финляндия) или линия Мажино (Франция). Великую Китайскую стену также можно отнести к затратным проектам линий обороны.

Военное освоение носило не сплошной (см. рис.13), а линейный и очаговый характер, что объясняется стремлением занять большее пространство небольшим количеством вооружённых сил, территориальная организация которых должна была обеспечивать контроль над ключевыми участками магистральными торговыми путями или месторождениями стратегических полезных ископаемых.

В хозяйственном освоении отчётливо просматриваются три этапа: очагового освоения, для которого характерен поиск месторождений полезных ископаемых; линейного освоения с прокладкой дорог; площадного сельскохозяйственного освоения. Освоение как историко-географический процесс шёл волнообразно: точечная, линейная и площадная волны. Для первой волны характерны импульсивные вторжения, нерегулярность связи с базами. Вторая волна монотрассового линейного освоения поддерживает регулярную связь с базами, она переходит в клиновидный фронт третьей сплошной волны, которая укрепляется дуговидным фронтом.

Освоение Приамурья и Приаргунья носило соседизолированный характер.

Последствием Нерчинского договора стало изменение миграционных потоков: основной поток мигрантов для освоения Сибири и Дальнего Востока пошёл не через Забайкалье, а через Якутию.

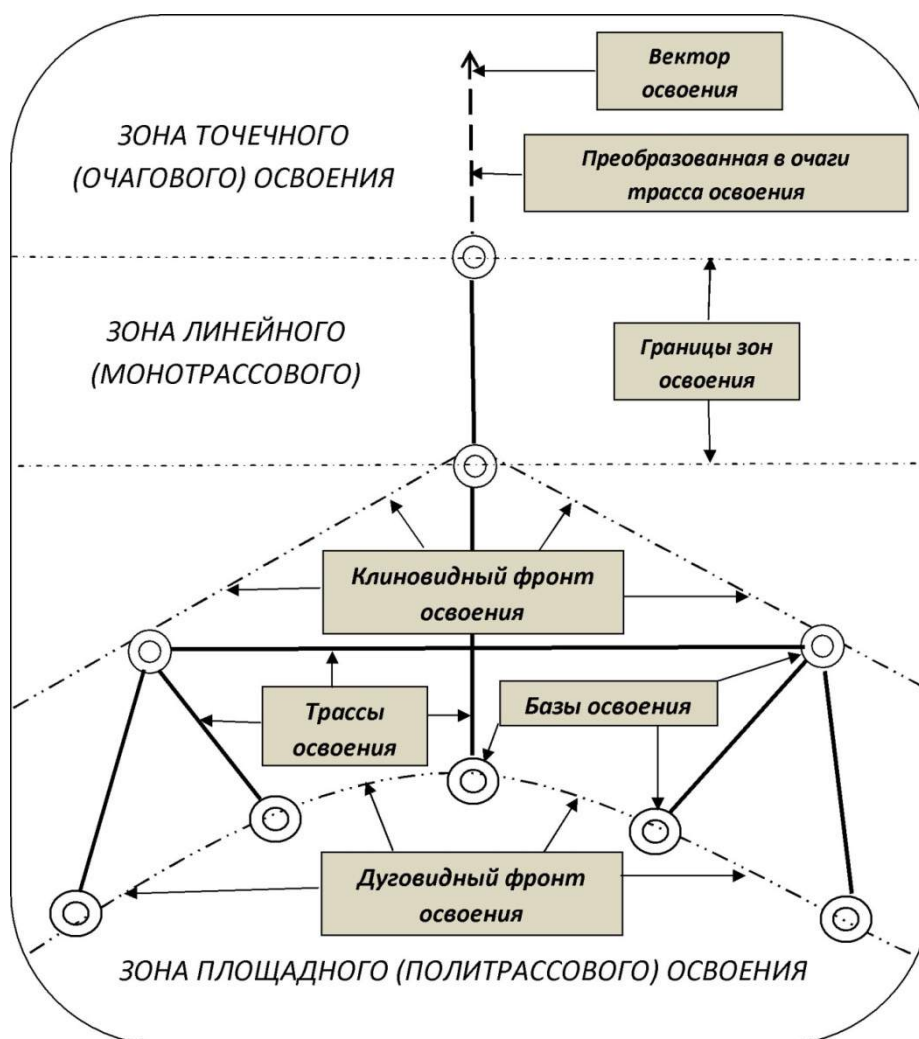

Рис. 13. Базо-трассовая территориальная организация зоны хозяйственного освоения

Своеобразие этого периода состоит в том, что внешнетранзитная функция у Забайкальского приграничья исчезла, а буферная была реализована путём территориальных уступок, а не укреплением рубежей.

Ко второй половине XIX века прежде главная отрасль хозяйства – добыча серебра и свинца – пришла в упадок, а увеличившаяся добыча золота не могла заменить серебряно-свинцовую промышленность, так как требовала меньшее количество трудовых ресурсов (Воробьёв, 1975). Освободившаяся часть населения была привлечена к производству сельскохозяйственной продукции. Соответственно, изменилось и положение Восточного Забайкалья, его основная специализация из горнодобывающей переходит в разряд аграрных (Асалханов, 1963), со сбытом продукции на интенсивно осваиваемый Дальний Восток (хлеб, сало, кожи, мясо и др.). Усиливаются позиции казачества, совмещающего военную службу с сельскохозяйственным производством.

В 1851 году была образовано Забайкальское казачье войско и Забайкальская область. Укрепление пограничных рубежей России в За-

байкалье связано с заселением Приаргунья. В 1858 году был заключён Айгунский договор с Китаем, который с российской стороны подписал Н. Н. Муравьёв-Амурский. По данному соглашению Россия получала обратно территории, а граница проводилась по реке Аргунь.

С 1861 года китайцам было разрешено проводить беспошлинную торговлю в России на расстоянии 50 верст от границы. Затем Забайкалье и Амурский край были объявлены порто-франко – местами свободной беспошлинной торговли [81, с. 5].

В 1884 году было образовано Приамурское генерал-губернаторство. В его состав вошли Амурская, Приморская и Забайкальская области, а также Владивостокское военное губернаторство, существовавшее с 1880 по 1898 год [3, с. 7].

Военная история России XX века начинается с военного конфликта, имевшего официальное название «Военная кампания в Китае 1900–1901 гг.». Россия провела военную кампанию, опираясь на войска, собранные в Сибирском военном округе. В 1900 году Сибирский военный округ впервые был переведён на военное поло-

жение. В Сибири для войны с Китаем было собрано около 100 тыс. человек. Летом 1900 года по Сибирской железной дороге было перевезено 54 410 чел. воинских чинов и 11 407 лошадей, в Забайкалье было доставлено 188 200 пудов военных грузов. Повседневная жизнь сибиряков была подчинена задачам войны с Китаем. На восточном участке границы Сибири происходили военные действия, из Сибири были отправлены в приграничные города Китайской империи небольшие военные отряды. К концу 1900 года мобилизованные в Сибири запасные нижние чины вернулись домой, но русские войска продолжали борьбу с китайским сопротивлением в Маньчжурии [58, с. 119].

Важнейшей чертой российской таможенной политики в её дальневосточном варианте является гибкое сочетание протекционистских и либеральных элементов при постепенном усилении протекционистской составляющей. Аргументом в пользу вывода об осторожности и постепенности распространения на Дальний Восток общего протекционистского курса могут служить особенности применения здесь таможенного тарифа. В 1901 году в связи с отменой порто-франко на Приамурский край было распространено действие Общего таможенного тарифа по европейской торговле. Однако при этом по 75 % статей для ввозимых в Приамурье и Забайкалье иностранных товаров были предусмотрены такие существенные льготы, что общий российский таможенный тариф трансформировался в региональный тариф для Приамурского генерал-губернаторства. ...В связи с началом русско-японской войны порто-франко в Приамурье было временно восстановлено с 1 мая 1904 года и окончательно отменено с 1 марта 1909 года [72] [Цит. по: 22] на всей территории Приамурья южнее устья Амура, а летом 1910 года на Сахалине и Камчатке. Именно с этого момента дальневосточная окраина стала считаться неотъемлемой частью таможенной территории России (Беляева, 2008, с. 59–60).

Забайкальская область входила в состав Приамурского генерал-губернаторства до 1906 года, когда она была передана Иркутскому генерал-губернаторству [3, с. 8]. В факте передачи проявилась вся сущность пограничного положения Восточного Забайкалья между Восточной Сибирью и Дальним Востоком.

Основу экономических связей составляли в то время два тракта: Московский (Верхнеудинск – Чита – Сретенск – с последующим препровождением в Китай) и Кяхтинский (по территории Бурятии) (Иркутск – Култук – Троицкосавск – Кяхта – Монголия).

С самого начала транспортная сеть Забайкалья стала формироваться под влиянием транзитных потоков, прежде всего торговли с Китаем и Монголией, а также освоения Приамурья. На

этих путях сообщения стали возникать основные центры торговли, а затем – промышленные производства. Главными путями сообщения служили реки, летом как судоходные, а зимой как санные пути [143, с. 41].

Гужевого транспорт не мог обеспечить большого грузооборота. Низкая пропускная способность, длительные сроки перевозки сделали его неконкурентоспособным по сравнению с морским транспортом, предпочтение которому стали отдавать после открытия в 1869 году Суэцкого канала. Товары в Европу, в том числе и в Россию, стали поступать морским путём.

В России возникла настоятельная необходимость совершенствования путей сообщения с Сибирью и Дальним Востоком. Во-первых, это было необходимо для усиления территориальной целостности страны. Во-вторых, для увеличения темпов социально-экономического развития восточных регионов. В третьих, для сохранения ведущей роли России в сообщении между Европой и Азией.

В Чите, отстоявшей от западно-европейских рынков на расстоянии, втрое большем, чем от Тихоокеанского побережья, не питали особых иллюзий насчёт беспрецедентных возможностей интенсивного развития товарообмена в западном направлении. Группа забайкальских купцов, возглавляемая П. В. Мординым и М. Д. Бутиным, ставила и решала железнодорожный вопрос в несколько неожиданном ракурсе, ссылаясь на опасность иностранной, в первую очередь американской, экспансии на русском Дальнем Востоке (в частности, на Чукотке), где американская торговля действительно всё более укрепляла свои позиции. М. Д. Бутин и его коллеги считали необходимым прежде всего начать строительство пути к Тихоокеанскому побережью. В этой связи предлагалось срочно приступить к сооружению ряда железнодорожных выходов к удобным пунктам на Тихоокеанском побережье – от Охотска на севере до Находки на юге [152, с. 9].

В 1891 году было начато строительство Транссибирской железной дороги. Магистраль в административном отношении была разделена на четыре дороги: Сибирскую, Забайкальскую, Амурскую и Уссурийскую. Забайкальский участок дороги, от станции Мысовая до станции Сретенск, строили с 1895 по 1900 год. В 1901 году пролегла ветка от станции Карымская до станции Борзя, а далее – до китайской границы. В 1903 году вступила в строй Китайская восточная железная дорога, по которой был установлен сплошной рельсовый путь до Тихого океана. Сквозное железнодорожное сообщение от Челябинска до берегов Тихого океана было открыто в 1916 году после окончания строительства Амурской железной дороги [81].

«Российские железные дороги, – писал британский географ и политик сэра Маккиндера, – про-

тянулись на 6000 миль от Вербаллена на западе до Владивостока на востоке. Русская армия в Маньчжурии являет собой замечательное свидетельство мобильности сухопутной мощи, подобно тому как Британская являет в Южной Африке пример морской державы» [101, с. 168].

Сооружение Транссиба положило начало новому этапу в развитии Сибири и Дальнего Востока, изменив геополитическое положение Восточного Забайкалья и усилив их внешнетранзитную и буферную функции.

Строительство и эксплуатация магистрали способствовали формированию и развитию тех отраслей промышленности, которые не создавали конкуренции для фабрик и заводов центра страны, а закрепляли за Сибирью и Дальним Востоком специализацию сырьевой базы и сельскохозяйственной окраины [73, с. 22].

С самого начала проявилось двоякое действие магистрали на структуру хозяйства Забайкалья. С одной стороны стимулировалось развитие лесопильных, цементных, мукомольных, металлообрабатывающих, угольно-добывающих производств, с другой – с запада пошёл поток товаров, более дешёвых (Лаженцев, Недешев, 1972), чем могло дать местное хозяйство. Это привело к снижению объёмов ряда промышленных объектов: кожевенных, мыловаренных, пивоваренных, свечных предприятий (Лаженцев, 1967).

Одновременно со строительством магистрали шло нарастание численности населения, в определённой мере за счёт притока мигрантов извне. Поскольку улучшились условия для межселенного сообщения, усилился поток разного рода переселенцев, возрос потенциал для формирования городских поселений. Значит, роль железной дороги проявилась в коренном изменении хозяйственных и демографических структур (Воробьёв, 1977).

Массовыми перевозками грузов и людей магистраль, без преувеличения, явилась источником коренного революционного переворота в средствах транспорта и в хозяйственном формировании целых регионов [81].

С весны 1920 и до конца 1922 года на территории Забайкалья и Дальнего Востока существовало буферное государство – Дальневосточная республика (ДВР). Этот период стал одним из переломных в изменении экономико-географического и геополитического положения Забайкалья. В создании ДВР со столицей в Чите проявилась буферная функция Забайкалья, которая заключалась в пространственном разделении Японии и Советской России. Одной из главных целей ДВР было не допустить распространения влияния Японии на своей территории.

Подобные геополитические «прокладки» могут приводить к формированию очень причудливых и специфических геополитических образов, особенно в случае контакта совершенно различных политических культур [75, с. 62].

Приграничная полоса в российско-китайских отношениях в период второй половины XX века несколько раз становилась ареной вооружённых столкновений. Отношения развивались по крайним сценариям: от лозунгов о вечной дружбе народов и осознания необходимости развивать торговые связи до идеологической вражды и кровопролития [91, с. 256].

Одним из ключевых событий, изменившим характер приграничного положения Забайкалья, стал конфликт 1929 года на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), находившейся в соответствии с соглашениями 1924 года в совместном советско-китайском управлении. Фактически же во второй половине 1920-х годов дорога почти полностью превратилась в советское предприятие. С приходом к власти в Китае Чан Кайши, последовательно проводившим линию на уменьшение советского присутствия в стране, положение на дороге стало резко меняться и в июле 1929 года губернатор Маньчжурии Чжан Сюэлян по согласованию с Чан Кайши объявил о национализации КВЖД [1, с. 57]. В ходе конфликта Советской России удалось вернуть контроль над КВЖД.

События 1941–1945 годов заставили по-новому взглянуть на положение Восточного Забайкалья. Изменения носили специфический характер. Эвакуация промышленных предприятий с запада воюющей страны дала крупный шанс в промышленном развитии ряду областей Сибири, но этот процесс обошёл стороной Забайкалье – и в силу дальности региона, и крайнего положения со свойственной военно-стратегической буферной функцией.

В пятидесятые и шестидесятые годы прошлого столетия в Читинской области приступили к разработке целинных земель юго-восточных районов. В Приаргунье возникают новые населённые пункты. Направленность региональной поселенческой политики на создание населённых пунктов вдоль границы, кроме поднятия целины, параллельно (а точнее, подспудно) преследовала цель укрепления восточных рубежей. Военнообязанная часть населения была приписана к военным объектам фортификационных сооружений укрепрайонов, которые начали возводить в Забайкалье. Таким образом, государство кроме работников сельскохозяйственного труда сосредоточило на границе демографический потенциал военно-стратегического значения. Был сохранён принцип караулов с казаками-землепашцами.

Как отмечает И. С. Зиминая: «В конце 50 – начале 60-х годов возникает целый ряд предпосылок для ухудшения отношений СССР и Китая. В этот же период усиливается стремление Китая обрести лидирующее место в международном коммунистическом и рабочем движении, а также избавиться от опеки КПСС. К тому же начиная с

XX съезда КПСС (1956) между двумя странами стали нарастать и идеологические расхождения. Негативно китайским руководством было воспринято осуждение культа личности Сталина» [77, с. 27].

В 1969 году произошёл военный конфликт между СССР и Китаем за остров Даманский на реке Уссури. Это противостояние изменило приграничное геополитическое положение Забайкалья.

В марте 1966 года в ЗабВО были сформированы 97-й (Забайкальск и Даурия) и 114-й (ст. «Шерловая Гора») укрепленные районы, каждый из них включал пулемётно-артиллерийский батальон, артиллерийский дивизион, реактивную батарею и четыре танковых батальона (Т-34-85, ИС-2, ИС-3 и ИС-4). К следующему году численность китайских войск в приграничных с СССР и МНР районах достигла 400 тыс. человек (увеличилась на 22 дивизии). В Маньчжурии была создана мощная военная инфраструктура (инженерные заграждения, подземные убежища, дороги и аэродромы). Не вызывало сомнений, что Китай готовится к войне. Советский Союз в срочном порядке провёл передислокацию отдельных соединений и частей Вооружённых сил из западных и центральных районов страны в Забайкалье и на Дальний Восток. В соответствии с директивой Генерального штаба ВС СССР началось восстановление законсервированных укрепрайонов по всей советско-китайской границе. Тогда укрепленные районы по своему составу были полковыми и бригадными с полосой обороны от 10 до 100 км — в зависимости от количества батальонов. В инженерных управлениях ЗабВО и ДБО оборонительное строительство возлагалось на проектно-монтажные группы укрепленных районов (ПМГ УР). Существующие и разоружённые долговременные фортификационные сооружения УР (пулемётные долговременные огневые точки, орудийно-пулемётные долговременные огневые точки) приспособлялись для ведения огня из штатных пулемётов. Расконсервированные сооружения с артиллерийскими казематными установками переводились в режим боевого дежурства. Для боевого охранения оборудовались позиции дежурных подразделений в составе взводов с танками ИС-3, ИС-4, которые размещались, как правило, в укрытиях котлованного типа [166].

Как пишет А. Б. Широкопад [177, с. 271]: «До событий на острове Даманском СССР начал перебрасывать дивизии из внутренних районов: Забайкальский военный округ во второй половине 1960 – начале 1970-х годов получил 10 дивизий, из которых три были танковые. В 1966 году в округе были сформированы 97-й (у Забайкальска и Даурии) и 114-й (у станции Шерловая Гора) укрепрайоны, имевшие в своём составе пулемётно-артиллерийский батальон,

реактивную батарею и четыре танковых батальона. Забайкальский военный округ (ЗВО) был усилен 2-й Гвардейской танковой Тацинской ордена Суворова дивизией (из Ленинградского военного округа) и 5-й Гвардейской танковой Донской Будапештской ордена Красной Звезды дивизией (из Северокавказского военного округа). Непосредственно в ЗВО на базе 243-й учебной мотострелковой дивизии, дислоцированной в Чите, в 1969 году была развернута 49-я учебная танковая дивизия» [Цит. по: 91, с. 258]. Сам округ состоял из трёх общевойсковых армий: 29-й со штабом в Улан-Удэ, 36-й в Борзе и 39-й в Монголии [Там же].

На территории приграничных районов Читинской области действовал особый паспортный режим. С шестидесятых по начало девяностых годов прошлого столетия пограничные районы были объединены в закрытую от свободного посещения пограничную зону. В начале девяностых годов прошлого столетия пограничная зона стала свободной для посещения.

В начале 2000-х годов фортификационные сооружения были полностью разрушены местными жителями, которые металлические части, включая танки, разрезали и сдавали в пункты приёма металлолома. Металлолом вывозился в сопредельные районы Китая.

В 70–80-х годах произошло изменение транспортно-географического положения области, связанное с усилением транзитных функций Транссибирской магистрали и с пуском контейнерной линии Дальний Восток – Европа. Усилению ещё одной транзитно-посреднической функции региона послужило строительство северного (Читинского) участка Байкало-Амурской магистрали.

БАМ имел и стратегические цели, являясь более удалённым от границы, чем Трансиб, в случае военного конфликта он давал бы альтернативный транспортный канал для сообщения с Дальним Востоком.

В 90-е годы на территории области была осуществлена попытка создания свободной экономической зоны «Даурия», которая предполагала усиление внешнетранзитной функции Восточного Забайкалья для экономического сотрудничества с Китаем.

24 апреля 1990 года было подписано двухстороннее Межправительственное Соглашение о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы. Это Соглашение установило принципы, на которых вот уже четверть века строятся взаимоотношения между Россией и Китаем. Соглашение подразумевало поэтапное сокращение военного контингента и военной техники в приграничной зоне (URL: <http://docs.cntd.ru/document/901729235>).

Свою историю Шанхайская организация сотрудничества ведёт с 1996 года. 26 апреля 1996 года главы России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана встретились в Шанхае с целью выработать единую позицию по всему спектру проблем регионального сотрудничества, а также укрепления мер доверия в военной области. По итогам форума было подписано «Соглашение о мерах доверия в военной области в районе совместной границы» (РИА Новости. URL: <http://ria.ru/spravka/20120606/664859152.html#ixzz3f4c2XxJV>).

Развитие российско-китайского приграничного сотрудничества побудило в 1998 году в посёлке Забайкальск построить крупнейший на востоке России международный автомобильный пункт пропуска, который дополнил международный железнодорожный переход в этом же посёлке. В 2005 году автомобильный переход стал функционировать в круглосуточном режиме.

Кардинальные изменения во взаимоотношениях между странами – «исторические перепады» в чередовании периодов враждебности и добрососедства во взаимоотношениях России и Китая – приводили к пульсирующему характеру реализации ЭГП Забайкальского края. Приграничное политико-географическое положение в одни периоды стимулировало реализацию приграничного ЭГП, а в другие полностью его блокировало.

3.3. Экономико-географическое и конфессионально-географическое положение

Экономико-географический и конфессионально-географический виды приграничного положения Забайкальского края играют ведущую роль в территориальной организации населения и хозяйства, при этом не принижая главных ролей физико-географического и политико-географического положений. Если физико-географическое положение реализуется в диалектическом единстве ортогональной и радиальной моделей, то экономико-географическое и конфессионально-географическое – в виде трансграничного давления и притяжения, сохраняя ортогональную и радиальную конфигурации связей и отношений.

Выделение уровней географического положения – это актуальная проблема структурализма. Рассмотрим особенности выделения уровней с сохранением радиального взгляда на их территориальные структуры.

Макроуровень (от греческого *makros* – длинный, большой) – это глобальный, то есть планетарный уровень.

Элементы радиальности территориальных структур прослеживаются не только на регио-

нальном – мезоуровне, но на континентальном – макроуровне. На континентальном макроуровне восточный стык границ России, Монголии и Китая предстаёт уже не как центр трансграничного трёхзвенного региона, а как центр континента.

Мезоуровень (от греческого *mesos* – средний, промежуточный) можно определить как положение во внутриконтинентальной части Евразийского материка, то есть имеет место выделение, как и в случае с макроуровнем, внешнего и внутреннего подуровней. Внешний подуровень включает пространство ультраконтинентальной части Евразии, лежащей за пределами России, внутренний – внутри неё.

Мезоуровень – это положение в приграничных субъектах России, Монголии и Китая, оно также может делиться на внутригосударственное и международное мезоЭГП.

Выделение мезоуровня географического положения может варьировать в границах в зависимости от вида ЭГП. Например, в исследовании агро-географического положения Забайкальского края на мезоуровне больше подходят границы региона Внутренней Азии, которые были выделены В. А. Обручевым (1951). С точки зрения географии аграрного землепользования эта территория рассмотрена Б. О. Гомбоевым (2006), который, базируя свои исследования на административно-территориальном подходе, включил в состав Внутренней Азии Забайкальский край, Республики Бурятию и Тыву – с российской стороны; Синьцзянь-Уйгурский автономный район и Автономный район Внутренней Монголии – с китайской; и Монголию.

Как отмечает Б. О. Гомбоев: «Природная среда различных частей обширной территории Внутренней Азии, экономика и культура народов, их населяющих, имеют много общего» [49, с.6].

Мезоположение как положение в регионе подразумевает вариативность выделения, зависящую от выбранного региона, а он в свою очередь, от целей исследования.

Микроуровень (от греч. *mikros* – малый) приграничного положения Забайкальского края также имеет двойственные (диалектические) черты. В нём имеют место внешние и внутренние соседи, а значит внешний и внутренний подуровни.

Двойственность уровней географического положения, то есть выделение в их пределах внешних и внутренних подуровней – это отличительная черта именно приграничного типа положения, которая не свойственна глубинным (внутренним) территориям.

Таким образом, исходя из изучения внутренних (пограничных) и внешних (трансграничных) соседей приграничного региона, можно определить и два вектора исследования географического положения на микроуровне или микроЭГП.

В представленной работе оценивается внешнее микроЭГП Забайкальского края в транс-

граничном трёхзвенном регионе восточного стыка границ России, Монголии и Китая. Внутренний (пограничный) вектор – это вопрос исследования явления рядоположенности в географии, а она в свою очередь, по мнению В. С. Преображенского (1986), является признаком географичности явления.

Приграничная рядоположенность в ортогональной и радиальной организации населения и хозяйства – это главный интерес автора в исследовании роли микроЭГП. Ортогональная рядоположенность рассматривается в данной работе относительно российско-китайской границы и представлена в виде чередующихся друг за другом рядов муниципальных районов. Радиальная рядоположенность представлена в виде чередующихся от восточного стыка границ России, Монголии и Китая дуговых рядов.

Географическое положение на микроуровне имеет индивидуальный характер, реализация этой индивидуальности может стать главным конкурентным преимуществом в борьбе с соседними приграничными регионами.

Распространение рыночных зон по средствам трансграничных механизмов экономико-географического давления и притяжения имеет радиальную (дуго-лучевую) географию, повторяя конфигурацию транспортно-расселенческих структур.

Конфессионально-географическое положение – это положение объекта в конфессиональных территориальных структурах, образуемых центрами духовной жизни (точечными темами), маршрутами паломничества (линейными темами) и ареалами компактного проживания представителей различных конфессий (площадными темами). Приграничное конфессионально-географическое положение – категория, отражающая положение относительно линейных тем в масштабах площадных. В представленной работе исследуется приграничное конфессионально-географическое положение у государственной границы, которая представляется не только как государственная, а ещё и как межцивилизационная, разделяющая ареалы сплошного распространения двух мировых религий: Христианства и Буддизма.

Забайкальский край имеет геополитически важное для России приграничное положение на стыке границ поликонфессиональной России с православным доминированием и преимущественно инославными Монголией и Китаем.

К. Хаусхофер считал, что исследования культурно-географического чувства границы, по его выражению: «Побуждают к особой тонкости... Здесь существуют в особенности религиозно-географические и церковно-организационные разграничения, которые обнаруживают тонкий инстинкт пограничных исследователей, чья многогранность может побудить к обобщению» [170, с.115].

Однако в настоящий момент наибольшую популярность приобретает концепция С. Хантингтона, которая представляет взаимодействие цивилизаций в упрощённой форме, рассматривая его как столкновение. Пользуясь терминологией С. Хантингтона (2007), можно сказать, что на территории Забайкальского края происходит столкновение православной цивилизации, с центром в европейской части России, и цинской цивилизации Китая с его буддизмом и конфуцианством.

В. Л. Цымбурский (2010), не разделявший взгляды С Хантингтона, разрабатывал концепцию лимитрофа – пространства, отделяющего ядра цивилизаций друг от друга. Лимитроф – это пограничное пространство России. Сопредельные с Забайкальским краем территории Манчжурии и Монголия относятся к лимитрофу.

В Российской империи православие рассматривалось как один из механизмов укрепления территориальной целостности страны. Государство стремилось к его наибольшему распространению среди своих подданных. Традиционные для нерусского населения страны религии, так же были узаконены, но их территориальное распространение не поощрялось, что находило отражение в создании православных буферных зон, которые территориально ограничивали инославие.

Интересы царского правительства побудили его более детально заняться религиозными делами бурят, населяющих Забайкалье. Буддизм во второй половине XVII века бытовал на территории Забайкалья первоначально только среди монгольских племён, перекочевавших из Монголии, затем стал постепенно распространяться среди бурятских племён. Стремясь к устойчивому приграничному режиму, правительство решило устранить всякие поводы к его нарушению, к числу таковых относились зарубежные связи бурятского духовенства. При подписании Буринского трактата 1728 года об установлении русско-китайской границы, были также приняты меры для упорядочивания административного положения ламаистского духовенства в Забайкалье. В инструкции пограничным дозорщикам С. Рагузинский распорядился: «Лам заграничных, чужих подданных в улусе к себе ясачным иногородцам не пропускать и довольствоваться теми ламами, которые после разграничения с Китаем остались на российской стороне» [149, с. 5].

Приграничное положение Забайкальского края обуславливает духовно-религиозную защиту границ России. Поэтому духовно-религиозные символы можно считать культурно-географическими образами конфессионального пространства, которые определяют границу влияния национальной религии, а значит государства. Таким символом на территории Забайкальского края выступает православный крест на границе России и Китая.

Крест просматривается с территории сопредельных государств. Он как бы замыкает собой пространство так называемой «нулевой точки», от которой ведут отсчёт своих владений Россия, Китай и Монголия [79, с. 16].

На современном этапе развития эти культурно-географические образы в виде религиозных символов формируют репрезентативность границы конфессионального пространства Забайкальского края. По Замятину эта репрезентативность связана с выявлением особых, специфических символов и знаков, историко-географически соответствующих определённым границам и пограничным пространствам [74, с. 116]. В данном случае таковыми будут выступать православные кресты и церкви. Интерпретация этих образов однозначна – определение и защита границ конфессионального пространства Забайкальского края и России.

В сакральной географии России инфраструктурное укрепление границ наполнялось конкретным духовным смыслом. В контексте представленной работы автор считает уместным показать некоторые региональные особенности этого наполнения, без углубления в сакральную тематику. Духовным покровителем Забайкалья РПЦ считает Святого благоверного Великого князя Александра Невского (1220–1263). В Чите в дореволюционный период на главной площади города (ныне площадь В. И. Ленина) стоял храм Александра Невского, который был разрушен в начале прошлого века. В настоящее время на Титовской сопке, возвышаясь над городом, стоит часовня этого святого, построенная уже в постсоветское время. Правый придел в кафедральном соборе иконы Казанской Божией Матери (г. Чита), которая считается покровительницей восточных рубежей России, посвящён святому благоверному князю Александру Невскому. В кафедральном соборе находятся мощи преподобного Варлаама Чикойского (1774–1846), основателя Чикойского монастыря на приграничных с Монголией территориях, который в 1977 году был прославлен РПЦ в лике Собора Сибирских святых. Паломничество и крестные ходы к месту проживания Варлаама Чикойского – это тоже форма удержания приграничной территории, духовное значение культовых мест всегда мотивировало защитников на их охрану. На приграничных территориях воздвигаются храмы в честь воинов, причисленных к лику святых. В приграничном Приаргунском районе в 2009 году было завершено строительство храма в честь преподобного Ильи Муромца. Ещё в одном приграничном районе – Кыринском, возведён храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского.

В селе Акша – административном центре приграничного с Монголией Акшинского района, построен Успенский храм. В его основание были заложены мощи святителя Димитрия Ростов-

ского (1651–1709), который при жизни боролся со старообрядческим расколом. С точки зрения сакральной географии этот район выбран не случайно. Последователи протопopa Аввакума, сосланные в Забайкалье, расселились на территориях современных Красночикойского, Калганского, Нерчинского, Улётовского, Хилокского, Читинского, Тунгокоченского районов [88, с. 98].

С точки зрения демографического укрепления границы раскол сыграл положительную роль, однако у нового населения этих территорий не было духовного единства с остальной территорией России, то есть признать этот факт духовным укреплением нельзя.

В 1996 году прошла первая служба в отреставрированной старообрядческой Свято-Никольской церкви с. Доно (Калганский район) [88, с. 98].

В 1998 году была восстановлена Иркутско-Амурская епархия Русской православной старообрядческой церкви [65, с. 532].

Конфессионально-географическое положение Акшинского района стратегическое, РПЦ важно укрепить не только приграничный район, но и своё присутствие в ареале Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), придать ему дискретный характер. Кроме того, район разделял ареал распространения буддизма в Российской Империи, поэтому для РПЦ духовное присутствие святителя Димитрия Ростовского имеет вполне сакрально-географическое значение.

С точки зрения взаимодействия РПЦ с РПСЦ историческая география монастырей тоже имеет своё объяснение. Территории современных Нерчинского и Красночикойского районов выглядят как арены противодействия двух церквей.

Церковь Успенья Божией Матери, расположенная в нескольких километрах от Нерчинска – самый старый храм России на территории от Байкала до Тихого океана, что подчёркивает её духовно-историческое значение. Это памятник истории, архитектуры и градостроительства. Церковь расположена в селе Калинино (ранее Монастырское) Нерчинского района. В 1664 году, по Сибирской Киприановской летописи, на месте Нелюдского (Нерчинского) острога был основан самый восточный в России Нерчинский Успенский мужской монастырь. Здесь отбывал ссылку идеолог старообрядческого раскола протопop Аввакум и другие видные общественные деятели. В 1706 году началось строительство главного храма, в 1712 году он был освящён в честь Успения Пресвятой Богородицы. Объёмно-пространственная композиция здания восходит к образцам культового зодчества Северо-Восточной Руси конца XVII века. Особенность декора – неповторяющиеся наличники. Здание церкви имеет значительные утраты и деформации. Церковь

не действует (Церковь Успенья Божьей Матери в селе Калинино. URL: <http://chudo.zabmedia.ru/?page=list&detail=103>).

О геополитическом значении строительства храма свидетельствует время его возведения (1706–1712 гг.), когда Российская империя почувствовала в Великой Северной войне (1700–1721 гг.), тем не менее Пётр I намеренно шёл на расходы, связанные с укреплением православия на востоке страны.

Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь, располагавшийся на территории современного Красночуйского района в 8 километрах от села Урлук, был призван усилить духовное укрепление населения приграничной в то время с Китаем территории и ослабить влияние Русской православной старообрядческой церкви, а также внести трансграничную дискретность в распространение буддизма.

Основан монастырь был в 1826 году как заштатная пустынь В. Ф. Надежиным (1-й настоятель, в монашество пострижен с именем Варлаам)... В 1930-х годах монастырь был уничтожен [60, с. 303].

Преодоление барьерности – это главная проблема культурной интеграции. Проблема не только в языковом, но и поведенческом различии населения по обе стороны границы. В данной контрастности приграничных геокультурных ситуаций стороны должны проявлять гибкость. В настоящее время китайская сторона проявляет большую гибкость, чем российская. Региональная приграничная культурная политика направлена на ликвидацию культурных географических границ [115, с. 234–235].

Для территориального укрепления российского государства была проведена определённая внутренняя политика расселения населения Сибири, которая затронула Забайкальский край. Рассматривая систему расселения по территории, можно выделить её буферную структуру как результат геополитической стратегии. Освоение и присоединение его к Российскому государству в XVII веке было связано с началом переселения русского населения из европейской части страны. Направлена расселенческая политика была на создание различного рода буферных зон – территорий, выполняющих функции пространственного разделения этносов и государств (см. рис. 14).

Территория современного Агинского Бурятского округа имеет, образно выражаясь, «внутриматрешечное» положение, которое было создано искусственно. Такое внутрорегиональное положение округа объясняется необходимостью создания в тот период буферных зон.

Районы Забайкальского края, расположенные между современными территориями Республики Бурятия и Агинского Бурятского округа, были заселены русским населением. Аналогич-

ная политика расселения русского населения была реализована между территорией округа – с одной стороны, и Монголией – с другой. Таким образом, в Российской империи «разбили» единый в культурно-историческом плане бурятско-монгольский регион, превратив его в разорванный ареал.

В сложившейся ситуации как русское население, так и бурятское оказалось в определённых резервациях: агинские буряты – оторваны от основного ареала сосредоточения бурятского населения; русские оказались к тому же ещё и окружёнными со всех сторон в культурном смысле другими народами. Как показывает вековая ко-эволюция двух народов, социокультурный диалог складывается успешно. Данная структура расселения показывает регулирование культурного, а значит религиозного, аспекта жизни населения.

Сегодня РПЦ возрождает своё пространство, но имперские принципы ушли в прошлое, главными становятся равноправие, равновесность и многоукладность традиционных конфессий.

Территория АБО имеет площадь 19610 км², на ней проживает – 76383 человека (на 2007 г.), по национальному составу: русских – 30 %, бурят – 60 %. Она включает 3 района. Для территории характерно преобладание неправославных конфессий – шаманизма – традиционной религии бурят и буддизма, проникшего из Монголии. Православное присутствие в этой зоне отмечается объектами РПЦ на территории районов, что говорит об активном межкультурном диалоге разных конфессий. На 2009 год зарегистрированы: 4 местные православные религиозные организации, 11 организаций буддизма, 2 объединения шаманов и 4 местные религиозные организации христиан веры евангелистской. Сегодня это зона наиболее интенсивного межконфессионального диалога в Забайкальском крае (Горина, Новиков, 2010).

Приграничное с Китаем религиозно-географическое положение имеет огромное влияние на территориальную организацию РПЦ в Забайкальском крае, особенности которой заключаются в укреплении религиозно-культурных границ России (Новиков, Горина, 2010).

В Забайкальском крае православная церковь олицетворяет принадлежность территории к православной цивилизации России и позиционирует себя как духовного защитника рубежей страны.

Забайкальский край как субъект Российской Федерации был образован 1 марта 2008 года в результате объединения Читинской области, заселённой большей частью русским населением, православным по вероисповеданию, и Агинского Бурятского автономного округа, сконцентрировавшего в своих границах часть бурятского этноса – последователей как буддизма-ламаизма, так и шаманизма.

Рис. 14. Конфессиональное зонирование Забайкальского края [52, с. 445].

В последние годы административно-территориальное деление РПЦ в Забайкальском крае испытывает активные преобразования. В 2009 году Читинская и Забайкальская епархия разделилась, из неё выделилась Улан-Удэнская и Бурятская епархия. В Забайкальском крае появилась Читинская и Краснокаменская епархия,

которая делилась на следующие благочиннические округа (благочиния): Читинский, Краснокаменский, Петровск-Забайкальский и Шилкинский [132].

В 2014 году Читинская и Краснокаменская епархия была преобразована в Забайкальскую митрополию. В митрополии было выделено две

епархии: Читинская и Нерчинская. В состав Нерчинской епархии включили следующие районы: Агинский, Александрово-Заводский, Балецкий, Борзинский, Газимуро-Заводский, Дульдургинский, Забайкальский, Калганский, Каларский, Карымский, Краснокаменский, Могойтуйский, Могочинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Оловянинский, Ононский, Приаргунский, Сре́тенский, Тунгиро-Олёкминский, Тунгокоченский, Чернышевский, Шелопугинский, Шилкинский.

В состав Читинской епархии вошли Акшинский, Красночико́йский, Кыринский, Петровск-Забайкальский, Улётовский, Хилокский, Читинский районы.

Новое административно-территориальное деление РПЦ в Забайкальском крае не учитывает географический фактор традиций межселенного сообщения. В таком виде оно больше отвечает ортогональной модели: Нерчинская епархия граничит с китайскими территориями, а Читинская – с монгольскими.

По мнению автора, в Читинскую епархию логично было бы включить три района Агинского округа и Ононский район. В этом случае были бы соблюдены традиции межселенного сообщения и полностью бы сработывала ортогональная модель.

К сожалению, проблема некорректного районирования в различных ведомствах, компаниях и других организациях имеет место в России, это системная проблема, корни которой уходят не только в сферу образования, но и экономики. Учёные-географы В. Л. *Мартынов*, И. Е. *Сазонова* (2014) пытаются привлечь внимание к этой проблеме, указывая не только фундаментальный, но и чисто практический её аспект.

Экономико-географическое и конфессионально-географическое виды приграничное положение Забайкальского края в полной мере демонстрирует реализацию пространственных связей и отношений в виде ортогональной и радиальной моделей.

ГЛАВА 4

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ВО ВЛИЯНИИ ПРИГРАНИЧНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВА

4.1. Реализация роли приграничного положения в ортогональной территориальной структуре

Приграничное положение сыграло главную роль в территориальной организации населения и хозяйства Забайкальского края, в частности как в степени насыщенности транспортно-расселенческими структурами, так и в плане их конфигураций в пространстве. Обе указанные характеристики получают рассмотрение в данном параграфе, исходя из представленных в первой части работы теоретических моделей. Насыщенность транспортно-расселенческими структурами оценивается через коэффициент транспортной обеспеченности Г. А. Гольца [48], отражающий плотность транспортно-расселенческих структур в Забайкальском крае (в разрезе муниципальных районов) относительно линии российско-китайской границы. Ортогональность выражается в рядоположенности зон, выделяемых параллельно государственной границе, чередование которых наблюдается в соответствии с перпендикулярным относительно её вектором, устремлённым вглубь региона.

Учитывая историческую особенность приоритетности российско-китайского участка, по сравнению с российско-монгольским, автор выбирает его в качестве начальной линии анализа организации приграничной рядоположенности.

Приоритетность обусловлена следующими фактами: в историческом плане этот участок старше, чем российско-монгольский; он имел периоды обострения отношений. Именно по этим причинам российско-китайский участок оказал большее влияние на территориальную организацию населения и хозяйства, чем российско-монгольский.

Из 31 муниципального района Забайкальского края 12 являются приграничными с сопредельными территориями Монголии и Китая (см. рис. 15). С китайскими сопредельными территориями граничит шесть муниципальных районов (от стыка границ трёх стран): Забайкальский (обозначенный на рисунке цифрой 1), Краснокаменский (2), Приаргунский (3), Калганский (4), Нерчинско-Заводский (5), Газимуро-Заводский (8) и Могочинский (22).

Приграничная рядоположенность (см. табл. 1) – это выделение относительно государственной границы муниципальных районов первого ряда, непосредственно имеющих участок государственной границы; второго ряда, граничащего с первым; третьего ряда, идущего за вторым, и т. д. Исходя из ортогональной и радиальной моделей, представленных в первой главе работы, сохраняя только принцип соседства муниципальных районов между собой, автор предлагает две анаморфозы, отражающие административно-территориальное деление Забайкальского края.

Таблица 1

Список рядоположенных групп муниципальных районов
Забайкальского края

	<i>Ряд I</i>		<i>Ряд II</i>		<i>Ряд III</i>
1	Забайкальский	6	Борзинский	9	Ононский
2	Краснокаменский	7	Александрово-Заводский	10	Оловянинский
3	Приаргунский	8	Газимуро-Заводский	11	Балейский
4	Калганский			12	Шелопугинский
5	Нерчинско-Заводский			13	Сретенский
14	Кыринский	24	Красночикойский	29	Петровск-Забайкальский
15	Акшинский	25	Улётовский	30	Хилокский
16	Дульдургинский	26	Карымский	31	Читинский
17	Агинский	27	Тунгокоченский		
18	Могойтуйский	28	Каларский		
19	Шилкинский				
20	Нерчинский				
21	Чернышевский				
22	Могочинский				
23	Тунгиро-Олёкминский				

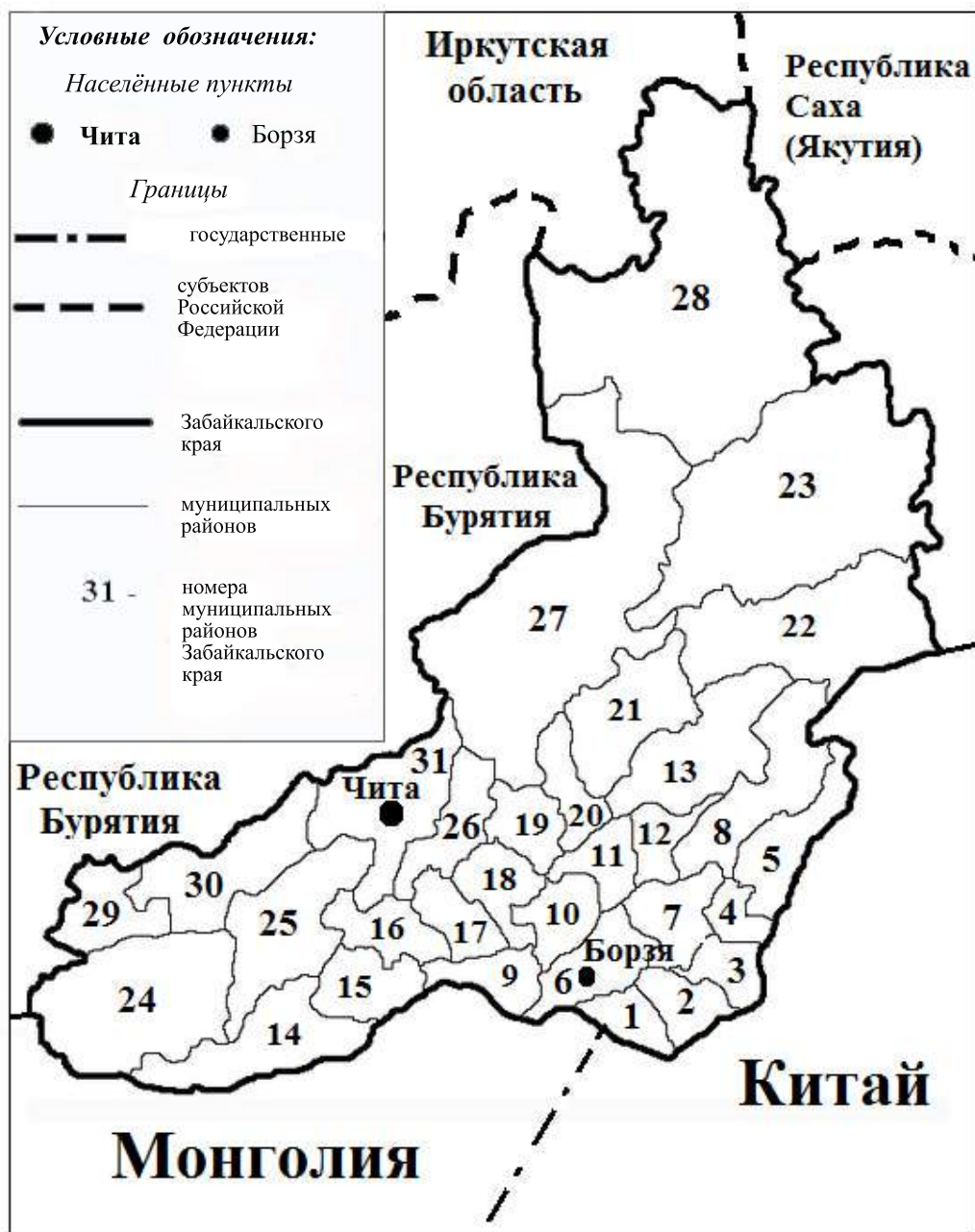

Рис. 15. Карта-схема административно-территориального деления Забайкальского края

Понятие «картографическая анаморфоза» в отечественную географию было введено С. М. Гусейн-Заде и В. С. Тикуновым (2008). Представленная анаморфоза (см. рис. 16) призвана подчеркнуть ортогональность организации административно-территориального деления, отражая орографическую обусловленность границ районов, проходящих по гребням горных хребтов. Рядоположенность относительно российско-китайского участка границы выражена лучше, чем рядоположенность относительно российско-монгольского.

На рис. 16 выделено 6 рядов (см. табл. 2). Рассчитанный автором в разрезе рядов коэф-

фициент Гольца демонстрирует уменьшение от ряда к ряду по мере удаления от российско-китайского участка государственной границы – от I до V ряда. Однако VI ряд демонстрирует повышение показателя до уровня III. Этот факт объясняется наличием в нём трёх районов, центрами которых являются города Чита, Хилок и Петровск-Забайкальский. Город Петровск-Забайкальский испытывает влияние столицы Бурятии – г. Улан-Удэ, а Петровск-Забайкальский район (29) – транспортно-расселенческих структур Республики Бурятия.

Транспортно-расселенческая освоенность Забайкальского края
в соответствии с ортогональной моделью

№	Номер ряда	Площадь, в км ²	Число населённых пунктов	Длина автомобильных путей общего пользования, в км	Коэффициент Гольца*
1	Ряд I	28100	86	1490	0,958
2	Ряд II	30500	78	1108	0,718
3	Ряд III	36600	156	1646	0,688
4	Ряд IV	136400	256	2804	0,474
5	Ряд V	160100	133	1580	0,342
6	Ряд VI	39800	112	1358	0,643
7	Забайкальский край	431500	821	9986	0,530

*Рассчитано автором по данным источника (Атлас автомобильных дорог..., 2001).

* среднее значение коэффициента Гольца в ряду муниципальных районов

Рис. 16. Ортогональная анаморфоза (дисторсия) административно-территориального деления Забайкальского края

Город Чита, исходя из представленного зонирования, не располагается на самых освоенных в транспортно-расселенческом плане территориях. Закономерности уменьшения уровня транспортно-расселенческой освоенности по мере удаления от Читы нет. В качестве объяснения можно назвать историческую причину переноса столицы из Нерчинска и внезапное, противоречащее историко-географическому процессу освоения, возвышение Читы. Безусловно, главным преимуществом Читы, в условиях обострения отношений с Китаем, была её удалённость от линии российско-китайской границы.

По сути, представленная картосхема (анаморфоза) отражает рядную территориальную дифференциацию плотности транспортно-расселенческих структур, что является одним из элементов территориальной организации населения и хозяйства. Вторым элементом территориальной организации населения и хозяйства являются связи, как реализуемые, так и потенциальные. Потенциальные связи, по определению И. М. Маергойза (1986), являются отношениями.

Отметим два фактора, влияющих на ортогональную территориальную организацию населения. Первый фактор: вектор территориальной дифференциации плотности транспортно-расселенческих структур, идущий от российско-китайской границы, – это историческое направление смены характера приграничного положения. Как было показано в главе 3, этот характер в историческом плане полярно менялся от военного противостояния до торгово-экономического сотрудничества. Подобная амплитуда неблагоприятно влияла на территориальную организацию населения и хозяйства как процесс, предъявляя требования к территориям по смене противоположных функций места. Второй фактор – это параллельное относительно российско-китайской границы чередование вглубь региона горных хребтов и котловин, что также было отмечено в главе 3 данной работы. Эти два фактора обусловили транспортно-расселенческую дискретность между выделенными рядами, превращая некоторые участки их границ в барьерные структуры. Между рядом I и рядом II имеется 7 участков границ, выделяемых от одного стыка трёх границ до другого, из которых только один барьерный (непроницаемый транспортными путями). Из 7 участков между II и III рядами 4 барьерных (см. рис. 17). Ряд II имеет 1 барьерный участок с рядом IV, это участок между Газимуро-Заводским (8) и Могочинским (22) районами, который фактически является продолжением линии границы между II и III рядами.

Из 10 участков между III и IV только 1 барьерный. Между рядом IV и V 14 участков границы, из которых 9 барьерные.

Количество участков между V и VI минимальное – 6, однако 2 из них являются барьер-

ными. Кроме того, ряд VI по границе Читинского (31) и Дульдургинского (16) районов смыкается с рядом IV. Этот участок относится к барьерному.

В приведённом анализе прослеживаются следующие территориальные закономерности: ряд I и ряд II в транспортно-географическом плане, так же как и ряд III и ряд IV, между собой более контактные, чем II и III ряды, так как имеют только по одному барьерному участку. Фактически отмеченные две пары, отделяющиеся друг от друга пятью барьерными участками, образуют две относительно обособленные транспортно-географические зоны. Если рассматривать географию барьерных участков от российско-китайской границы в разрезе рядов, то получается следующая последовательность: 1; 5; 1; 9; 2. Учитывая парность первых четырёх рядов, можно увидеть увеличение количества барьерных участков при удалении от российско-китайской границы.

Отметим, что участок между IV и VI рядами, где часть Читинского района (31) рассекает V ряд и смыкается с Дульдургинским районом, барьерный. Этот участок усиливает транспортно-географическую обособленность III и IV рядов. Аналогичную роль играет участок границы (могочинско-газимурозаводский) между II и IV рядами, который усиливает обособленность группы I и II рядов.

Если I, II и III ряды асимметричны от участка «Борзя – Забайкальск» – все транспортные пути сориентированы на северо-восток (на юго-западе располагается стык границ России, Монголии и Китая), то и IV ряд симметричен. Главная транспортная ось «Чита – Забайкальск» проходит практически по центру этой территории.

Ряд V, хотя и дискретен, имеет симметрию по линии «юго-запад – северо-восток», а вот VI ряд асимметричен относительно линии «Чита – Забайкальск» и в отличие от других рядов, смещённых на северо-восток, смещён от главной линии на юго-запад.

Ортогональная территориальная организация населения и хозяйства имеет свои особенности, выражающиеся в чередовании повышения и понижения количества барьерных участков между рядами, а также в асимметричности всех рядов, кроме IV и V, относительно оси «Чита – Забайкальск». Причём первые четыре имеют смещение на северо-восток, а последний ряд – VI – на юго-запад.

Выделенные параллельно российско-китайской границе ряды – это результат географического обобщения, однако внутри рядов показатель коэффициента Гольца отклоняется от среднего показателя по ряду. Рассмотрим географию отклонений с объяснением причин через анализ территориальной организации населения и хозяйства.

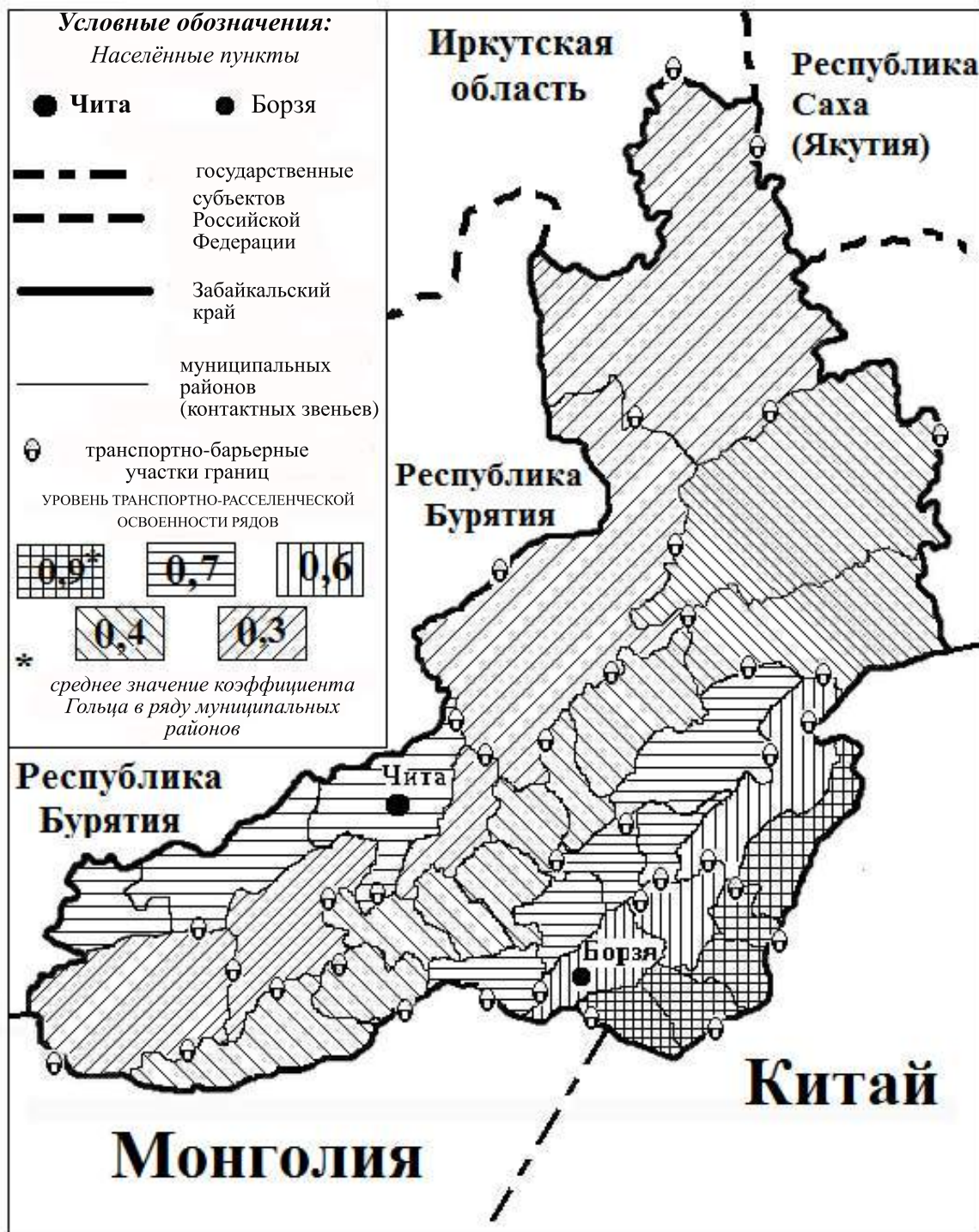

Рис. 17. Параллельное зонирование Забайкальского края, как проявление ортогональной модели

Причин ликвидации населённых пунктов было множество: население многих населённых пунктов, расположенных у Аргуни, для выращивания пшеницы арендовало земли на китайской стороне, которых после 1923 года из-за ухудшения отношений между странами лишилось; пчеловодство пришло в упадок, так как сократились медоносные площади посевов российских крестьян на китайской стороне; контрабанда и кри-

минализация населения; заболевание Кашина – Бека (Уровская болезнь); населённые пункты страдали от разрушительных наводнений. В результате кампании по укрупнению сёл и ликвидации неперспективных населённых пунктов система расселения стала асимметричной. Население ликвидированных сёл было распределено по соседним сёлам. Часть этого населения уже в середине прошлого века принимала участие в

освоении целинных земель в Приаргунье (Новиков, 2003). Процесс переселения усилил демографические позиции Приаргунского (3) и Калганского (4) районов, нарушая закономерность по уменьшению уровня освоенности, согласно историко-географическому вектору. Возникшая

асимметрия усилила позиции радиальной модели, так как более удалённый в ряду от восточного стыка России, Монголии и Китая район – Нерчинско-Заводский (5), получил минимальный показатель транспортно-расселенческой освоенности.

Таблица 3

Уровень транспортно-расселенческой освоенности ряда I

<i>Название района</i>	<i>Площадь района, км²</i>	<i>Число населённых пунктов</i>	<i>Протяжённость путей автосообщения, км</i>	<i>Коэффициент Гольца</i>
Нерчинско-Заводский	9700	24	324	0,671
Калганский	2900	13	310	1,596
Приаргунский	5100	22	358	1,068
Краснокаменский	5300	16	254	0,872
Забайкальский	5100	11	244	1,030
Всего по I ряду	28100	86	1490	0,958

Ряд II, в отличие от ряда I, имеет чёткую территориальную дифференциацию в соответствии с историко-географическим вектором – с юго-запада на северо-восток (см. табл. 4). Отметим общее для двух рядов разделение по линии исторического вектора в особенностях территориальной организации населения и хозяйства: крайние северо-восточные районы (муниципаль-

ные образования) по площади больше крайних юго-западных; если формы первых более компактные, то вторых – вытянутые по линии вектора. Кроме того, в группе компактных районов транспортно-расселенческие структуры ортогональные, а в Нерчинско-Заводском (5) и Газимуро-Заводском (8) древовидные, то есть находящиеся на более низкой ступени развития.

Таблица 4

Уровень транспортно-расселенческой освоенности ряда II

<i>Название района</i>	<i>Площадь района, км²</i>	<i>Число населённых пунктов</i>	<i>Протяжённость путей автосообщения, км</i>	<i>Коэффициент Гольца</i>
Газимуро-Заводский	14400	28	277	0,436
Александрово-Заводский	7100	27	323	0,737
Борзинский	9000	23	508	1,116
Всего по II ряду	30500	78	1108	0,718

Ряд III менее асимметричен, чем ряды I и II, у которых железнодорожная магистраль «Чита – Забайкальск» прошла по самым юго-западным (приграничным) районам – Борзинскому (6) и Забайкальскому (1). В III ряду она прошла по Оловянинскому (10), который граничит с Ононским (9) районом, расположенным на российско-монгольской границе. Ононский район не развивает транспортную трансграничную контактность с приграничными территориями Монголии. Этому факту есть объяснения: во-первых, на территории района имеется Даурский биосферный заповедник, который развивает природоохранные виды трансграничного взаимодействия с приграничным монгольским заповедником Монгол Даур; во-вторых, соседний Борзинский район имеет трансграничный железнодорожный переход Соловьёвск – Эренцев и, соответствен-

но, приоритет в транспортной трансграничной контактности с монгольскими приграничными территориями. Нельзя не отметить впечатление намеренного придания Борзинскому району выхода к границе с Монголией, которое остаётся при взгляде на карту административно-территориального деления Забайкальского края. Дело в том, что участок границы небольшой, а территория района, идущая вдоль железной дороги до границы, напоминает коридор – зауженную форму района между соседними районами (Ононским и Краснокаменским).

В плане транспортно-расселенческой освоенности, выраженной через коэффициент Гольца, III ряд имеет сходство с I и II рядами (см. табл. 5), так как историко-географический вектор освоения в нём тоже сориентирован с юго-запада на северо-восток.

Уровень транспортно-расселенческой освоенности ряда III

<i>Название района</i>	<i>Площадь района, км²</i>	<i>Число населённых пунктов</i>	<i>Протяжённость путей авто сообщения, км</i>	<i>Коэффициент Гольца</i>
Сретенский	15600	41	462	0,577
Шелопугинский	3900	25	250	0,800
Балейский	5000	34	250	0,606
Оловянинский	6300	35	367	0,781
Ононский	5800	21	317	0,908
Всего по III ряду	36600	156	1646	0,688

Самый северо-восточный район – Сретенский (13) является самым большим по площади и имеет самый низкий показатель коэффициента Гольца. Кроме того, Сретенский район (13), так же как и Газимуро-Заводский (8) и Нерчинско-Заводский (5), вытянут с юго-запада на северо-восток. Эти факты свидетельствуют о проявлении радиальной модели в первых трёх рядах выделяемых от российско-китайской границы. Однако поляризация по направлению вектора историко-географического освоения проявляется не везде в границах III ряда, а только в границах Сретенского района (13). На юго-западе района расположен город Сретенск, до которого из V ряда – от города Нерчинска проложена тупиковая железная дорога. Юго-западная часть Сретенского района (13) имеет ортогональную конфигурацию террито-

риальной организации населения и хозяйства, а вот северо-восточная – древовидную. Основу древовидной системы составляет река Шилка в зимнее время служащая автозимником, а в летнее водной транспортной артерией для населённых пунктов, расположенных на её берегах.

IV ряд самый большой по количеству входящих в него районов, имеющий самые большие внутренние территориальные различия в уровне освоенности (см. табл. 6): значение коэффициента Гольца в Могойтуйском (18) районе в 9,6 раза выше, чем в Тунгиро-Олёкминском (23). Для сравнения приведём величину разности коэффициента Гольца между самыми наиболее освоенными и самыми наименее освоенными районами по другим рядам: у I ряда – 2,3 раза, у II ряда 2,5 раза, у III ряда – 1,5 раза, у V ряда – 8,3 раза и у IV ряда 1,3 раза.

Таблица 6

Уровень транспортно-расселенческой освоенности IV ряда

<i>Название района</i>	<i>Площадь района, км²</i>	<i>Число населённых пунктов</i>	<i>Протяжённость путей авто сообщения, км</i>	<i>Коэффициент Гольца</i>
Тунгиро-Олёкминский	42900	5	48	0,103
Могочинский	25500	36	154	0,160
Чернышевский	13200	37	306	0,437
Нерчинский	5500	35	299	0,681
Шилкинский	6100	42	435	0,859
Могойтуйский	6300	30	319	0,733
Агинский	6100	24	325	0,849
Дульдургинский	7200	11	281	0,998
Акшинский	7400	15	302	0,906
Кыринский	16200	21	335	0,574
Всего по IV ряду	136400	256	2804	0,474

Пять районов из десяти, входящих в состав ряда, имеют железнодорожное сообщение. Это районы северо-восточной части (кроме, Тунгиро-Олёкминского): Могойтуйский, Шилкинский, Нерчинский, Чернышевский и Могочинский.

Районы IV ряда между собой связаны автомобильными дорогами.

V ряд имеет самый низкий показатель коэффициента Гольца, однако показатель средней площади районов самый большой среди всех ря-

дов – 32020 км². Для сравнения: у I ряда – 5620, у II ряда 10166, у III ряда – 7320, у IV ряда – 13640 и у V ряда 13266. В качестве особенностей транспортно-расселенческих структур районов V ряда отметим их внутреннюю асимметричность: наличие ярко выраженных освоенных и неосвоенных частей.

Каларский район имеет не только самый низкий по ряду, но и самый низкий по Забайкальскому краю коэффициент Гольца (см. табл. 7). Через

центральную часть Каларского района проходит БАМ и делит его на три части: первая часть – зона хозяйственного развития БАМа (Чарская котловина); вторая часть – территория, расположенная к северу от зоны БАМа; третья часть – территория, расположенная к югу от зоны. Чарская котловина расположена между хребтами Кодар (с северо-запада) и Удокан (с юго-востока), её ориентация с юго-запада на северо-восток – это проявление ортогональной модели.

Таблица 7

Уровень транспортно-расселенческой освоенности V ряда

<i>Название района</i>	<i>Площадь района, км²</i>	<i>Число населённых пунктов</i>	<i>Протяжённость путей автосообщения, км</i>	<i>Коэффициент Гольца</i>
Каларский	56800	13	85	0,098
Тунгокоческий	50900	19	231	0,234
Карымский	7800	28	384	0,821
Улётовский	16000	25	314	0,496
Красночикойский	28600	48	566	0,483
Всего в V ряду	160100	133	1580	0,342

А. А. Томских [160, с. 75], анализируя роль БАМа, в изменение ЭГП Чарской котловины отмечает: «По ходу её следования только в Чарской впадине возникли крупные станции: Леприндо, Новая Чара, Икабья. Они стали опорными базами для индустриализации региона. К 1989 году в котловине было два сельских населённых пункта с численностью жителей до 200 чел. – Кюсть-Кемда и Чапо-Олого; три пристанционных поселения от 1200 до 9000 чел. – Леприндо, Икабья, Новая Чара; два посёлка геологов до 500 чел. – Удокан и Апсат; центр Каларского района Читинской области – с. Чара – до 3500 жителей. Всего к 1989 году в котловине проживало около 16000 чел., в 2002 осталось 8000».

В Тунгокоченском районе система расселения сконцентрировалась в южной части района; в Карымском районе – в юго-западной и центральной частях, оставив неосвоенной северо-восточную; в Улётовском районе осталась неосвоенной в транспортно-расселенческом плане юго-западная часть; в Красночикойском – центральная.

VI ряд нарушает закономерность понижения коэффициента Гольца от российско-китайской границы. Все районы этого ряда обладают участком Транссибирской магистрали, которая и определяет его позиции в уровне транспортно-расселенческой освоенности. Сильного колебания в значении освоенности (см. табл. 8) между районами не наблюдается.

Таблица 8

Уровень транспортно-расселенческой освоенности VI ряда

<i>Название района</i>	<i>Площадь района, км²</i>	<i>Число населённых пунктов</i>	<i>Протяжённость путей автосообщения, км</i>	<i>Коэффициент Гольца</i>
Читинский	16100	57	650	0,678
Петровск-Забайкальский	8700	26	354	0,744
Хилокский	15000	29	354	0,536
Всего в VI ряду	39800	112	1358	0,643

В рамках данного параграфа автор считает уместным подробно рассмотреть вопрос трансформации ортогональной модели в радиальную

модель, где ряды, выделенные на основе коэффициента Г. А. Гольца, преобразуются в дуги и лучи, порождая два радиальных сектора: запад-

ный – с дуговой относительно восточного стыка границ трансформацией рядов; восточный – с лучевой трансформацией.

Анаморфоза (см. рис. 18) имеет цель усиление восприятия территориальной организации населения и хозяйства по группам муниципальных районов в разрезе радиально-лучевых и радиально-дуговых форм, тем самым отражая радиальную модель, представленную в первой части работы.

На рис. 18 автор намеренно сохраняет нумерацию районов и порядок рядов, предложенные в анаморфозе 16, считая необходимым продемонстрировать переход ортогональных структур в радиальные, тем самым выразив диалектическую взаимосвязь двух представленных в первой части работы моделей.

При сохранении такой преемственности не трудно заметить некоторые трансформации рядов. Ряды I и II с нумерацией районов 1–5 и 6–8

соответственно сохраняют параллельную границу с Китаем рядоположенность, однако они приобретают радиально-лучевую организацию.

Ряды III–VI демонстрируют трансформацию рядов при переходе через линию железной дороги участка «Чита – Борзя», они превращаются из радиально-дуговых в радиально-лучевые. Ононский и Оловянинский районы III ряда демонстрируют радиальную дуговидность, а вот восточнее линии «Чита – Борзя» группа районов: Шилкинский, Нерчинский и Чернышевский – имеет радиально-лучевую ориентацию.

Ряд IV испытывает двойную трансформацию и имеет три участка: участок приграничных с Монголией Кыринского и Акшинского районов демонстрирует радиальную лучевидность; однако второй участок, в состав которого входят Дульдургинский, Агинский, Могойтуйский и Шилкинский районы, демонстрирует радиальную дуговидность. Третий участок IV ряда: Нерчинский (20), Чернышевский (21) и Тунгино-Олёкминский (23) – демонстрирует радиальную лучевидность.

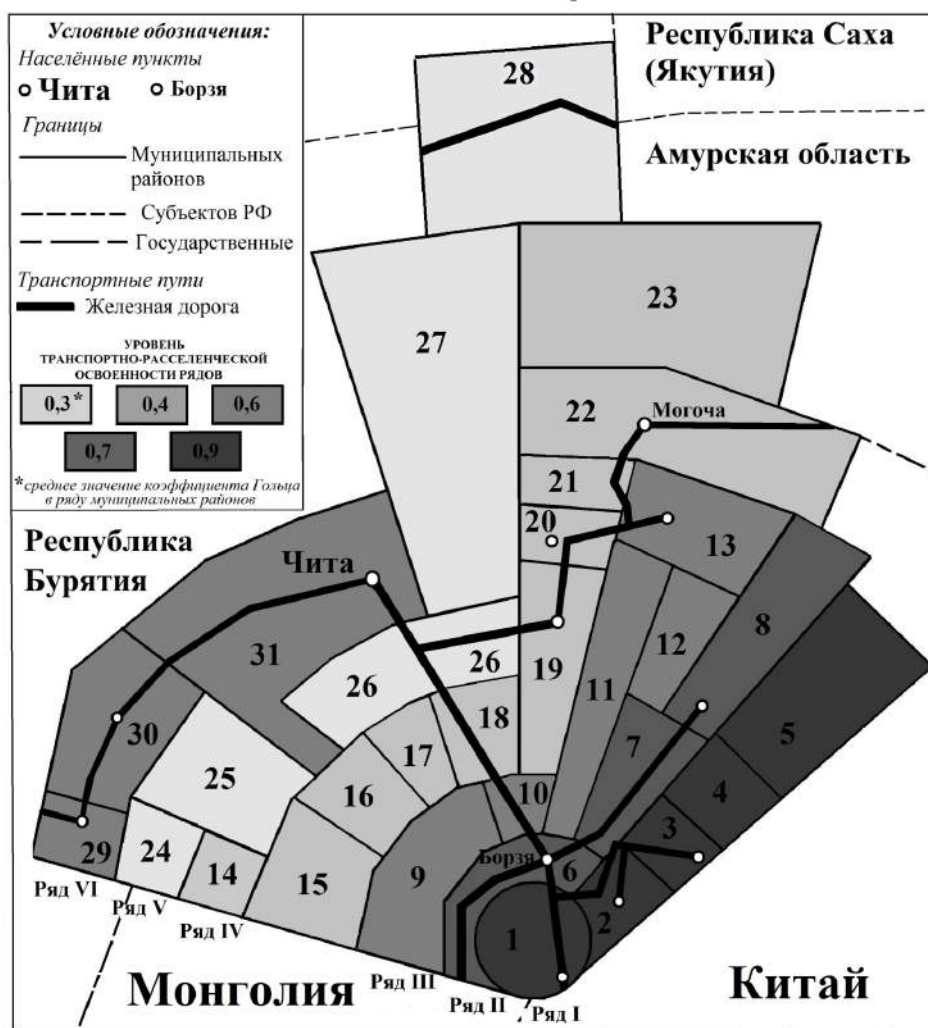

Рис. 18. Радиальная (дуго-лучевая) анаморфоза (дисторсия) административно-территориального деления Забайкальского края

Радиально-дуговую группу V ряда составляют Красночикоийский (24), Улётовский (25) и Кыринский (14) районы. Тунгокочинский (27) и Каларский (28) районы относятся к радиально-лучевой группе.

Ряд VI – последний, он имеет усечённый вид и представлен только радиально-дуговой группой Петровск-Забайкальского (29), Хилокского (30) и Читинского (31) районов.

Как можно заметить, отнесение районов к радиально-дуговым или радиально-лучевым группам имеет условный характер. Например, в трансформации ориентации параллельных границ рядов имеются «переломные» районы: Балеийский (11), Шилкинский (19), Карымский (26). При группировке автор отнёс их к радиально-дуговым группам, хотя их можно было бы отнести и к радиально-лучевым. Однако автор ставил задачей показать трансформацию конфигурации рядов, выделенных относительно российско-китайской границы. На самом деле возможен иной взгляд на луче-дуговые структуры: через каждый район возможно провести как лучевые, так и дуговые структуры. В этом диалектическая особенность приграничного положения каждого района: с одной стороны он входит в дуги, а с другой – в лучи.

Наряду с дугами и лучами в качестве третьего измерения приграничного положения отметим секторальность. Трансформация рядов с дуговой на лучевую ориентацию по линии железной дороги участка «Чита – Борзя» свидетельствует о наличии восточного и западного секторов. Каждый из секторов имеет транспортно-расселенческую ориентацию на конкретный участок границы: западный сектор на российско-монгольский участок, а восточный – на российско-китайский.

4.2. Реализация роли приграничного положения в радиальной территориальной структуре

В пределах Забайкальского края, как звена (сектора) трансграничной трёхзвенной территории, отметим радиальную – веерообразную территориальную дифференциацию следующих характеристик муниципальных районов Забайкальского края от города Борзя, рассчитанных как корреляция между удалённостью их административных центров от Борзи и показателем: абсолютной высоты местности (0,88); уровня транспортно-расселенческой освоенности (по автомобильным дорогам), выраженной через коэффициент Г. А. Гольца (– 0,64); величины (площади) муниципальных районов (0,72). В качестве отправной точки выбран не стык границ трёх стран, а транспортный узел – город Борзя как центр локальной приграничной территории, имеющий железнодорожный и автомобильный виды сообщения с приграничными районами Монголии и Китая.

Радиально-секторальная география площадей муниципальных районов (см. рис. 19) – это следствие транспортно-расселенческой освоенности, то есть она имеет вторичный характер. Как показывает опыт, чем более освоена территория, то есть чем выше плотность транспортно-расселенческих структур, тем меньше площадь административно-территориальных единиц.

По мере удаления от стыка границ России, Монголии и Китая конфигурация муниципальных районов изменяется, они становятся менее компактными, вытягиваясь в дуговом и лучевом от стыка границ направлениях.

Наиболее компактные районы – соседствующие с Борзинским (см. рис. 15): Ононский (9), Оловянинский (10), Балеийский (11), Александрово-Заводский (7), Краснокаменский (2), Забайкальский (1). К группе компактных районов можно отнести два приграничных, которые выступают по отношению к Борзинскому (6) как соседи второго порядка – Приаргунский (3) и Калганский (4).

Наиболее явно в радиальном направлении от стыка границ вытянуты формы районов: Кыринского (14), Дульдургинского (16), Агинского (17), Могойтуйского (18), Шилкинского (19), Нерчинского (20), Шелопугинского (12), Чернышевского (21), Тунгокоченского (27), Каларского (28), Сретенского (13), Газимуро-Заводского (8), Нерчинско-Заводского (5). Отметим на картосхеме районы, имеющие близкую к дуговидной относительно стыка границ России, Монголии и Китая конфигурации: Улётовский, Хилокский, Карымский, Тунгиро-Олёкминский, Тунгокоченский. Читинский район имеет своеобразную форму, которую нельзя оценить однозначно, она больше напоминает треугольник, основание которого, обращённое к стыку границ, соответствует дуговидности, однако вытянутость формы с юго-востока на северо-запад отвечает лучевому направлению.

Не отмеченный в представленной типизации Петровск-Забайкальский район (29) отличается компактностью формы, однако её происхождение иное, не приграничное. Данный район испытывает сильное влияние города Улан-Удэ – столицы соседней республики Бурятии, а там иная география конфигурации муниципальных районов [124].

Радиальная модель реализуется не только в трансформированной двухсекторной ортогональной модели, где на два внутрирегиональных сектора Забайкальский край разделяет железнодорожная ветка «Чита – Забайкальск», но и односекторной (радиально-концентрической), где в восприятии территориальных структур приоритет отдаётся дуговой конфигурации, а лучевая организация не получает своё выражение в виде расчёта коэффициента Г. А. Гольца (см. табл. 9)

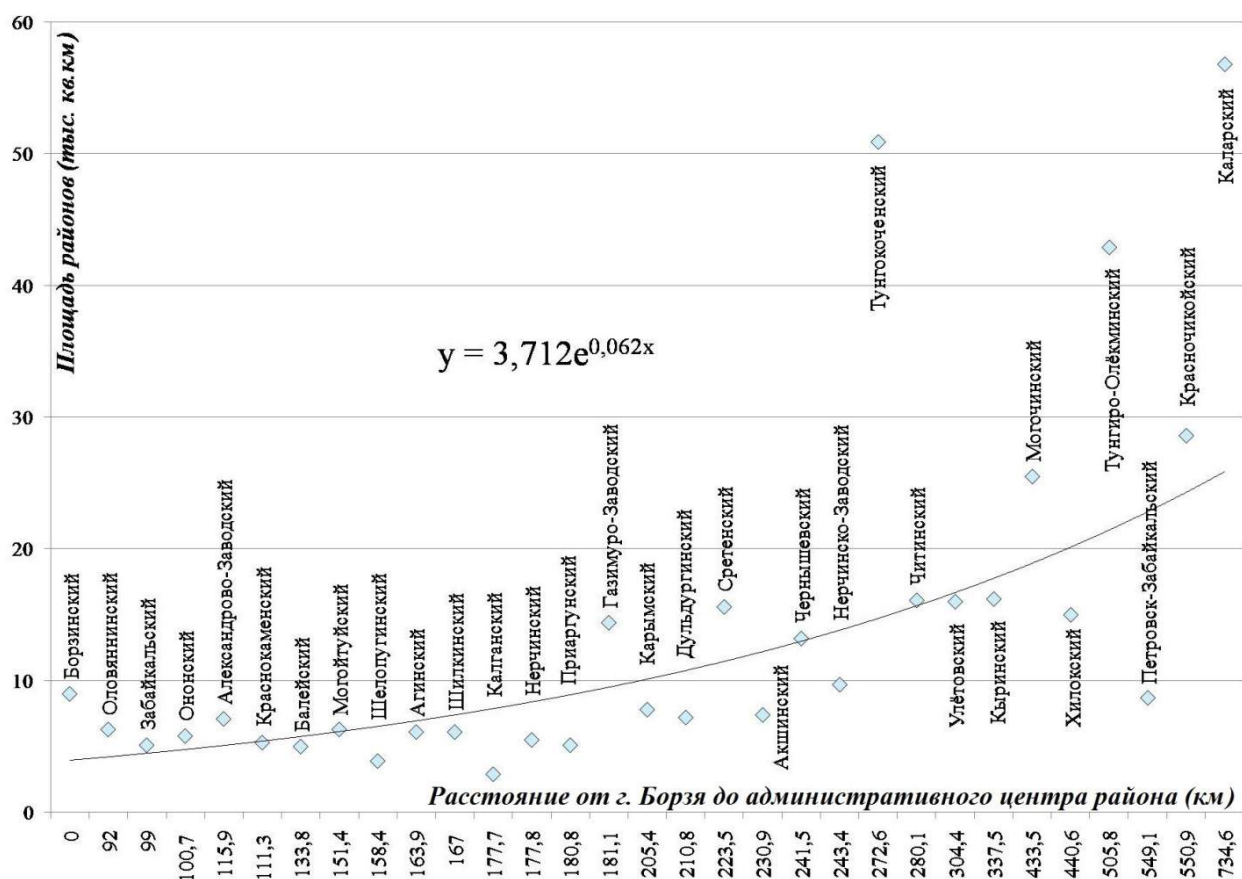

Рис. 19. Зависимость между расстоянием административного центра района (в км) от г. Борзы и величиной его площади (в км²).

Таблица 9

Транспортно-расселенческая освоенность радиально-концентрических зон

№	Название зоны	Площадь, в км ²	Число населённых пунктов	Длина автомобильных путей общего пользования, в км	Коэффициент Гольца*
1	Забайкальский край	431500	821	9986	0,530554
2	Центральная приграничная зона	14100	34	752	1,086109
3	Периферийная приграничная зона первого порядка	59900	289	3508	0,843
4	Периферийная приграничная зона второго порядка	180000	341	4165	0,531
5	Периферийная приграничная зона третьего порядка	177500	157	1561	0,295

*Рассчитано автором по данным источника (Атлас автомобильных дорог., 2001).

Приграничное радиально-концентрическое зонирование – это выделение нового межрайонного уровня приграничных контактных звеньев (см. рис. 20, 21). По своей сути это внутрирегиональный уровень или мезоуровень второго порядка. Критериями объединения муниципальных районов в приграничные дуговые концентрические зоны выступают: общность характеристик компонентов геосфер; удалённость от восточного стыка границ России, Монголии и Китая; ве-

личина площади; компактность и конфигурация относительно стыка границ; характер транспортно-расселенческой освоенности.

Центральная приграничная зона примыкает к стыку границ России, Монголии и Китая. В состав приграничной части этой зоны входят два района, каждый из которых имеет трансграничный железнодорожно-автомобильный переход: Борзинский (Соловьёвск – Эрэнцав), имеющий трансграничный переход в Монголию; Забай-

кальский (Забайкальск – Маньчжурия), имеющий переход в Китай. Площадь районов, входящих в эту зону с российской стороны, 14,1 тыс. км², а средняя площадь – 7,050 тыс. Средняя абсолютная высота местности составляет 1049 м.

Большая часть территории покрыта степными ландшафтами, хотя на границе Борзинского (6) с Александрово-Заводским (7) районом имеется участок с лесостепными ландшафтами [8].

Проницаемость границ рассматриваемой зоны в основном моноконтактная. Однако имеются участки иной проницаемости: биконтактной – между Борзинским и Оловянинским районами и фронтальной – между Забайкальским и Приаргунским районами. Фронтальная проницаемость организована двумя автомобильными дорогами и одной железнодорожной веткой.

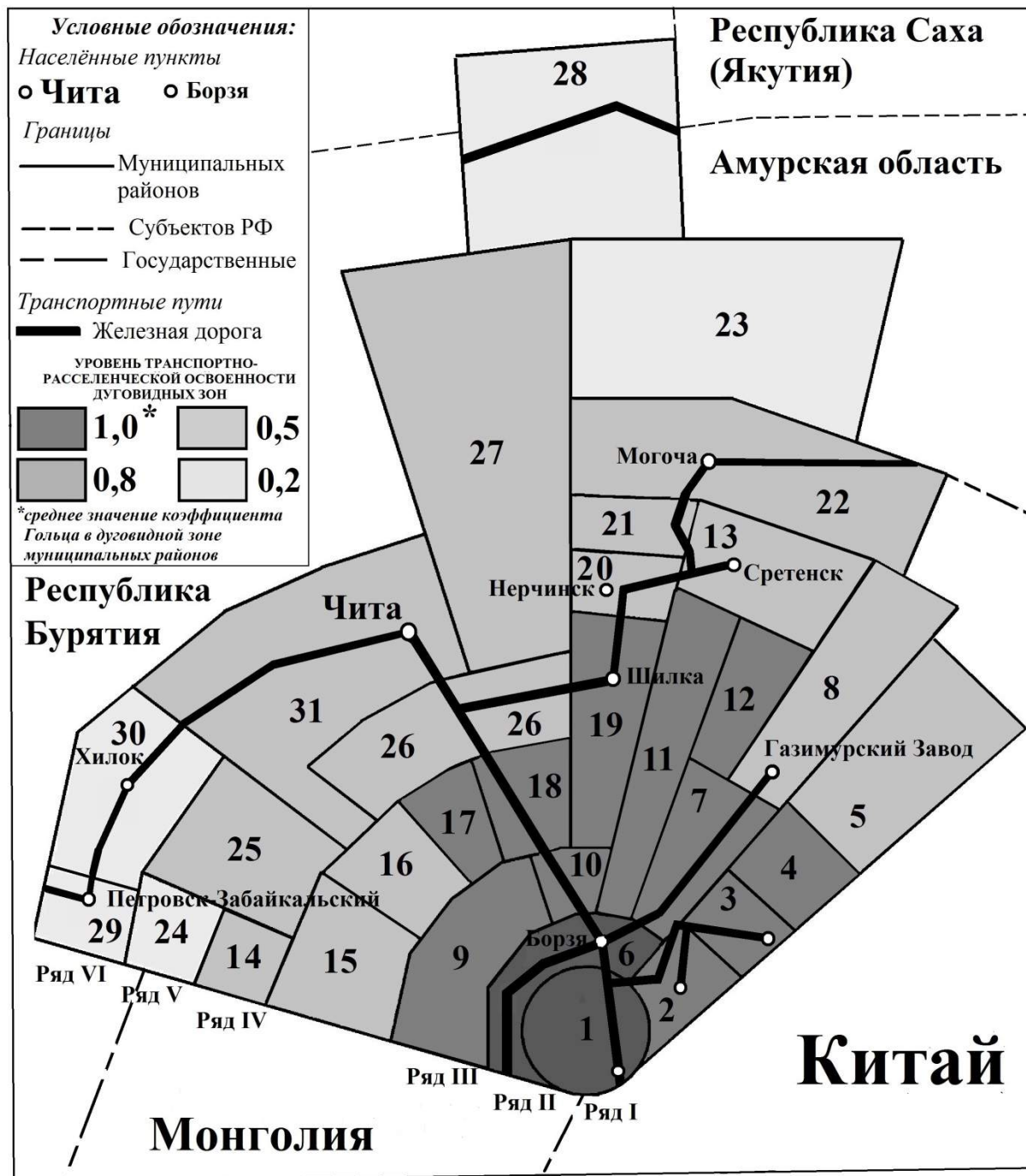

Рис. 20. Радиальная (дуговая) анаморфоза (дисторсия) административно-территориального деления Забайкальского края

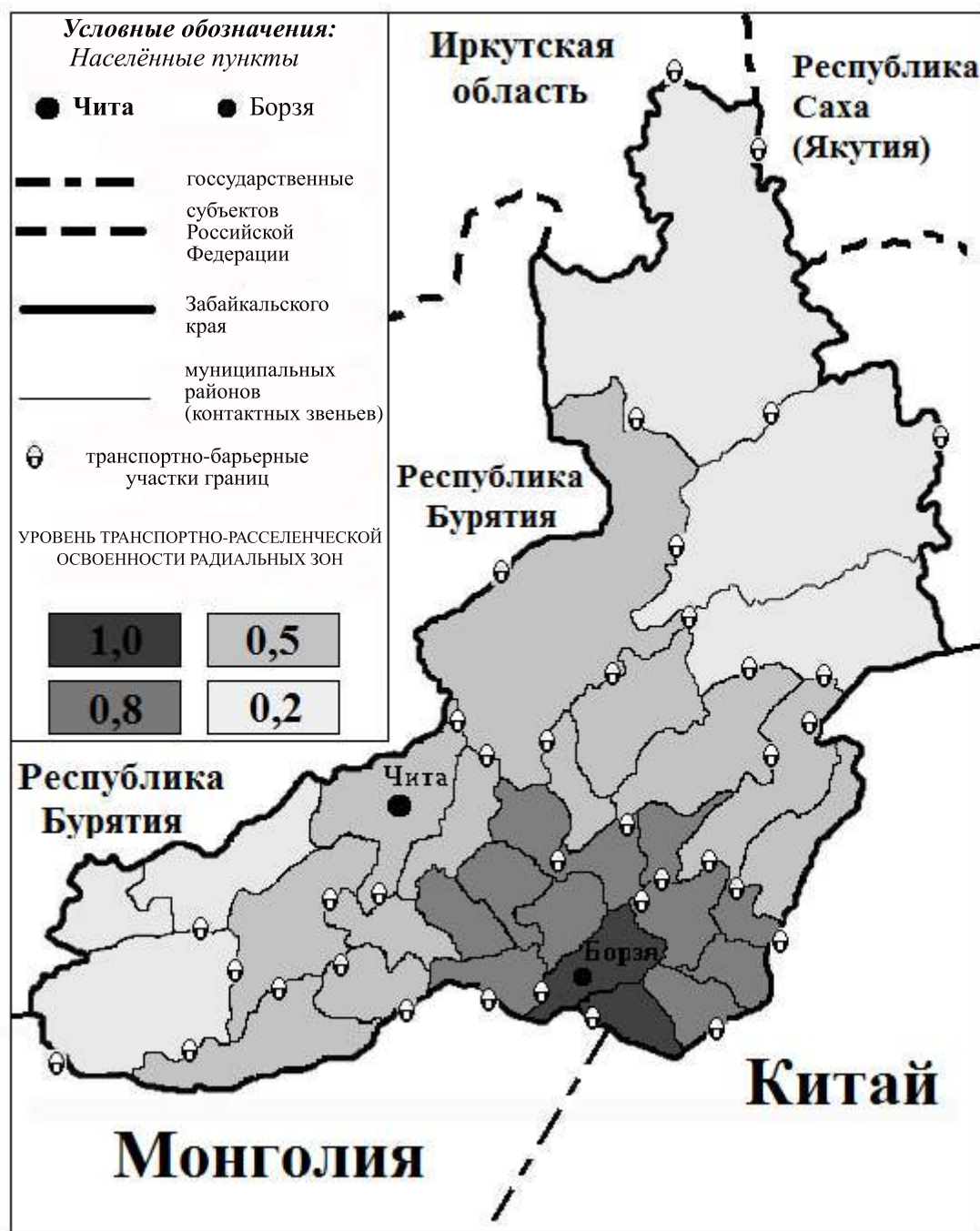

Рис. 21. Приграничное радиально-концентрическое зонирование Забайкальского края

Отметим два непроницаемых (барьерных) в транспортном плане участка центральной зоны: один между Борзинским и Ононским районами, а другой по государственной границе – между Забайкальским районом и приграничными территориями Монголии.

Отличительными особенностями этой зоны от остальных, выделяемых автором, на территории Забайкальского края являются: наличие всех трёх типов проницаемости границы: моноконтактного, биконтактного и поликонтактного (фронтального).

Периферийная приграничная зона первого порядка трансграничной трёхзвенной территории. В состав этой зоны входят: Ононский (9), Оловянинский (10), Агинский (17), Могойтуйский (18), Шилкинский (19), Балейский (11), Шелопугинский (12), Александрово-Заводский (7), Краснокаменский (2), Приаргунский (3) и Калганский (4) районы. Общая площадь районов, входящих в эту приграничную зону, 113,8 тыс. км², а средняя площадь составляет 5,445 тыс. Средняя абсолютная высота местности – 1199 м [123].

Степные ландшафты в выделенной зоне преобладают над лесостепными: на западе зоны в Агинском (17) и Могойтуйском (18) районах; на юго-западе в Ононском (9). Юго-восточные районы: Краснокаменский (2) и Приаргунский (3) – являются полностью степными. В Александрово-Заводском (7), Калганском (4) и Оловянинском (10) районах степные ландшафты занимают почти половину южных частей районов. Своей широтной азональностью выделяется Шилкинский район (19), у которого степные ландшафты представлены двумя участками: южным – располагающимся преимущественно на левобережье р. Онон, и северным – на левобережье р. Шилки. Лесостепные ландшафты над лесными преобладают в Балейском (11) и Шелопугинском (12) районах. В целом в этой зоне степные ландшафты преобладают над лесостепными, а также имеют место и лесные ландшафты. Например, на востоке Шилкинского района (правобережье р. Шилка); в Шелопугинском районе лесная зона вытянута полосой с юго-запада на северо-восток и включает трёхгранье его с Балейским и Александрово-Заводским районом [8].

Конфигурация муниципальных районов в рассматриваемой приграничной зоне радиально-лучевая, восемь из одиннадцати муниципальных районов имеют вытянутую от центральной приграничной зоны форму: Ононский (9) – по линии «восток – запад»; Агинский (17) – по линии «юго-восток – северо-запад»; Шилкинский (19) – по линии «юго-восток – северо-запад»; Шелопугинский (12) – по линии «юго-запад – северо-восток»; Александрово-Заводский (7) – по линии «юго-запад – северо-восток»; Приаргунский (3) – по линии «северо-запад – юго-восток»; Краснокаменский (2) – по линии «северо-запад – юго-восток».

Транспортно-географическое положение большинства районов этой группы как контактных звеньев можно определить как радиально-трамплинное по отмеченным линиям вытянутости конфигураций. Дело в том, что многие контактные звенья следующего пояса являются тупиковыми с асимметричной территориальной структурой.

Характер проницаемости границ в следующую концентрическую зону моноконтактного и биконтактного типа. В Приаргунском районе на границе с Китаем имеется трансграничный автомобильный переход Староцурухайтуй – Хэйшаньтоу. На границе с Монголией в пределах данной зоны трансграничных автомобильных переходов нет.

Периферийная приграничная зона второго порядка. В состав этой зоны входят: Акшинский (15), Кыринский (14), Дульдургинский (16), Улётовский (25), Карымский (26), Читинский (31), Тунгокоченский (27), Нерчинский (20), Чернышевский (21), Сретенский (13), Газимуро-Заводский

(8) и Нерчинско-Заводский (5) районы. Общая площадь районов, входящих в эту приграничную зону, 180 тыс. км², а средняя площадь – 15 тыс. Средняя абсолютная высота местности – 1364 м.

В выделенной зоне имеют место лесостепные и лесные ландшафты. Последние «вклиниваются» с двух сторон света: с запада – южная часть Улётовского района (25); с севера – северная часть Читинского района (31), почти весь Тунгокоченский район (27), северная часть Нерчинского района (20), северная и центральная часть Чернышевского района (21), западная часть Сретенского района (13). В западной части зоны лесные ареалы имеют характер включений в лесостепную зону: на юге Нерчинского (20), Сретенского (13) и Газимуро-Заводского (8) районов; в центральной части Нерчинско-Заводского района (5). Имеет место изолированный ареал степных ландшафтов, охватывающий части Нерчинского (20), Чернышевского (21) и Сретенского (13) районов [8].

Конфигурации муниципальных районов в рассматриваемой приграничной зоне относятся к двум типам: радиально-лучевому типу, для которого характерна вытянутость в направлении от центральной зоны (Кыринский, Акшинский, Дульдургинский, Тунгокоченский, Чернышевский, Сретенский, Газимуро-Заводский, Нерчинско-Заводский); радиально-дуговому типу, имеющему вытянутость по радиусу от восточного стыка границ России, Монголии и Китая (Улётовский, Карымский). Некоторые районы в конфигурации границ имеют черты как радиально-лучевого, так и радиально-дугового типов (Читинский, Нерчинский).

Характер проницаемости границ в следующую концентрическую зону моноконтактного типа. В данной зоне как на границе с Китаем, так и на границе с Монголией имеются автомобильные трансграничные переходы. С Китаем Олочи (Нерчинско-Заводский район) – Шивэй и с Монголией – Верхний Ульхун (Кыринский район) – Ульхун.

Приграничная периферийная зона третьего порядка. Общая площадь районов, входящих в эту приграничную зону, 123,6 тыс. км², а средняя площадь составляет 29,583 тыс. Средняя абсолютная высота местности – 1637 м.

Средняя площадь муниципальных районов по Забайкальскому краю составляет 13,919 тыс. км², а средняя абсолютная высота местности – 1338 м.

Эта дискретная зона делится на две подзоны, не имеющие общей границы: западную – Красночикойский, Петровск-Забайкальский и Хилокский районы; и северо-восточную – Каларский Тунгиро-Олёкминский и Могочинский районы.

Рассматриваемая зона находится в таёжной природной зоне. Только в долинах рек Чикой и Хилок имеют место лесостепные ландшафты [8].

В конфигурациях двух из шести муниципальных районов (Хилокского и Могочинском) можно рассмотреть черты радиально-дугового типа. Конфигурация остальных не поддаётся идентификации, так как они самые удалённые от центральной зоны и их конфигурация испытывает большое влияние соседних с Забайкальским краем субъектов Российской Федерации.

Характер проницаемости границ в соседние с Забайкальским краем субъекты Российской Федерации моноконтактного типа. В приграничной зоне третьего порядка имеется только один сезонный трансграничный автомобильный переход в Китай через населённые пункты Покровка (Могочинский район) – Лагухэ. С Монголией трансграничных переходов в этой зоне нет.

Подведём краткий итог выделенных в результате зонирования закономерностей: по мере удаления от восточного стыка границ России, Монголии и Китая в радиальном направлении на территории Забайкальского края возможно выделение географических зон, отличающихся друг от друга по следующим физико– и экономико-географическим характеристикам:

- по природным ландшафтам, которые изменяются от почти полного доминирования степных в центральной зоне, равного сочетания степных и лесостепных в периферийной первого порядка, доминирования лесостепных в зоне второго порядка и почти полного доминирования лесных в зоне третьего порядка;

- по средней площади муниципальных районов Забайкальского края, которая увеличивается по мере движения из одной зоны в другую от стыка границ России, Монголии и Китая;

- по изменению конфигураций муниципальных районов в периферийных зонах, выраженному преобладанием лучевой конфигурации в зоне первого порядка, сочетанием дуговой и лучевой в зоне второго порядка (при наличии смешанной конфигурации у отдельных районов) и отсутствием черт выделенных конфигурационных форм в зоне третьего порядка;

- по изменению в сочетании типов проницаемости границ от центральной зоны, имеющей все три типа проницаемости границ (коридорную, биконтактную и фронтальную); до полного доминирования коридорного типа – в периферийной зоне третьего порядка;

- по изменению характера трансграничной контактности с сопредельными приграничными территориями: все два района центральной зоны имеют как железнодорожное, так и автомобильное сообщение с сопредельными сторонами Монголии и Китая; в периферийных зонах контактность осуществляется только посредством автомобильного транспорта, при этом не все муниципальные районы осуществляют трансграничную контактность;

- по соотношению контактных и барьерных участков можно отметить отсутствие тупиковых

в транспортно-географическом положении районов в центральной и периферийной зоне первого порядка и наличие таковых в периферийных зонах второго и третьего порядка;

- по уменьшению в радиально-концентрическом направлении показателя транспортно-расселенческой освоенности (коэффициента Гольца);

- по уровню готовности к трансграничному взаимодействию, так как по мере удаления от стыка границ готовность зон к трансграничному взаимодействию уменьшается, что проявляется в изменении в этом направлении характера проницаемости границ, уровня транспортно-расселенческой освоенности, усилении внутрирайонной асимметричности транспортно-расселенческих структур.

Рассматривая приграничную радиальную организацию населения и хозяйства Забайкальского края, нельзя обойти вопрос о ключевых местоположениях в дуго-лучевых структурах. Автор считает возможным дать оценку и типизацию приграничного транспортно-контактного положения муниципальных районов Забайкальского края в троичной радиальной структуре дуг, лучей и секторов.

Выделим несколько видов приграничного транспортно-контактного положения по соседоориентированности. Если район связан дорожной сетью только с соседними районами, составляющими дуговидную группу, то положение дугоориентированное. Если район связан дорожной сетью только с соседними районами, составляющими лучевидную группу, – лучеориентированное. Возможен и смешанный дуго-лучеориентированный вариант, он выражает ключевое положение, дающее возможность «переключать» грузо– и пассажиропотоки. Однако имеются районы с неполной дуго-лучеориентированностью, у которых один контактный участок позволяет отнести их к лучевидным структурам, а другой – к дуговидным. При этом имеются неконтактные участки границы.

В дуговых и лучевых структурах район может занимать прямое приграничное положение, то есть первого порядка, имея участок государственной границы, и связующее – обеспечивая приграничную контактность второго, третьего, четвёртого и последующих порядков.

Оценку приграничных положений муниципальных районов целесообразно провести выбирая из них ключевые – дуго– и лучеобразующие.

Главным таким дуго– и лучеобразующим районом является Читинский (31). Чита как региональная столица имеет дугоориентированное положение, Транссибирская железная дорога с запада на восток соединяет Петровск-Забайкальский (29), Хилокский (30) и Читинский (31) районы в дугообразную группу. Однако, подходу к Чите с запада, в городе она на 90 градусов меняет свою ориентацию: до Читы проходит с

юго-запада на северо-восток, а после приобретает вектор с северо-запада на юго-восток. Это лучевое по отношению к стыку границ направление на юго-восток, проходя через Борзю, сохраняется до Забайкальска, то есть до российско-китайской границы. Восточный участок границы Читинского района (31) с Тунгокоченским районом (27) не является контактным, районы по отношению друг к другу имеют соседоизолированное транспортно-контактное положение.

На северо-востоке от Читы, в границах Читинского района расположено село Бургень, которое является тупиковым в транспортно-географическом положении, а северо-восток района, по долине реки Ингоды, остаётся неосвоенным и незаселённым.

Следующим ключевым районом является Карымский (26), он занимает центральное транспортно-географическое положение в Забайкальском крае. В Карымском районе от Транссибирской магистрали ответвляется направление на юго-восток до станции Борзя, то есть он является лучеобразующим. Уходящий в восточном направлении из района Транссиб позволяет считать район дугообразующим. Сама форма района удивительно сочетает дуговидность и лучевидность, вытянутость с юго-запада на северо-восток не однородна: юго-западная часть района дуговидная, а северо-восточная лучевидная, границей между двумя частями выступает Транссиб.

Карымский район через Шилкинский (19) и три района Агинского округа (16; 17; 18) замыкает на себе транспортные потоки из десяти приграничных районов Забайкальского края (1; 2; 3; 4; 5; 6; 9; 14; 15; 24), объединяя их в двуединый поток по федеральной автомобильной дороге и Транссибу на участке «Карымское – Чита». Это направление стратегическое для края, так как представляет собой единственный контактный участок в региональной транспортной системе, соединяющий две дуговидные группы IV и V рядов с остальной территорией края. Уникальностью этих двух дуговидных групп является транспортная изоляция от остальной территории края. Отметим неконтактные участки между соседствующими районами: Читинским (31) – Тунгокоченским (27); Читинским (31) – Дульдургинским (16); Улётовским (25) – Дульдургинским (16); Улётовским (25) – Акшинским (15); Улётовским (25) – Кыринским (14); Красночикойским (24) – Кыринским (14). Кроме того, контактность между Читинским (31) и Карымским (26) районами имеет место только по линии «Чита – Карымское», то есть по федеральной трассе и Транссибу, а это две соприкасающиеся точки на большом участке границ между муниципальными районами. Такая транспортная изоляция двух частей края друг от друга и зауженные до двух точек контактные участки имеет не только объяснение как физико-географическая изоляция, то есть трудность

преодоления физико-географических барьеров, но и представляет не что иное, как обеспечение в историческом плане стратегической приграничной глубины и защищённости региональной столицы – Читы. Конечно, в настоящее время этот факт доступности уже не имеет прежнего значения, однако Чита остаётся региональной столицей.

В ключе дуго-лучевого взгляда на группы муниципальных районов нельзя не отметить группу районов, ориентирующих восточный сектор в лучевом направлении. Это Шилкинский (19), Балецкий (11) и Александрово-Заводский (7), границы между которыми не пересекаются дорожной сетью, то есть между собой они не имеют транспортного сообщения. Шилкинский район (19) имеет лучеориентированное положение, лучевидная группа, образованная Шилкинский (19), Нерчинским (20), Чернышевским (21), Могочинским (22) и Тунгиро-Олёкминским (23) районами, имеет транспортную ось «Шилка – Нерчинск – Чернышевск – Могоча – Тупик». От Шилки до Могочи ось представлена Транссибирской магистралью и автомобильной федеральной трассой, а вот от Могочи до Тупика – центра Тунгиро-Олёкминского района (23), только автомобильной трассой, являющейся единственным выходом для огромного по площади района в транспортную сеть региона. Название административного центра – Тупик, отражает его транспортно-географическое положение. Участки границ Тунгиро-Олёкминского района с соседними Каларским (28) и Тунгокоченским (27) контактными в полном смысле назвать нельзя, так как они пересекаются только лесовозными дорогами, которые могут функционировать только в зимнее время года.

Граница с Тунгокоченским районом (27), отмеченная лучевидной, в транспортно-географическом плане – барьерная. Тунгокоченский район (27) изолирован от всех своих соседей, кроме Шилкинского (19), который для него является выходом в транспортную систему региона.

Следующий район, который имел ключевое географическое положение, Нерчинский. Рассмотрение его историко-географического положения позволяет понять смещение ключевых мест и изменение роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства.

Центр Нерчинского района (21) – город Нерчинск, расположенный на левом берегу р. Нерча, в 7 км от места её впадения в р. Шилка (от слияния Шилки и Аргуни образуется Амур), обязан своим возникновением географическому положению. Расстояние от города до российско-китайской границы – около 300 км. Расстояние от Нерчинска до краевого центра – Читы составляет 305 км.

Для Нерчинска характерно формирование особого приграничного типа экономико-географического положения, состоящего из сочетания различных видов положений.

Трамплинное транспортно-географическое положение в базо-трассовой структуре осваиваемых территорий Сибири было характерно для всех городов, находящихся на передовой линии освоения. Базо-трассовая организация освоения закрепляла за городами функции баз, обеспечивающих процесс освоения, соединённых трассами освоения – дорог различного качества. Значение баз по мере продвижения процесса на восток менялось, менялось и ЭГП города – от трамплинного, то есть передовой базы, до связующего, то есть глубинной базы.

История города начинается со второй половины XVII века, когда началось присоединение Забайкалья к Российскому государству, освоение Сибири и Дальнего Востока.

Продвижение вглубь даурских земель, их освоение осуществлялось по рекам – главным в те времена транспортным путям. В 1653 году казаками-землепроходцами на берегу реки Шилки напротив устья Нерчи был заложен Нерчинский острог (первоначально Нелюдский) [23, с. 323].

Город в те годы занимал переломное транспортно-географическое положение на пути из Сибири на Дальний Восток в моря Тихого океана, в Нерчинске заканчивался сухопутный путь и начинался речной через Шилку и Амур. Небольшая стратегическая глубина, выраженная в удалённости от границы, позволяла обеспечить безопасность этого транспортного узла, при этом не утрачивая контроль над приграничными населёнными пунктами. Именно в этом переломном характере заключена уникальность экономико-географического положения. Путь до Нерчинска из европейской части страны шёл преимущественно перпендикулярно речным долинам, реки были естественным препятствием, преодоление которых требовало строительства мостов, организации переправ, а вот в Нерчинске взаимоотношение гидрографической сети и трасс освоения менялось. Гидрография из препятствия превращалась в естественный санный или водный путь, протяжённостью до морей Тихого океана. Конечно, на пути до Нерчинска русские землепроходцы проходили по долинам рек, но эти короткие участки несопоставимы с последним по своим масштабам (Горлова, Новиков, 2014).

Основанный в 1653 году как острог, Нерчинск в 1655 году становится воеводством, а в 1689 получает статус города. С 1783 Нерчинск – центр Нерчинской области, с 1805 по 1851 год – уездный город [23].

Нерчинск, занимая выгодное экономико-географическое, а именно транспортно-географическое, рыночное и геополитическое, положение, имея судходную связь с Амуром, контролировал торговый путь в Китай и был центром территориального развития.

В конце XIX – начале XX века в Забайкалье была проложена Забайкальская железная дорога, соединяющая европейскую часть России

с Дальним Востоком. Железнодорожные пути были протянуты южнее города. В дальнейшем там была построена станция Приисковая, которая находится в 5 км от южной окраины Нерчинска. Транспортно-географическое положение города ухудшилось. Этот факт отрицательно сказался на дальнейшем развитии города; так, переломное транспортно-географическое положение потеряло своё значение – товаро- и пассажиропоток пошёл на Дальний Восток мимо Нерчинска. Это привело к спаду в развитии торговли и хозяйственной деятельности (Горлова, Новиков, 2014).

От Трансиба в 1908 году была проложена железнодорожная ветвь до Нерчинска, однако это тупиковое в железнодорожном плане транспортно-географическое положение не способствовало экономическому и политическому возвышению города и не компенсировало утраты столичного статуса, который ещё 1851 году перешёл к Чите.

Водные пути имеют ряд недостатков, главный из них сезонность доставки, но в то же время существенны преимущества, как в экономическом, так и экологическом отношении [104]. Однако эти преимущества не брались во внимание в те годы.

Современный Нерчинск по примеру других малых городов России, имеющих богатое историко-культурное наследие, может претендовать на трансграничный туризм как отрасль специализации.

Диалектический характер географического положения проявляется не только в формате радиальных – дуго-лучевых структур, но и в соотношении ортогонального и радиального видов зонирования Забайкальского края (см. рис. 22).

Приграничное географическое положение выделяемых в региональной политике Забайкальского края зон опережающего развития можно оценивать как ключевое либо в формате радиальных структур, либо в системе соотношения ортогонального и радиального видов зонирования Забайкальского края.

4.3. Территориальное развитие и противоречивость роли приграничного положения

Противоречивость контактной и неконтактной (буферной) роли приграничного положения в территориальной организации населения и хозяйства Забайкальского края проявляется в двух направлениях: временном и пространственном. Временное направление – это изменение роли во времени в зависимости от характера взаимоотношений России и Китая (добрососедские или напряжённые). Как показал историко-географический анализ, это направление циклично. Цикличность носит экстремальный характер, что отрицательно сказывается на психологическом самочувствии населения, особенно проживающего в муниципальных приграничных с Китаем районах.

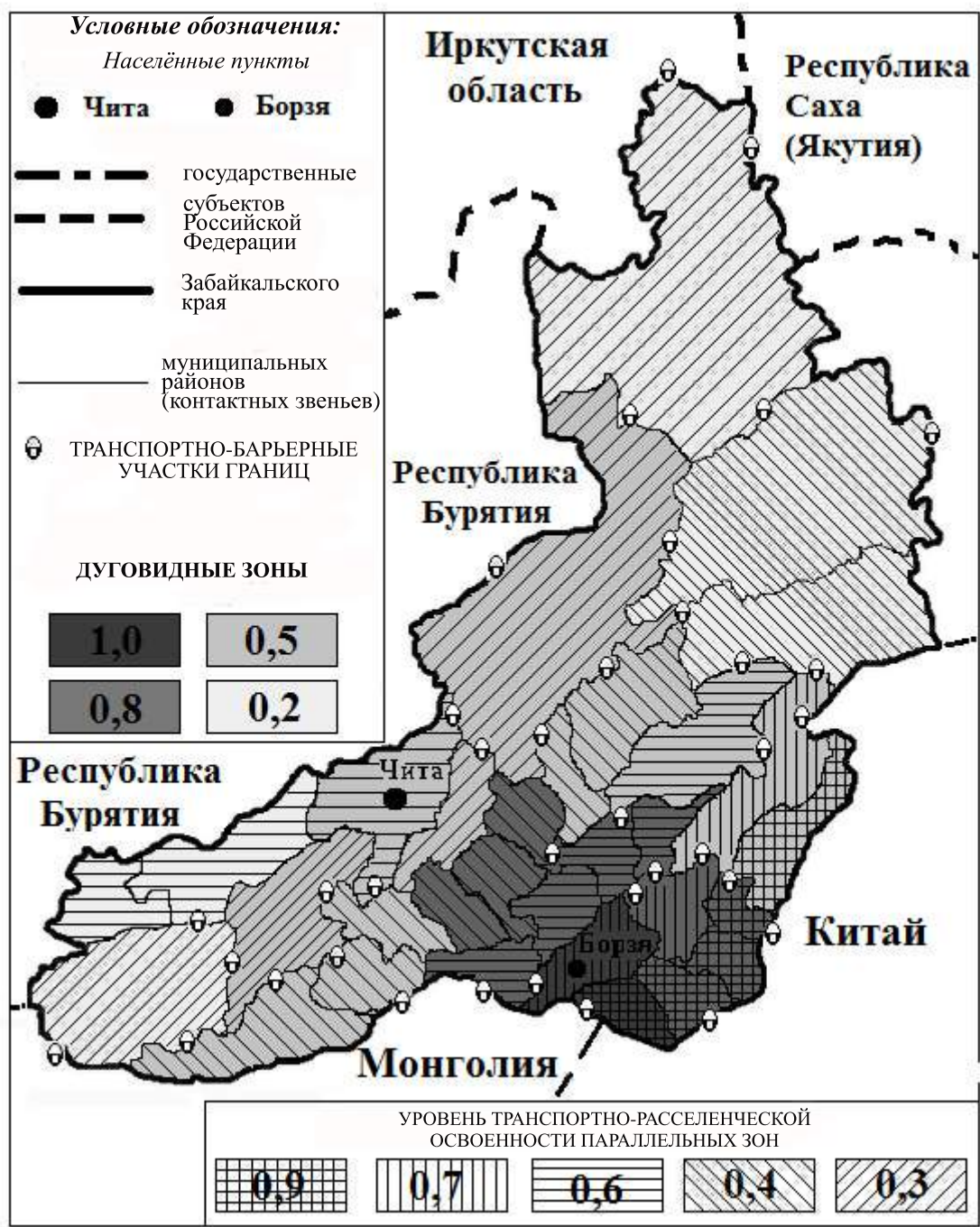

Рис. 22. Соотношение радиального и параллельного видов зонирования Забайкальского края как проявление дополнителности ортогональной и радиальной моделей

Население в них рассматривается во время обострения отношений с Китаем как дополнительная линия обороны с воспитанием у него характерной повышенной бдительности и наблюдательности. Патриотическое воспитание в периоды напряжённых отношений с Китаем имеет свою специфику. Однако в переломные периоды улучшения отношений воспитанному на определённых принципах населению сложно «переключиться» на иной тип восприятия реальности, что вносит определённый дискомфорт – ощущение потенциальной трансграничной угрозы. В конце

80-х годов прошлого столетия это усугубилось ещё и тем, что население потеряло свой стратегический статус, который государство подкрепляло приграничным коэффициентом при начислении заработной платы.

Проблема обезлюдивания восточных территорий является ведущим фактором формирования пространственной политики на современном этапе социально-экономического развития страны. В системе стратегического планирования опорными элементами являются государственные программы, ориентированные на решение

конкретных задач в определённых регионах и макрорегионах России. Эти программы своей официальной целью имеют повышение привлекательности территорий для проживания населения. Так, одной из главных задач федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» является закрепление населения в регионе путём стимулирования сохранения и создания новых рабочих мест; в Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [155] целью объявлено закрепление населения на этих территориях за счёт формирования развитой экономики и комфортной среды обитания [157].

Уникальность географического положения Забайкальского края в сочетании двух видов положений, имеющих циклический режим перепадов характеристик политико-географических и физико-географических условий – приграничного и внутриконтинентального. Последнее, как и приграничное положение, имеет свою большую амплитуду, но уже не политического, а температурного режима, что приносит свой дискомфорт в жизнедеятельность населения.

Согласно исследованиям учёных (Задорожный, Соловова, Напрасников, 2005 [69]), суточная амплитуда температур в Забайкальском крае в январе 13 °С, а в феврале до 16–17 °С. В летние месяцы при одних и тех же дневных температурах воздуха её минимальные ночные значения меньше на 13–16 °С [69, с. 9]. Сезонные перепады температур ещё больше. Конечно, политический режим имеет многолетние циклы, однако их длительность не всегда превышает период смены одного поколения.

Пространственное направление изменения роли приграничного положения, в отличие от временного, имеющего межгосударственный уровень, проявляется на внутрирегиональном уровне. Пространственное чередование внутри региона контактных и неконтактных (буферных) территорий – это специфическая приграничная форма территориальной организации населения и хозяйства Забайкальского края. В соответствии с ортогональной моделью чередование наблюдается относительно российско-китайского участка государственной границы, а в соответствии с радиальной моделью – относительно восточного стыка границ России, Монголии и Китая. *Уникальность приграничной территориальной организации населения и хозяйства Забайкальского края – в равновесности влияния двух схем (моделей), что не исключает их диалектической борьбы по отдельным направлениям.* В основе моделей, как было показано, лежат две физико-географические матрицы: у ортогональной модели – параллельность хребтов (соответственно и межгорных котловин) и их общая ориентация с юго-запада на северо-восток, а в

основе ортогональной модели – центробежное относительно восточного стыка границ России, Монголии и Китая (Улдза-Торейской равнины) увеличение абсолютных высот местности. Равновесное проявление двух моделей в экономико-географическом плане автором доказано в виде проведённых двух видов зонирования плотности транспортно-расселенческих структур – параллельного и дугового.

По мнению автора, слоистость в ортогональной структуре, в которой имеют место, с одной стороны, понижение показателя освоенности от ряда к ряду (слоя к слою), выделяемых от российско-китайской границы, а с другой – чередование контактных и буферных участков, возникло как географический механизм адаптации к «историческим перепадам» – чередованию режимов враждебности и добрососедства во взаимоотношениях России и Китая.

Слоистость как механизм адаптации к перепадам температур имеется у атмосферы. Её слоистость эффективно обеспечивает контактную и барьерную функции с космическим пространством, пропуская свет, но предохраняя поверхность планеты от перегрева (переохлаждения) и губительного излучения.

Обратим внимание на ортогональность размещения неосвоенных в транспортно-расселенческом плане обширных участков, включающих в себя части нескольких муниципальных районов и их барьерных границ. Примечательными в этом плане являются участки, включающие в себя трансграничные (имеются в виду внутрирегиональные границы – между муниципальными районами) территории между рядами: II–III и IV – V (см. рис. 22).

Как уже было отмечено, в V ряд входят асимметричные в плане транспортно-расселенческой освоенности территории. Контактным в V ряду является только Карымский (26).

Включение неосвоенной в транспортно-расселенческом плане полосы на фоне понижения коэффициента Г. А. Гольца от ряда к ряду в ортогональной структуре напоминает положение озонового слоя. Отметим, что озоновый слой не является внешним слоем атмосферы, а расположен в глубине – в стратосфере, буферные структуры тоже не являются внешними, располагаясь на границе II–III и IV–V рядов. Уровень транспортно-расселенческой освоенности как готовности к приграничной контактности изменяется волнообразно: от I ряда к V наблюдается понижение, а в VI демонстрируется резкое повышение.

Такое чередование позволяет активизировать контактные территории или усиливать неконтактные (барьерные) в зависимости от «периодов потепления или похолодания» во взаимоотношениях России с Китаем. Таким образом, пространственная противоречивость роли приграничного положения в территориальной ор-

ганизации населения и хозяйства Забайкальского края в ортогональных структурах обусловлена временной противоречивостью. Ещё Н. Н. Баранский (1980) указывал, что ЭГП – категория историческая. В контексте обусловленности пространственных аспектов временными ЭГП можно назвать категорией пространственно-временной, воплощающей собой положение в пространственно-временном континууме.

В радиальной структуре тоже имеется чередование освоенных и неосвоенных полос между периферийной зоной второго и третьего порядков (рис. 22).

Отрицательный синергетический эффект наблюдается при наложении неосвоенных полос ортогональной и радиальной систем – на карте это уже не фрагменты прямолинейных и дуговидных полос, а обширные ареалы, расположенные у трёхграничных стыков муниципальных районов: Кыринского (14), Улётовского (25) и Красночикойского (24) районов; Каларского (28), Тунгокоченского (27) и Тунгиро-Олёкминского (23); Сретенского (13), Газимуро-Заводского (8) и Могочинского (9).

Причины отсутствия транспортно-расселенческих структур на отдельных территориях физико-географические: наличие горных хребтов, узость межгорных котловин, отсутствие плодородных почв и т. д.

Думается, подобная форма территориальной организации, выраженная в чередовании, должна уйти в прошлое. Современность должна отличаться контактностью всех участков, но нельзя игнорировать исторический опыт циклической смены характера приграничного положения. По мнению автора, все территории должны иметь способность к развитию трансграничной контактности, необходимо наделить территориальные структуры способностью смягчать «исторические перепады» – чередование режимов враждебности и добрососедства во взаимоотношениях России и Китая за счёт двойного назначения или, выражаясь термином А. А. Минца и В. С. Преображенского (1973) «функция места», – диалектическими функциями места.

Автор не склоняется к примитивному переключению с экономической контактности на военную буферность. Возможны альтернативные варианты военной инфраструктуре. Альтернативность заключена в двойном назначении. Вопрос двойного назначения решался в отечественном ракетостроении, где летательные аппараты, выводившие спутники и космические станции на орбиты, при необходимости должны были решать военные цели. В приграничной географии есть своя аналогия этому явлению: приграничная система расселения казаков с их сельскохозяйственными угодьями; особо охраняемые природные территории.

Как уже отмечалось, казаки возделывали приграничные сельскохозяйственные угодья,

таким образом, удерживая обширные пространства, при этом неся службу по охране рубежей. ООПТ, при всем спектре природоохранного сотрудничества, имеют систему трансграничного мониторинга, который может рассматриваться и как военный мониторинг перемещения населения. Население при этом уже воспринимается не как природопользователи, а как часть вооружённых сил.

Значение чередования контактных и буферных участков в радиальной структуре имеет иной характер – это не адаптация к «историческим перепадам» – чередованию режимов враждебности и добрососедства во взаимоотношениях России и Китая, а проявление центробежных и центростремительных процессов по отношению к восточному стыку границ России, Монголии и Китая. В данном случае мы имеем дело с гравитационной моделью, однако её центром выступает не город, как обычно рассматривается в географии, а трёхзвенная трансграничная территория локального уровня восточного стыка границ России, Монголии и Китая, имеющая три приграничных центральных города (Борзя в России, Хайлар в Китае и Чойбалсан в Монголии). Эти три города должны выступать как транспортно-логистические центры и образовывать с приграничными парными населёнными пунктами закольцованные структуры (хотя с геометрической точки зрения скорее треугольные). Внутреннее пространство этих структур должно быть представлено не только заповедными территориями, выступающими как трансграничная арена активного экологического сотрудничества, но и туристическими аттракторами, расположенными непосредственно у стыка трёх границ, дорога до которых должна идти от трёх центральных городов через ООПТ. Возможно, на отдельных участках, не нарушая континуальности ООПТ, дорога должна уходить в подземные тоннели или подниматься на эстакады.

Отметим, что город Борзя не рассматривается в стратегических документах в числе ТОРов, приоритет отдаётся Забайкальску, что оправдывается его положением непосредственно на границе. По мнению автора, это проявление ортогональной модели, а вот если бы предпочтение было отдано Борзе – это было бы проявление радиальной модели. ЭГП Борзи как потенциального логистического центра, способного перераспределять грузопотоки между тремя странами: Россией, Монголией и Китаем, – ещё не оценено по достоинству. Обратим внимание на географию таможенных постов в Забайкальском крае: кроме постов, расположенных непосредственно у границы (Староцурухайтуйский, Верхне-Ульхунский, Забайкальский, Соловьёвский), имеются посты в Чите, Петровск-Забайкальске, Агинском и Борзе. Последние четыре отражают особое транспортно-географическое положение

относительно границы, демонстрируя внутрирегиональные рубежи приграничных территорий по мере удаления от неё.

Борзя в прошлом была военным городом Забайкалья, её буферная функция, демонстрирующая чередование контактных и буферных полос от российско-китайской границы, ушла в прошлое, а контактная не установилась. Не изменилась и культура мышления у региональных управленческих элит – доминируют стереотипы, в основе которых ортогональное восприятие территориальных структур.

Рассмотрим склонность к центробежности и центростремительности в радиальной организации населения и хозяйства Забайкальского края.

Борзинский и Забайкальский районы, составляющие российскую центральную часть трансграничного трёхзвенного региона восточного стыка границ России, Монголии и Китая, оказывают эффект притяжения на районы периферийной приграничной зоны первого порядка, однако их формы более компактные, а транспортно-расселенческая освоенность достаточно высокая, поэтому эффект заметен плохо. Отлично этот эффект демонстрирует приграничная периферийная зона второго порядка: конфигурация её районов вытянута по отношению к центральной зоне, а сами районы поляризованы и имеют освоенные и неосвоенные транспортно-расселенческими структурами части. Освоенные части тяготеют к ядру, а неосвоенные образуют буферные дуговидные пространства за пределами которых – в приграничной периферийной зоне третьего порядка наблюдаются центробежные тенденции, то есть хозяйственные связи с центральной зоной отсутствуют. Таким образом, вторая периферийная зона, а точнее её центральная часть, в которой имеется поляризация, и является границей между центробежными и центростремительными силами.

В данном параграфе рассматривается приграничное ЭГП Забайкальского края через оценку приграничного ЭГП его ключевых территорий и тенденций изменения их положений во времени (позиционирования) в ортогональных и радиальных структурах, причём ключевых как контактных, так и буферных. В качестве контактных рассматриваются выделяемые в региональном управлении территории опережающего развития (ТОР), а в качестве буферных – незаселённые территории, не имеющие транспортно-расселенческих структур. Направления изменения приграничного ЭГП этих противоположных по своей сущности территорий усиливают действие: в одних случаях ортогональной модели, а в других – радиальной, проявляя диалектический характер отношений двух моделей.

Оценим экономико-географическое положение этих ТОР в приграничных ортогональных и радиальных структурах населения и хозяйства

с целью выявления тенденций их трансформации в свете стратегии социально-экономического развития Забайкальского края на период до 2020 года

Зоны опережающего развития были выделены в соответствии со Стратегическими направлениями развития Забайкальского края на период до 2025 года и Программой социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы, утверждёнными законом Забайкальского края от 10 декабря 2009 года № 295-33К (<http://docs.cntd.ru/document/922220912>). В теоретическом плане автор опирается на современные исследования ТОР, которые проводит П. Я. Бакланов (2014).

В Забайкальском крае выделено десять зон опережающего развития, в которые целесообразно привлекать государственные и частные инвестиции:

1. Торгово-промышленная зона п. г. т. Забайкальск.
2. Забайкальский территориальный горно-металлургический комплекс.
3. Зона развития деревообрабатывающей промышленности – Амазарский ЦБЗ.
4. Приаргунская сельскохозяйственная зона по производству зерна, кормов, развитию животноводства.
5. Туристско-рекреационная зона «Алханай».
6. Промышленная зона в пос. Могойтуй.
7. Сельскохозяйственная производственно-перерабатывающая региональная зона в Агинском Бурятском округе.
8. Зона агломерации на основе города Читы и прилегающих населённых пунктов.
9. Зона развития строительной индустрии.
10. Чарский территориально-промышленный комплекс.

Отметим, что из 10 потенциальных зон опережающего развития 4 располагаются в приграничных районах, 3 в Агинском Бурятском округе, имеющем свои особенности географического положения по отношению к границе и стыку границ трёх стран.

Торгово-промышленная зона п. г. т. Забайкальск. Основанием для включения посёлка Забайкальск в число ТОР стало его приграничное с Китаем ЭГП. Забайкальский район (1) занимает ключевое положение, он расположен на стыке границ трёх стран.

Транспортно-географическое положение посёлка Забайкальск на российской стороне реализуется в двух главных направлениях: на северо-запад (через Борзю и Читу) и на северо-восток (через Краснокаменск и Приаргунск). Оба указанных направления вписываются и в радиальную модель – как радиальные лучи, идущие от центра, и в ортогональную – как элементы решётчатой структуры.

В трансграничном плане посёлок Забайкальск испытывает в равной мере как давление, так и притяжение сопредельной китайской стороны, чего нельзя сказать по отношению к монгольской стороне.

Трансграничное давление проявляется в предложении товаров и услуг с сопредельной стороны, а притяжение – в виде спроса. Отметим, что трансграничные рыночные зоны спроса и предложения, которые распространяет китайская сторона на территорию торгово-промышленной зоны Забайкальска, воплощаются в основном за счёт товаров народного потребления. В торгово-промышленной зоне развитие промышленной составляющей очень сильно запаздывает по сравнению с торговой.

Забайкальский территориальный горно-металлургический комплекс. Зона расположена в юго-восточной части края и охватывает Александрово-Заводский (7), Газимуро-Заводский (8), Нерчинско-Заводский (5) районы. Выделение данной зоны опережающего развития связано с реализацией комплексного проекта «Создание транспортной инфраструктуры для освоения минерально-сырьевых ресурсов юго-востока Читинской области» с участием Инвестиционного фонда Российской Федерации. Перспектива интенсивного социально-экономического развития этой части края связана с реализацией на данной территории ряда крупных инвестиционных проектов в сфере добычи и переработки минеральных ресурсов, развития транспортной инфраструктуры. Главной специализацией выделяемой зоны станет добыча и переработка полезных ископаемых (медь, золото, серебро, железо, цинк, свинец, уголь). В качестве производственной основы на территории зоны предполагается создание пяти горно-обогатительных комбинатов на базе Бугдаинского, Быстринского, Култуминского, Лугоканского и Солонеченского месторождений. Планируемая к сооружению линия железной дороги Нарын – Лугокан будет играть роль инфраструктурного каркаса данной территории (Оловянинский район), призванного обеспечить строящиеся объекты энергоресурсами (Закон Забайкальского края от 10 декабря 2009 года № 295-33К <http://docs.cntd.ru/document/922220912>). В 2010 году уже в ходе реализации проекта его масштабы было решено уменьшить. В том же году решением инвестиционной комиссии РФ железнодорожная ветка сократилась вдвое, объёмы финансирования были уменьшены, принято решение отказаться от разработки трёх месторождений [114, с. 98].

Александрово-Заводский (7), Газимуро-Заводский (8), Нерчинско-Заводский (5) районы в радиальной дуго-лучевой организации населения и хозяйства Забайкальского края занимают лучеориентированное географическое положение. Территориальная организация процесса

освоения сориентирована с юго-запада на северо-восток, то есть вектор освоения проходит вдоль побережья реки Аргунь и государственной границы.

Результаты проведённого исследования пяти юго-восточных районов Забайкальского края (Новикова, Новиков, 2012) можно представить в ином ракурсе, с позиций радиальной модели. Юго-восточные районы: Александрово-Заводский (7), Газимуро-Заводский (8), Калганский (4), Приаргунский (3), Нерчинско-Заводский (5) – расположены в междуречье Газимура и Аргуни. Эту группу можно воспринимать как отдельный радиальный дуго-лучевой сектор. Лучевидность выражена в векторе освоения, а вот дуговидность в волнах освоенческих процессов.

Волны освоения – это границы между тремя основными зонами освоения, следующими согласно вектору освоения друг за другом. Зона точечного (очагового) освоения сменяется зоной линейного (монотрассового) освоения, со временем последняя трансформируется в зону площадного (политрассового) освоения. В границах Газимуро-Аргунского сектора показатели транспортно-расселенческой освоенности изменяются в направлении вектора освоения. Выделенные семь поясов освоенности, границы которых проведены по параллелям с интервалом в 30' к северу от 50° северной широты (Новикова, Новиков, 2012), можно воспринимать как дуговидные образования, отличающиеся не только количественными показателями транспортно-расселенческой освоенности, но и различными видами территориальной организации процесса освоения.

Отличительной чертой современного социально-экономического развития Сибири является противоречие между сокращением территориальных структур населения и хозяйства и внедрением новых проектов по созданию районов опережающего развития. Выбор этих районов обусловлен наличием у них конкурентных преимуществ: природных или трудовых ресурсов, особого экономико-географического положения; наличием промышленной или социальной инфраструктуры.

Зона развития деревообрабатывающей промышленности – Амазарский целлюлозно-бумажный завод (ЦБЗ). Проект строительства и запуска Амазарского ЦБЗ имеет длительную историю, сроки его запуска несколько раз переносили. Это противоречивый проект, реализуемый с привлечением китайских партнёров. С точки зрения приграничного рыночно-географического положения распределение будущих рыночных зон, на наш взгляд, имеет запрограммированные проблемы. Сам проект строительства завода продиктован трансграничным спросом на лесные ресурсы, который оказывает в течение более чем двух десятилетий трансграничное притяжение – вывоз

леса в Китай. С помощью проекта планировалось кардинально изменить ситуацию и вывозить не древесину, а полупродукт – целлюлозу, то есть изменить положение центрального элемента – узла производства относительно границы. Однако это не меняет географию продуктовой и ресурсной рыночных зон. Ресурсная рыночная зона так и остаётся на российской территории, а продуктовая становится трансграничной. Конечно, распределение прибыли от реализации продукции, наличие рабочих мест – всё это положительные стороны реализации проекта, но экологические проблемы, как последствия лесопользования, так и остаются на российской стороне. Функционирование Амазарского ЦБЗ ориентировано только на Китай, в случае реализации оно укрепит связи в ортогональной структуре.

Приаргунская сельскохозяйственная зона по производству зерна, кормов, развитию животноводства. Как отмечает М. С. Новикова [130, с. 71], исследуя юго-восточные районы Забайкальского края, «доля сельскохозяйственных угодий от всех имеющихся земель составляет 60–80 %». Формирование Приаргунской зоны опережающего развития направлено как на внутренние, так и на внешние рынки: внутренние рынки зерна, кормов, мяса; внешние – рапсового масла.

В трансграничном плане география сырьевых и продуктовых зон планируется такая же, как и у Амазарского ЦБЗ, то есть продуктовая зона трансграничная, а сырьевая – приграничная. Интерес у китайской стороны в выращивании в Забайкалье рапса и производстве рапсового масла.

Туристско-рекреационная зона «Алханай» располагается в Дульдургинском районе (16) Агинского Бурятского округа Забайкальского края, её основой является национальный парк «Алханай» – священное место для буддистов. Интересно географическое положение парка в ортогональных и радиальных структурах. Как уже отмечалось при исследовании конфессионально-географического положения, территория современного Агинского округа в Российской Империи искусственно окружалась буферными зонами, которые можно рассматривать с позиций как ортогональной модели (пространственное отделение от китайских приграничных территорий), так и радиальной (отделение от монгольских приграничных территорий). Однако в современный период парк «Алханай» формирует трансграничные рыночные зоны предложения туристско-рекреационных услуг, основанных на религиозном паломничестве к святым местам. Рыночные зоны преодолевают не только буферные зоны, отделяющие их от государственных границ с Монголией и Китаем, но и эти границы. Крестовидная конфигурация рыночных зон отвечает ортогональной структуре и имеет два пересекающихся на территории парка направления: одно с северо-запада на юго-восток, захватывающее Республику Буря-

тию и приграничные территории Китая; второе с юго-запада на северо-восток, объединяющее с одной стороны Читу, а с другой – приграничные районы Монголии.

Как уже отмечалось при рассмотрении вопросов позиционирования территории, Забайкальский край не должен конкурировать с территориальными брендами: природным брендом – Байкалом и историческим брендом Монголии – Чингисханом, а должен включаться в их туристические маршруты.

Иркутские географы (Заборцева, Евстропьева, Курдюков, 2012 [66, с.123]), включившие Агинский округ в туристские маршруты этнорекреационных комплексов Байкальского региона, фактически высказываются в том же ключе.

Многих путешественников и гостей на берега Байкала привлекает именно неподдельный интерес к экзотическим культурам – они стремятся познакомиться не только с красотами озера, но и с народом, его культурным пространством – традициями и верой, обрядами и ритуалами... Дать полное представление о материальной и духовной культуре бурятского народа, не раскрыв его религиозных представлений, практически невозможно. Посещение этнографического объекта и развёрнутый рассказ об обрядах, традициях, верованиях и есть один из вариантов маршрута, основанного на ресурсах этнотуризма [66, с.119].

Если оценивать место туристско-рекреационной зоны «Алханай» в центробежных и центростремительных относительно восточного стыка границах России, Монголии и Китая, то можно отметить сбалансированное влияние этих процессов.

Промышленная зона в пос. Могойтуй располагается в Могойтуйском районе (18) Агинского Бурятского округа Забайкальского края, её строительство началось в 2007 году и осуществлялось на бюджетные средства. К 2011 году зона представляла собой несколько площадок с несколькими зданиями, в том числе административным и гостиницей, котельной, водонапорной башней, системой электроснабжения и канализацией. В 2012 должны были запустить первые производства. Предполагалась сборка небольших китайских тракторов, бытовой техники и башенных кранов. Зона испытывает трансграничное давление со стороны сопредельных китайских территорий, которые вкладывают в неё свои инвестиции и стремятся к доминированию в ней. Монгольские инвесторы отсутствуют.

Сельскохозяйственная производственно-перерабатывающая региональная зона в Агинском Бурятском округе. Специализация этой зоны сложилась исторически: производство зерна, шерсти и мяса. К производству шерсти проявляют интерес китайские партнёры, скупая её по более высоким ценам, чем предлагают российские перекупщики.

Рассматривая территорию округа с позиции трансграничного влияния, автор склоняется к выводу, что в современный период трансграничной интеграции и глобализации территория Агинского округа имеет особое стратегическое приграничное положение контактного звена, что выражается в разнообразии обозначенных зон опережающего развития: торгово-промышленных, агроиндустриальных и туристско-рекреационных. Активность китайского бизнеса в округе и отмеченный ранее факт насыщения конфессионального пространства внешними представителями свидетельствуют об его особом положении.

Зона агломерации на основе города Читы и прилегающих населённых пунктов привлекает к себе внимание не из-за приграничного географического положения, а из-за столичного статуса. Однако, как было отмечено, именно в VI ряду, где располагается Чита, наблюдается увеличение уровня транспортно-расселенческой освоенности и, соответственно, готовности к реализации приграничной контактности. Эта готовность выражается в железнодорожной магистрали, связывающей VI ряд с I рядом, и двух таможенных постах: в Читинском (31) и в Петровск-Забайкальском (29) районах.

Зона развития строительной индустрии расположена на территории Оловянинского и

Могойтуйского районов в междуречье рек Онон и Турга. Специализация – производство строительных материалов [154]. Планирование этой зоны обусловлено необходимостью обслуживая соседних зон опережающего развития: Могойтуйской, Забайкальской, Приаргунской. Поэтому её развитие зависит от реализации проектов в соседних зонах.

Чарский территориально-промышленный комплекс расположен в Каларском районе (28). Он не испытывает влияния приграничного положения. С позиций радиальной модели можно отметить, что из-за большой удалённости от границ и транспортной изоляции (в район можно попасть только через соседние субъекты РФ или воздушным транспортом) влияние центробежных сил максимальное.

Исходя из направленности изменения приграничного ЭГП зон опережающего развития следует вывод о том, что в функциональном плане срабатывает больше китайский вектор, активизируя ортогональные структуры и связи; монгольский вектор, который бы активизировал радиальные структуры, отстаёт в развитии от китайского. Однако имеющаяся равновесность ортогональных и радиальных структур – это готовность к смене векторов и даже к третьему – буферному варианту реализации приграничного положения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет сделать выводы о том, что тринитарный подход в географии может не просто объединять её объекты, процессы, явления и направления в различные виды триад (линейные, системные и переходные), но и разделять их на триады различных уровней, получая новое знание за счёт нового взгляда. Географическое положение в нематематической трактовке представляет собой триаду пересекающихся направлений: положение на различных по масштабу уровнях (макро-, мезо- и микроуровни); положение в границах территории определённого уровня (по политическому значению; по отношению к географическому центру; по отношению к выходу в море); положение по избирательному характеру объектов географической привязки (гуманитарно-, эколого- и физико-географическое). Территориальные структуры хозяйства состоят из точечных, линейных и площадных элементов. Система географических наук может быть классифицирована в трёх направлениях: вертикальном (геоглобалистика, страноведение и регионоведение); горизонтальном (гуманитарная, физическая и экологическая географии); функциональном (энциклопедическая, теоретическая и прикладная географии).

Выделение на поверхности Земли трансграничных трёхзвенных регионов – это один из вариантов реализации тринитарного подхода в географии. Трансграничные трёхзвенные территории закладываются на локальном уровне у стыка границ трёх стран как специфические географические структуры, обладающие чертами радиальной симметрии, которая выражается в чередовании от стыка границ особо охраняемых, сельскохозяйственных, рекреационных и урбанизированных территорий. Каждое из трёх звеньев (приграничных территорий) имеет центральный населённый пункт, связанный с двумя подчинёнными населёнными пунктами, находящимися непосредственно у границы, которые с аналогичными поселениями на двух других сторонах образуют трансграничные переходы. Трёхзвенные территории качественно отличаются от двухзвенных, имеющих билатеральную симметрию территориальных хозяйственно-расселенческих структур, наличием радиальной симметрии. Последующие – четырёхзвенные территории не демонстрируют переход к качественно новому типу симметрии и, соответственно, организации населения и хозяйства, сохраняя радиальность. Наблюдающаяся аналогия трансграничной

трёхзвенной территории с термодинамической фазовой диаграммой воды, которая демонстрирует уменьшение степени свободы смены агрегатного состояния при приближении к точке стыка трёх линий, проявляется в уменьшении степени свободы регионального природопользования и центростремительной симметризации территориальных структур. Для трёхзвенного трансграничного региона восточного стыка границ России, Монголии и Китая тоже присущи отмеченные характеристики. Однако имеются и специфические особенности. Трансграничная организация природы, населения и хозяйства приграничных территорий восточного стыка границ России, Монголии и Китая, выраженная в виде дополнительности двух идеальных моделей (ортогональной и радиальной), отражает её географическую уникальность; параллельные, перпендикулярные, дуговые и лучевые элементы территориальных структур представляют собой матрицу направлений реализации приграничных видов географического положения. Противоречивость роли приграничного положения в пространственном плане проявляется в его двуединой реализации – ортогональной и радиальной. Противоречивая роль приграничного положения во времени проявляется в кардинальной смене его характера в зависимости от характера взаимоотношений России и Китая – от добрососедских до напряжённых.

Ортогональная модель получила реализацию в виде выделения параллельных российско-китайской границе 6 зон (рядов муниципальных районов) транспортно-расселенческой освоенности, территориальная дифференциация коэффициента транспортно-расселенческой освоенности наблюдается от государственной границы: ряд I – 0,3; ряд II – 0,4; ряд III – 0,6; ряд IV – 0,7; ряд V – 0,9; ряд VI – 0,6. Последний ряд – самый удалённый от границы, он включает в свой состав Петровск-Забайкальский район, испытывающий транспортно-расселенческое влияние соседней Республики Бурятия, и Читинский район, центр которого был наделён столичным статусом в результате переноса столицы из Нерчинска, поэтому Чита не является центром эволюционно сложившейся системы расселения. Радиальная модель в картографическом плане реализована в виде четырёх дуговидных зон: центральной (коэффициент транспортно-расселенческой освоенности равен 1); периферийной первого порядка (0,8); периферийной второго порядка (0,5); периферийной третьего порядка (0,2).

Два вида зонирования отражают диалектический характер распространения влияния приграничного положения – противоречивость его роли в территориальной организации населения и хозяйства. В разрезе дуговидных зон проявляется территориальная дифференциация компонентов геосфер: абсолютной высоты местности и соотношение типов природных ландшафтов.

Географическая трилогия, выраженная в инвентаризации приграничных структур (энциклопедическая география) и построении идеальных моделей (теоретическая география), завершается в представленной работе рекомендациями по смягчению противоречивой роли приграничного положения (прикладная география).

Главными путями смягчения противоречивой роли приграничного положения, исходя из ортогональной модели, является параллельная относительно российско-китайского участка границы слоистость (рядоположенность), а также функциональное зонирование с выделением территорий двойного назначения, которые имеют возможность изменять свою функцию в условиях кардинальной смены роли приграничного положения Забайкальского края. Дуговая слоистость, соответствующая радиальной модели, демонстрирует влияние восточного стыка границ России, Монголии и Китая, его гравитационное влияние: наличие ближней – центробежной и дальней – центростремительной зон.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аблажей, Н. Н. Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия / Н. Н. Аблажей // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2006. – Т. 5. – № 1. – С. 57–61.
2. Абрамова, Н. А. Формирование трансграничного социокультурного пространства в условиях российско-китайского приграничья / Н. А. Абрамова // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2012. – № 9. – С. 80–84.
3. Алексеев, А. И. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX века – 1917 г.) / А. И. Алексеев, Б. Н. Морозов. – Москва: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. – 224 с.
4. Арманд, А. Д. Два в одном: Закон дополнителности / А. Д. Арманд. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – 360 с.
5. Артоболевский, С. С. Российско-белорусское приграничное сотрудничество (результаты экспедиционных исследований в Смоленской и Могилевской областях) / С. С. Артоболевский [и др.] // Псковский регионологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 152–163.
6. Асалханов, И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX века / И. А. Асалханов. – Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1963. – 494 с.
7. Атлас автомобильных дорог Читинской области и Агинского бурятского автономного округа. – Чита: Забайкал. аэрогеодез. предпр. Роскартографии, 2001. – 80 с.
8. Атлас Забайкальского края. – Чита: Экспресс-изд-во, 2010. – 48 с.
9. Атлас Забайкалья (Бурятская АССР и Читинская область). – Москва; Иркутск: ГУГК, 1967. – 176 с.
10. Аюшеева, С. Н. Экономический (хозяйственный) вид освоения территорий: специфика и соотношение с другими видами (теоретический анализ) / С. Н. Аюшеева [и др.] [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». – Вып. 5. – 2014 (сентябрь–октябрь) (24). – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/139EVN514.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ. (дата обращения: 27.08.2015).
11. Байдаков, А. Н. Фрактальный подход в управлении экономическими системами / А. Н. Байдаков, А. В. Назаренко // Политематический сетевой электрон. науч. журн. Кубан. гос. аграрн. ун-та. – 2012. – № 83. – С. 467–487.
12. Бакланов, П. Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении / П. Я. Бакланов. – Москва: Наука, 2007. – 239 с.
13. Бакланов, П. Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению / П. Я. Бакланов // Региональные исследования. – 2014. – № 3. – С. 12–19.
14. Бакланов, П. Я. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования / П. Я. Бакланов, С. С. Ганзей. – Владивосток: Дальнаука, 2008. – 216 с.
15. Бакланов, П. Я. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России / П. Я. Бакланов, М. Т. Романов. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 168 с.
16. Балдандоржиев, Ж. Б. Культурно-географические особенности трансграничного позиционирования города (на примере г. Нерчинск Забайкальского края) / Ж. Б. Балдандоржиев, И. А. Горлова, А. Н. Новиков // Гуманитарный вектор. – № 2 (34). – 2013. – С. 113–119.
17. Бандман, М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований / М. К. Бандман. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 256.
18. Баранский, Н. Н. Становление советской экономической географии: избр. труды / Н. Н. Баранский [и др.]. – Москва: Мысль, 1980. – 287 с.
19. Баранцев, Р. Г. Избранное / Р. Г. Баранцев. – Москва; Ижевск: Ин-т компьютер. иссл., НИЦ «Регулярн. и хаотич. динамика», 2010. – 489 с.
20. Безруков, Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии : автореф. дис. ... д-ра. геогр. наук: 25.00.24 / Безруков Леонид Алексеевич. – Иркутск, 2006. – 51 с.
21. Безруков, Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Л. А. Безруков. – Новосибирск: Гео, 2008. – 369 с.
22. Беляева, Н. А. Региональный облик таможенной политики России: исторический ракурс / Н. А. Беляева // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2008. – № 2. – С. 58–62.
23. Бидюк, Е. Б. Нерчинск / Е. Б. Бидюк, В. В. Бардакова, Т. И. Жеребцова // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т III: И – Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 323–324.
24. Блануца, В. И. Почтово-географическое положение: понятие, алгоритм измерения (на примере почтовой сети Сибири начала XX века) / В. И. Блануца // География и природные ресурсы. – 2010. – № 4. – С. 14–22.

25. Блащенкова, В. С. Семь типовых ошибок позиционирования территории (города, района, области, края, республики) / В. С. Блащенкова // Городское управление. – 2010. – № 3. – С. 23–27.
26. Боже-Гарнье, Ж. Очерки по географии городов / Ж. Боже-Гарнье; пер. с фр. К. Т. Топуридзе и С. Н. Тагера; введ. ст. и ред. В. В. Покшишевского. – Москва: Прогресс, 1967. – 424 с.
27. Бор, Н. Причинность и дополнительность / Н. Бор // В кн.: Избр. науч. тр. – Москва: Наука, 1971. – Т. 2. – С. 204–212.
28. Бородин, А. В. К вопросу о российско-китайской границе (к 40-летию событий на о. Даманском) / А. В. Бородин // В сб.: Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск, 2009. – С. 248–252.
29. Будко, В. В. Особенности процесса урбанизации на территории Читинской области: дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Будко Вера Викторовна. – Улан-Удэ: БГУ, 2005. – 166 с.
30. Булаев, В. М. Социально-экономические основы формирования территориальной дифференциации жизнедеятельности (на примере Читинской области): автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Булаев Владимир Михайлович. – Иркутск: ИГ СО РАН, 1996. 30 с.
31. Булаев, В. М. Экономико-географический анализ уровня жизни населения (на примере Читинской области): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Булаев Владимир Михайлович. Иркутск, 1989. — 17 с.
32. Булаев, В. М. Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (Социально-географическая интерпретация) / В. М. Булаев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1998. – 171 с.
33. Булаев, В. М. Исследование специфики культурной среды на конкретной территории (Подходы. Показатели. Анализ) / В. М. Булаев, Т. С. Александрова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – 116 с.
34. Булаев, В. М. Территориальная и социальная дифференциация семей в регионе / В. М. Булаев, Э. М. Бурлов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 98 с.
35. Бунге, В. Теоретическая география: монография / В. Бунге. – Москва: Прогресс, 1967. – 280 с.
36. Воробьев, В. В. Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования / В. В. Воробьев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. – 160 с.
37. Воробьев, В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы) / В. В. Воробьев. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. – 259 с.
38. Воробьева, Т. В. Восточный фронт России / Т. В. Воробьева // Вестник КРАУНЦ. Гуманит. науки. – 2012. – № 1. – С. 5–14.
39. Воропаева, Т. В. Методологические особенности проектирования экологического каркаса территории / Т. В. Воропаева // Учёные записки Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Естественные науки. – 2011. – № 1 (36). – С. 49–55.
40. Ганзей, С. С. Трансграничные геосистемы юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР / С. С. Ганзей. – Владивосток: Дальнаука, 2004. – 231 с.
41. Герасименко, Т. И. Трансграничные этнокультурные регионы: специфика межэтнического взаимодействия и проблемы интеграции / Т. И. Герасименко // География в школе. – 2006. – № 5. – С. 11–18.
42. Герасименко, Т. И. Трансграничность как фактор этнокультурного и экономического развития / Т. И. Герасименко, Ю. Н. Гладкий // Известия Русского географического общества. – 2005. – Т. 137. № 6. – С. 1–8.
43. Герасимов, И. П. Основы конструктивной географии / И. П. Герасимов [и др.]. – Москва: Просвещение, 1986. – 287 с.
44. Гильфанова, В. И. Социально-экономические проблемы развития охотничье-промыслового хозяйства севера Забайкальского края (на примере Тунгокоченского района) / В. И. Гильфанова // Вестн. Краснояр. гос. аграрн. ун-та. – 2009. № 1. – С. 171–176.
45. Гильфанова, В. И. Этнодемографические последствия строительства БАМ для эвенков Забайкальского края / В. И. Гильфанова // Записки Забайк. отд-ния Русск. геогр. общ-ва. – 2014. – Т. 1. – № 133. – С. 68–75.
46. Гительсон, В. М. Возникновение и становление идеализации как метода научного познания / В. М. Гительсон // Проблемы методологии и логики наук. – Вып. 4. – Томск, 1968. – С. 71.
47. Гладкий, Ю. Н. Гуманитарная география: научная экспликация / Ю. Н. Гладкий. – Санкт-Петербург: Филос. фак-т СПбГУ, 2010. – 664 с.
48. Гольц, Г. А. Транспорт и расселение / Г. А. Гольц. – Москва: Наука, 1981. – 248 с.
49. Гомбоев, Б. О. Аграрное землепользование Внутренней Азии / Б. О. Гомбоев // Рос. акад. наук, Байкальский ин-т природопольз. – Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2006. – 225 с.
50. Горина, К. В. Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Горина Ксения Владимировна. – Улан-Удэ, 2011. – 23 с.
51. Горина, К. В. Туристское позиционирование религиозных объектов Забайкальского края в информационном пространстве разных территориальных уровней / К. В. Горина, К. С. Козырева, А. Н. Новиков // Региональные исследования. – 2015. – № 1 (47). – С. 78–87.
52. Горина, К. В. Приграничные особенности территориальной организации Русской православной церкви в Забайкальском крае / К. В. Горина, А. Н. Новиков // Геополитический потен-

циал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона: колл. монография / науч. ред. А. Б. Волынчук; под общ. ред. Я. А. Фроловой. – Владивосток: Дальнаука; Изд-во ВГУЭС, 2010. – С. 438–454.

53. Горлова, И. А. История изменения экономико-географического положения забайкальского города Нерчинска в дореволюционный период: проблема утраты столичного статуса [Электронный ресурс] / И. А. Горлова, А. Н. Новиков // Интернет-журнал «Науковедение», 2014. – № 2. – Москва, 2014. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/47EVN214.pdf>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус., англ. (дата обращения: 30.04.2014).

54. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды в Читинской области за 1997 г. и некоторые итоги охраны природы за 1988–1997 гг. – Чита, 1998. – 216 с.

55. Гурова, О. Н. Возрождение традиционного природопользования эвенков с учётом психосоциальных процессов / О. Н. Гурова // Вестн. Красноярск. гос. аграрн. ун-та. – 2008. – № 4. – С. 302–306.

56. Гурова, О. Н. Коренное население Забайкалья и традиционное природопользование на современном этапе / О. Н. Гурова // География и природные ресурсы. – 2000. – № 1. – С. 121–123.

57. Гусейн-Заде, С. М. Анаморфозы: что это такое? / С. М. Гусейн-Заде, В. С. Тикунов. – Москва: Эдиториал УРСС, 2008. – 168 с.

58. Дацышен, В. Г. Сибирский округ во время военной кампании в Китае в 1900–1901 гг. / Дацышен В. Г. // Вестн. Новосиб. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 6. – С. 119–128.

59. Дмитриевский, Ю. Д. О природном потенциале территории // Ресурсы, среда, расселение: сб. ст. / Ю. Д. Дмитриевский. – Москва: Наука, 1974. – С. 101–106.

60. Дроботушенко, Е. В. Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь / Е. В. Дроботушенко // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т IV: С–Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 303–304.

61. Дронов, В. П. Экономико-географическое положение как система рентных отношений / В. П. Дронов // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1993. – № 2. – С. 109–113.

62. Дружинин, А. Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии: монография / А. Г. Дружинин. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2009. – 288 с.

63. Дуденко, С. В. Учёт пространственных отношений при решении проблем оценки городских земель / С. В. Дуденко, В. П. Мосунова, Н. М. Сысоева // География и природные ресурсы. – 2001. – № 3. – С. 99–106.

64. Дунец, А. Н. Туризм в трансграничных территориях Алтае-Саянского горного региона / А. Н. Дунец // Региональные исследования. – 2011. – № 1 (31). – С. 87–91.

65. Елисеев, Е. Е. Русская православная старообрядческая церковь / Е. Е. Елисеев // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т III: И–Р / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 532–533.

66. Заборцева, Т. И. Ресурсы этнотуризма Байкальского региона / Т. И. Заборцева, О. В. Евстропьева, В. Н. Курдюков // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Науки о Земле. – 2012. – Т. 5. – № 2. – С. 116–129.

67. Задорожный, В. Ф. Традиционное природопользование эвенков Восточного Забайкалья в условиях рыночной экономики / В. Ф. Задорожный, В. И. Гильфанова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2009. – № 318. – С. 166–169.

68. Задорожный, В. Ф. Зональные типы природопользования: опыт географического и этнического обоснования и анализа / В. Ф. Задорожный, А. Т. Напрасников, Б. Л. Раднаев. – Новосибирск: Наука, 2010. – 240 с.

69. Задорожный, В. Ф. Рекреационное природопользование Восточного Забайкалья (Читинская область) / В. Ф. Задорожный, А. Т. Соловова, А. Т. Напрасников. – Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2005. – 148 с.

70. Закон Забайкальского края № 295-33К «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы». [Ч. 2] (с изм. на 26 декабря 2012 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/922220917> (дата обращения: 27.08.2015).

71. Закон Забайкальского края от 10 декабря 2009 года № 295-33К «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 годы» Принят Законодательным Собранием Забайкальского края 25 ноября 2009 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/922220912> (дата обращения: 27.08.2015).

72. Закон от 16 января 1909 г. «О закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства, об отмене статьи 939 Устава таможенного и о некоторых изменениях в тарифных ставках, установленных законом 10 июня 1900 г.» // Сборник узаконений и распоряжений по таможенной части в Приамурском крае и Восточной Сибири по 1 января 1912 г. – Санкт-Петербург, 1912. – С. 46–47.

73. Залужная, Д. В. Транссибирская магистраль: ее прошлое и настоящее / Д. В. Залужная. – Москва: Мысль, 1980. – 287 с.
74. Замятин, Д. Н. Власть пространства и пространство власти: географические образы в политике и международных отношениях / Д. Н. Замятин. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 113.
75. Замятин, Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии: монография / Д. Н. Замятин. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
76. Зберовская, Е. Л. Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта / Е. Л. Зберовская // Вестн. Красноярск. гос. аграрн. ун-та. – 2013. – № 12. – С. 280–285.
77. Зими́на, И. С. Вооружённые конфликты на советско-китайской границе в 60–70-е гг. / И. С. Зими́на // В сб.: Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Д. В. Буяров. – Благовещенск, 2011. – С. 27–30.
78. Зими́на, Н. С. Социокультурное пространство Забайкальского края в условиях трансграничного взаимодействия приграничных регионов РФ и КНР / Н. С. Зими́на // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2011. – № 4. – С. 25–30.
79. Ивановский, А. Символ величия духа и силы российской нации / А. Ивановский // Деловое Забайкалье: ресурсы и экономика. – 2006. – № 6. – С. 16.
80. Исаченко, А. Г. Географический детерминизм – конструктивная научно-мировоззренческая концепция / А. Г. Исаченко // Изв. РГО. – 2006. – Т. 138. – Вып. 3. – С. 1–14.
81. История Сибири. – Том 3: Сибирь в эпоху капитализма / В. И. Дулов [и др.]. – Ленинград: Наука, 1968. – 520 с.
82. Ишмуратов, Б. М. География – теории, детерминизм и природопользование будущего / Б. М. Ишмуратов // Региональное природопользование и фундаментальные проблемы географии будущего. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2001. – С. 5–34.
83. Ишмуратов, Б. М. Принцип дополнительности и современная география / Б. М. Ишмуратов // Доклады Ин-та геогр. Сибири и Дальнего Востока. – 1973. – Вып. 41. – С. 74–84.
84. Козырева К. С. Туристско-географические особенности трансграничного позиционирования Забайкальского края во Внутренней Азии / К. С. Козырева, А. Н. Новиков // Перспективы науки. – 2010. – № 8 (23). – С. 10–15.
85. Колосов, В. А. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество / В. А. Колосов, Р. Ф. Туровский // Изв. Рос. ак. наук. Сер. геогр. – 1998. – № 1. – С. 91.
86. Колосовский, Н. Н. Теория экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – Москва: Мысль, 1969. – 136 с.
87. Колосовский, Н. Н. Основы экономического районирования / Н. Н. Колосовский. – Москва: Мысль, 1958. – 200 с.
88. Константинова, Н. Н. Старообрядчество / Н. Н. Константинова // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т IV: С – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 98–99.
89. Корытный, Л. М. Территориальные ресурсы: дефиниция, классификация, подход к оценке / Л. М. Корытный // География и природные ресурсы. – 1995. – № 3. – С. 183–189.
90. Космачёв, К. П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1981. – 110 с.
91. Костров, А. В. Нарращивание военного потенциала СССР на границе с КНР – импульс к развитию дальневосточных территорий / А. В. Костров, Д. В. Скрипучий // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2014. – № 2 (85). – С. 255–261.
92. Крюгер (Kruger National Park). Тонкости туризма: туристический портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tonkosti.ru>. (дата обращения: 18.03.2015).
93. Кулаков, В. С. Улдза-Торейская высокая равнина / В. С. Кулаков, И. Ю. Мальчикова // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т IV: С – Я / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2006. – С. 186.
94. Кучинская, Т. Н. Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия РФ и КНР: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Кучинская Татьяна Николаевна; Забайкал. гос. ун-т. – Чита, 2013. – 42 с.
95. Лаженцев В. Н. Формирование специализаций и межрайонных экономических связей Читинской области // Изв. Забайкал. фил. Геогр. о-ва СССР. – Том. 3. Вып.3. – 1967. – С. 61–80.
96. Лаженцев, В. Н. Структура и экономические связи Забайкальского хозяйства в дореволюционный период / В. Н. Лаженцев, А. А. Недешев // Забайкал. краев. ежегодн. – 1972. – № 6. – С. 3–28.
97. Лейзерович, Е. Е. Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов / Е. Е. Лейзерович // Изв. РАН. Сер. геогр. – 2006. – № 1. – С. 9–14.
98. Леш, А. Географическое размещение хозяйства / А. Леш. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1959. – 455 с.
99. Маергойз, И. М. Задачи изучения экономико-географического положения / И. М. Маергойз // Вестн. МГУ. Сер. V: География. – 1978. – № 3. – С. 24–30.

100. Маергойз, И. М. Территориальная структура хозяйства / И. М. Маергойз. – Новосибирск: Наука, 1986. – 304 с.
101. Маккиндер, Х. Дж. Географическая ось истории / Х. Дж. Маккиндер; пер. с англ. М. А. Тимофеева // Полис. – 1995. – № 4 (28). – С. 162–169.
102. Мандельброт, Бенуа Б. Фрактальная геометрия природы = The Fractal Geometry of Nature / Бенуа Б. Мандельброт. – Москва: Ин-т компьютер. иссл., 2002. – С. 656.
103. Мартынов В. Л. Пространственная самоорганизация общества: взаимосвязи и взаимодействия: дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Мартынов Василий Львович. – Санкт-Петербург, 2002. – 200 с.
104. Мартынов В. Л. Транспортное освоение рек Сибири: ретроспективный анализ: автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 11.00.02 / Мартынов Василий Львович. – Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена, 1995. – 12 с.
105. Мартынов, В. Л. Ведомственное районирование России / В. Л. Мартынов, И. Е. Сазонова // Псковский регион. журн. – 2014. – № 17. – С. 17–25.
106. Менделеев, Д. И. Познание России. Заветные мысли / Д. И. Менделеев. – Москва: Эксмо, 2008. – 688 с.
107. Минц, А. А. Функция места и ее изменения / А. А. Минц, В. С. Преображенский // Известия Ак. наук. Сер. геогр. – 1970. – № 6. – С. 118–131.
108. Мирзеханова, З. Г. Экологический каркас территории: назначение, содержание, пути реализации / З. Г. Мирзеханова // Проблемы региональной экологии. – 2000. – № 4. – С. 42–55.
109. Михайлов, Ю. П. Территориальная организация природы и общества / Ю. П. Михайлов. – Новосибирск: Наука, 2012. – 351 с.
110. Михеева, А. С. Институциональные механизмы регулирования природопользования на трансграничных территориях / А. С. Михеева, А. К. Тулохонов, А. Б. Птицын, Г. Ц. Цыбекмитова // В сб.: Природоохранное сотрудничество в трансграничных экологических регионах: Россия – Китай – Монголия. – Чита, 2012. – С. 52–60.
111. Монгольская народная республика. Национальный атлас / Академия наук МНР, АН СССР. – Улан-Батор; Москва: ГУГК, 1990. – 144 с.
112. Напрасников, А. Т. Гидроголо-климатические системы: геоэкологический анализ / А. Т. Напрасников. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2003. – 143 с.
113. Недешев, А. А. Областной экономический район / А. А. Недешев. – Новосибирск: Наука, 1975. – 162 с.
114. Новиков, А. Н. Приграничная асимметрия как фактор освоения юго-востока Забайкальского края (экономико-географический анализ) / А. Н. Новиков, М. С. Новикова // Позционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 76–109.
115. Новиков, А. Н. Региональные особенности приграничного положения юго-восточного Забайкалья / А. Н. Новиков, М. С. Новикова // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Науки о Земле. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – Т. 150. Кн. 3. – С. 234–235.
116. Новиков, А. Н. Бургень / А. Н. Новиков // Энцикл. Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Т II: А–З / гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. – Новосибирск: Наука, 2004. – С. 158.
117. Новиков, А. Н. Политико-географическое значение Русской православной церкви в укреплении приграничных территорий России (на примере Забайкальского края) / А. Н. Новиков, К. В. Горина // Перспективы науки. – 2010. – № 6 (08). – С. 12–16.
118. Новиков, А. Н. Гуманитарно-географические формы проявления трансграничной дополнительности / А. Н. Новиков // Гуманит. вектор. Сер.: Философия. Культурология. – 2014. – № 2 (38). – С. 165–171.
119. Новиков, А. Н. Диалектическая сущность приграничного геополитического положения регионов / А. Н. Новиков // Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Байкальский ин-т природопольз. [и др.]. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – С. 22–28. (Интеграционные проекты СО РАН. – Вып. 23).
120. Новиков, А. Н. Концепция фрактальной географической трихотомии: вопросы классификации направлений и объектов научных исследований / А. Н. Новиков // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2014. – № 4. – С. 95–101.
121. Новиков, А. Н. Теоретико-методологические противоречия развития учения об экономико-географическом положении территорий / А. Н. Новиков, М. С. Новикова, В. М. Булаев // География в школе. – 2010. – № 3. – С. 29–33.
122. Новиков, А. Н. Особенности территориальной организации жизнедеятельности населения приграничных районов (на примере Читинской области: дис.... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Новиков Александр Николаевич. – Улан-Удэ, 2003. – 145 с.
123. Новиков, А. Н. Приграничное радиально-концентрическое зонирование Забайкальского края в разрезе муниципальных районов как контактных звеньев транспортно-расселенческих структур / А. Н. Новиков // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер.: Естественные науки. – 2015. – № 1 (60). – С. 107–114.

124. Новиков, А. Н. Структурные соотношения в приграничной территориальной организации природы, населения и хозяйства Забайкальского края / А. Н. Новиков // Вестн. Забайкал. гос. ун-та. – 2014. – № 09 (112). – С. 4–18.
125. Новиков, А. Н. Трехединая география: структура науки и направленности географического мышления / А. Н. Новиков // Перспективы науки. – 2010. – № 1 (03). – С. 10–15.
126. Новиков, А. Н. Трехединые трансграничные регионы: симметрия территориальной организации населения и хозяйства / А. Н. Новиков // Учен. зап. Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та. – 2013. – № 1 (48). – С. 171–178.
127. Новиков, А. Н. Философско-географическая идеализация трансграничной организации природы, населения и хозяйства восточного стыка границ России, Монголии и Китая / А. Н. Новиков // Гуманитарный вектор. Сер.: Философия. Культурология. – 2015. – № 2 (42). – С. 81–88.
128. Новиков, А. Н. Термодинамический подход к анализу структуры трёхзвенной трансграничной территории / А. Н. Новиков, А. Б. Птицын // Географические исследования восточных районов России: этапы освоения и перспективы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию образования Приморского отд-ния Русск. геогр. об-ва (О-ва изучения Амурского края) и 50-летию высш. геогр. образования на Дальнем Востоке (ДВГУ), (25–26 сент. 2014 г.). – Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2014. – С. 79–84.
129. Новикова, М. С. Политико-географический анализ экологического взаимодействия России и Китая (на примере юго-восточного Забайкалья) / М. С. Новикова // Вестн. ЧитГУ. Сер. Политические науки. – 2007. – № 3 (44). – С. 142–146.
130. Новикова, М. С. Экономико-географические особенности освоения юго-восточных районов Забайкальского края / М. С. Новикова. – Новосибирск: Гео, 2014. – 161 с.
131. Новикова, М. С. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян как механизм повышения инвестиционной привлекательности [Электронный ресурс] / М. С. Новикова, А. Н. Новиков // Интернет-журнал «Науковедение». – 2014. – № 3. – Москва: Науковедение, 2014. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/127EVN314.pdf>, (дата обращения: 01.09.2014).
132. Официальный сайт Читинской и Краснокаменской епархии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chita.eparhia.ru/enarx/sviz/blagoch> (дата обращения: 14.09.2014).
133. Официальный сайт заповедника Пасвик [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pasvik51.ru/content> (дата обращения: 30.09.2012).
134. Особо охраняемые природные территории / Официальный сайт М-ва природных ресурсов и промышленности Забайкал. края. – Режим доступа: http://минприр.зabaykalskiykray.ru/OOS/OPS_resursy/osobo_ohranyaemye.html (дата обращения: 13.08.2014).
135. Официальный сайт Национального парка «Беловежская пушча» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://npbp.brest.by/en/28-teper-vsya-belovezhskaya-pushchapo-obe-storony-granitsy-vklyuchena-v-edinyj-transgranichnyj-ob-ekt-vsemirnogo-naslediyayunesko> (дата обращения: 11.06.2015).
136. Сегодня вступил в силу закон Забайкальского края об особо охраняемых природных территориях [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере природопользования // Новости Росприроднадзора. Понедельник 22 марта 2010. – Режим доступа: <http://rpn.gov.ru/node/455> (дата обращения: 13.08.2014).
137. Панченко, Е. М. Экологический каркас как природоохранная система региона / Е. М. Панченко, А. Г. Дюкарев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2010. – № 340. – С. 216–221.
138. Попкова, Л. И. Урбанизированные процессы на российско-украинском приграничном пространстве / Л. И. Попкова // Учен. зап.: электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. – 2013. – № 3–1 (27). – С. 315–334.
139. Потапов, И. А. Оценка транспортно-географического положения Соловецких островов для целей туризма / И. А. Потапов // Вестн. Северного (арктического) федер. ун-та. Сер.: Естественные науки. – 2015. – № 1. – С. 29–37.
140. Праги, У. Р. О мерах экономико-географического положения / У. Р. Праги // Изв. ВГО. – 1981. – Т.113. Вып.1. – С. 38–43.
141. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / отв. ред. П. Я. Бакланов, А. К. Тулохонов; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Байкальский ин-т природопольз. [и др.]. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 608 с. (Интеграционные проекты СО РАН. – Вып. 23).
142. Псковская и Витебская области начали подготовку к юбилейной встрече ветеранов на Кургане Дружбы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pln-pskov.ru/society/159605.html> (дата обращения: 03.03.2014).
143. Раднаев, Б. Л. Транспорт Востока Сибири в новой социально-экономической и геополитической ситуации / Б. Л. Раднаев. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – 128 с.
144. Раушенбах, Б. В. О логике триединости / Б. В. Раушенбах // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 166–169.
145. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. – Москва, 2011. 990 с.

146. Редина, М. М. Экономика природопользования. Практикум: учеб. пособие / М. М. Редина, А. П. Хаустов. – Москва: Высш. шк., 2006. – 271 с.
147. Родоман, Б. Б. Позиционный принцип и давление места / Б. Б. Родоман // Вестн. Моск. ун-та. Сер.5: География. – 1979. – № 4. – С. 14–20.
148. Родоман, Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии / Б. Б. Родоман. – Смоленск: Ойкумена, 1999. – 256 с.
149. Румянцев, Г. Н. Архив Засак-ламы Галсана Гомбоева: монография / Г. Н. Румянцев. – Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1959. – С.5.
150. Саушкин, Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика / Ю. Г. Саушкин. – Москва: Мысль, 1973. – 559 с.
151. Серпинский, В. Пифагоровы треугольники / В. Серпинский. – Москва: Учпедгиз, 1959. – 111 с.
152. Сигалов, М. Р. Железнодорожное строительство на практике хозяйственного освоения Сибири: монография / М. Р. Сигалов, В. А. Ламин. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1988. – 133 с.
153. Сочава, В. Б. Введение в учение о геосистемах / В. Б. Сочава. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. – 319 с.
154. Стратегия развития Забайкальского края 2030 [Электронный ресурс] / Официальный сайт Общественной палаты Забайкальского края. – Режим доступа: <http://opzab.ru/news/144> (дата обращения: 11.07.2015).
155. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: minregion.ru/activities/territorial_planning/strategy/-federal_development (дата обращения: 27.09.2012).
156. Суворова, А. А. Когда граница становится фронтиром / А.А Суворова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2014. – № 4. – С. 107–112.
157. Сысоева, Н. М. Проблемы собственности в развитии социального потенциала Забайкальского края / Н. М. Сысоева // Учен. зап. Забайкал. гос. ун-та. Сер.: Естественные науки. – 2013. – № 1 (48). – С. 187–190.
158. Типология. Новая философская энциклопедия Института философии РАН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/eilib/3019.html> (дата обращения: 13.11.2014).
159. Толковый словарь русского языка: ок. 30 000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Астрель: АСТ: Хранитель, 2008. – 1054, [2] с.
160. Томских, А. А. Межгорные котловины Забайкалья: географические аспекты освоения и охраны окружающей среды / А. А. Томских. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – 154 с.
161. Томских, А. А. Трансграничные научно-образовательные структуры в глобальном, национальном и региональном развитии / А. А. Томских. – Новосибирск: Гео, 2012. – 269 с.
162. Трейвиш, А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа / А. И. Трейвиш. – Москва: Новый хронограф, 2009. – 372 с.
163. Тулохонов, А. К. Асимметрия социально-экономического развития приграничных территорий России и Китая / А. К. Тулохонов, Э. М. Зомонова // Аналит. Вестн. Совета Федерации Федер. собр. Российской Федерации. – 2009 – № 6 (373). – С. 47–55.
164. Тюкавкина-Плотникова, С. Б. Роль транспорта в территориальной организации хозяйства (на примере Читинской области): автореф. дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Тюкавкина-Плотникова Светлана Борисовна. – Иркутск: ИГ СО РАН, 2003. – 22 с.
165. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 4-е изд. – Москва: Политиздат, 1981. – 445 с.
166. Фортификационные сооружения с танковыми башнями [Электронный ресурс] / Военно-исторический портал «Войны XX» века. – Режим доступа: <http://war20.ru/article/24/fortifikacionnye-sooruzhenia-s-tankovimi-bashnyami-i-tankami> (дата обращения: 05.07.2015).
167. Хаггет, П. Модели, парадигмы и новая география / П. Хаггет, Р. Дж. Чорли // Модели в географии: сб. статей / под ред. П. Хаггета, Дж. Чорли. – Москва: Прогресс, 1971. – 380 с.
168. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. – 571 [5] с.
169. Харвей, Д. Научное объяснение в географии / Д. Харвей. – Москва: Прогресс, 1974. – 502 с.
170. Хаусхофер, К. О геополитике. Работы разных лет / К. Хаусхофер. – Москва: Мысль, 2001. – С.115.
171. Хачатуров, Т. С. Экономика природопользования / Т. С. Хачатуров. – Москва: Экономика, 1982. – 225 с.
172. Хисматуллина, Ю. Р. Симметрия, асимметрия и диссимметрия в структуре и развитии живой материи: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / Хисматуллина Юлдуз Рахимзяновна; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2005. – 178 с.
173. Цымбурский, В. Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика / В. Л. Цымбурский. – Изд 2-е. – Москва: Едиториал УРСС, 2010. – 144 с.
174. Чечёткин, В. С. Минерально-сырьевые ресурсы. Глава 6 / В. С. Чечёткин, В. М. Аскоков, Л. И. Воронова [и др.] // Геологические исследования и горно-промышленный комплекс Забайкалья: История, современное состояние, проблемы, перспективы развития. К 300-летию основания Приказа рудоконных дел. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1999. – С. 147–225.

175. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС): история и цели создания [Электронный ресурс] // РИА Новости. – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20120606/664859152.html> (дата обращения: 06.07.2015).

176. Шарыгин, М. Д. Введение в экономическую и социальную географию: учеб. пособие для вузов / М. Д. Шарыгин, В. А. Столбов. – Москва: Дрофа, 2006. – 253 с.

177. Широкопад, А. Б. Россия и Китай. Конфликты и сотрудничество / А. Б. Широкопад. – Москва: Вече, 2004. – 277 с.

178. Шишулькин, С. А. Идеализация в социальном познании: к постановке вопроса / С. А. Шишулькин // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 29. – С. 88–90.

179. Шпортько, Ю. В. Территориальные особенности продолжительности жизни населения (на примере Читинской области) : дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / Шпортько Юлия Викторовна. – Улан-Удэ: БГУ, 2006. – 171 с.

180. Эвкалипты защитят Израиль от палестинских боевиков [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: http://www.pravda.ru/news/interesting_news/19-05-2011/1077517-eucaliptus-0 (дата обращения: 30.09.2012).

181. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Китайской Народной Республики о руководящих принципах взаимного сокращения вооружённых сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901729235> (дата обращения: 05.07.2015).

182. Яковец, Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю. В. Яковец. – Москва: Наука, 1999. – 448 с.

183. Якушенкова, О. С. Новые подходы в теории фронта в рамках новых научных направлений XX в. / О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2. – С. 286–293.

184. Vambrough R. Principia Metaphisica, «Philosophy», 1964. – P. 97–109.

Научное издание

Новиков Александр Николаевич

**Приграничное положение Забайкальского края
в трансграничном трёхзвенном регионе:
роль в территориальной организации населения и хозяйства**

Редактор Т. Р. Шевчук
Вёрстка Н. Ю. Добрецкой

Подписано в печать 01.10.2015
Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Способ печати оперативный.
Усл. печ. л. 10,9. Уч-изд. л. 8,7.
Заказ № 17315. Тираж 500 экз.
(1-й з-д 100 экз.).

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30